

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Ивановский государственный университет»

На правах рукописи

НАБИЛКИНА Лариса Николаевна

**ФЕНОМЕН ГОРОДА В ОБРАЗАХ
СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ**

24.00.01 – теория и история культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

доктора культурологии

Научный консультант:

Доктор философских наук, профессор
Мелешко Елена Дмитриевна

Иваново 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН ГОРОДА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ.....	24
1.1. Феномен города: понятие и образ в словесной культуре. Культурологический системный анализ.....	24
1.2. Русская провинция (малые города) как оппозиция мегаполиса.....	48
1.3. Феномен города как концепт.....	72
Выводы по первой главе.....	100
ГЛАВА 2. ХРОНОТОП ФЕНОМЕНА ГОРОДА В ОБРАЗАХ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	102
2.1. Город как историко-культурный феномен: Москва и Петербург как центры культурного поворота.....	102
2.2. Хронотоп города в образах словесной культуры: культурно-исторический анализ. На материалах романа А.Белого «Петербург», «Москва», повести И.Шмелева «Лето Господне», В.А. Гиляровского «Москва и москвичи».....	123
2.3. Темпоральность города в дискурсе повседневности в художественных образах словесной культуры: культурно-исторический анализ романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», романа Б. Ямпольского «Арбат - режимная улица», повести А.Трифоновой «Другая жизнь».....	138
Выводы по второй главе.....	165
ГЛАВА 3. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО ГОРОДА В ОБРАЗАХ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ.....	169
3.1 Телесность города. Мужскость и женственность в образах Лондона (П. Акرويد «Лондон. Биография»).....	169
3.2 Гастрономическая культура в образах русской словесной культуры (в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», повести И. Шмелева «Лето Господне»).....	183
3.3 Феномен еды как культурный код города: гастрономическая идентификация и способ коммуникативности в образах словесной культуры (по роману Джеймса Джойса «Улисс», Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой»).....	220
3.4 Творчество как культурный диалог в дискурсе темпоральности города. Русские травелоги как феномен культуры.....	249
Выводы по третьей главе.....	284
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	287
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	297

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования заключается в том, что феномен города, являясь достаточно *многосложным социокультурным* образованием, рассмотренным в различных культурных срезах в культурологическом ареале исследований, в то же самое время недостаточно исследован как *целостный феномен* в дискурсе словесной культуры.

Словесная культура, в широком смысле этого слова, вмещает в себя всю языковую культуру общества.

В данной диссертационной работе *словесная культура*, являющаяся *объектом* исследования, рассматривается как *текст*, включающий в себя *понятие* и *художественный образ*, рассмотренный на материале *художественных произведений и исторических исследований*.

На наш взгляд, *целостный культурологический анализ и реконструкция* понятий и образов словесной культуры в контексте *концепта*, формулирующего новые смыслы феномена города, дает возможность *расширения и углубления* данной научной проблемы.

Сложность исследовательской задачи сопряжена с тем, что данный подход формулирует перед исследователем решение проблем, связанных с привлечением *различных сфер гуманитарных наук*, точного выбора *методологии исследования*, являющейся основанием для реконструкции и интеграции в обнаружении новых смыслов феномена города в дискурсе словесной культуры.

Концепт как основной *методологический ресурс* в обнаружении и реконструкции феноменологии города определяет *способы и механизмы* выявления его характерных черт и особенностей, определяя существенные и несущественные, *профанные и сакральные* смыслы этого социокультурного образования. Таким образом, введение концепта как методологии исследования дает возможность *организовать* смысловое поле феномена города, состоящее из

множества черт, элементов и характеристик, выявить и уточнить их *системные особенности*.

В этой связи необходимо отметить, что философско-методологическими истоками нашего подхода в исследовании феномена города в дискурсе словесной культуры являлись труды М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Р. Барта, Ж. Делеза, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, М. Мамардашвили, В. Бибикина, В. Бычкова, В. Подороги, которые дали возможность осуществить феноменологическое и структуралистское обоснование концептуальности города как феномена культуры.

Актуальность диссертационного исследования заключается в обнаружении *системных элементов* концепта (*событие, хронотоп, культурологический портрет*), на основе которых были использованы материалы западноевропейской и русской словесной культуры различной *жанровой направленности*: исторической документалистики, биографических эссе, романов и повестей, созданных в различные исторические периоды.

Актуальность исследования выразилась в анализе феноменологии города в контексте *события* (как элемента концепта). Это дало возможность сгруппировать различные события, происходившие в истории России в контексте *культурного поворота* в процессе становления и развития российской державности, выделить *событие культурного поворота* (принятие христианства - петровские реформы - революция 1917 г.) как *онтологию* единства (фактуального и образного) в дискурсе словесной культуры.

Событие, как *повседневность*, в контексте феномена города рассматривается в диссертационном исследовании, как *государственная регулярность*, обозначающая повседневность государственной жизни в исторической документалистике. *Видимость события*, как *повседневности суетности, повседневности принятия пищи* в художественных образах Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица, повести Ю. Трифонова «Другая жизнь», в образах *гастрономической идентичности* героя и города (роман Д. Джойса

«Улисс») и *гастрономической коммуникативности как способа идентификации иностранца* (Э. Хемингуэй «Праздник, который всегда с тобой»).

Событие в контексте *хронотопа* реализует раскрытие (явленность) *сакрального (метафизического) смысла* феномена города. Это осуществляется посредством анализа *темпоральности* города, обозначающего его особую ритмику в различные периоды исторического бытия, дополняющего образные характеристики, такие как *эфемерное настоящее в потенциально вечном* в романе «Петербург», бытие в *прошлом* Москвы в романе «Москва», ритмика *погони* в «режимном городе» Б. Ямпольского, где город лишен сакральности пространства, поэтому в *настоящем* времени ритмы темпоральности есть лишь *констатация прошлого*.

Пространство и темпоральность города взаимосвязаны: отсутствие *сакральности* в образе пространства, означает отсутствие событийности пространства: остается только форма, исчезает смысл. Таким образом, темпоральность города как ритмика времени *отражает смысловую сакральную константу пространства*. Феномен города как *места (топоса)* в образах словесной культуры расширяется, принимая характерные черты *этоса*, формирующего нравственные качества обитателей города (М. Булгаков «Мастер и Маргарита», Ю. Трифонов «Другая жизнь»).

Степень разработанности проблемы. В современных гуманитарных исследованиях город позиционируется как своеобразный *поликультурный феномен*, имеющий различные *семантические смыслы*: от теории территориальности до теории концепта города. «Полифоничность» города как феномена в исследованиях *гуманитарной науки* можно сгруппировать следующим образом:

Феномен города как топос «этнотерриториальная теория», Платон, Аристотель, И.М. Гревс, Г.М. Лаппо, Л.В.Каганский, Д.Н. Замятин; как *политико-административный центр управления* (К. Бюхер, С. Стам, Г. Чайлд) *города-государства* (Ю.В. Андреев, Э. Кирстен); *опорный пункт*, защитное сооружение -

«бурговая теория», (Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Е.В. Гутнова); пространственная форма разделения труда (К. Маркс, Ф.Энгельс, Э. Дюркгейм, В. Зомбарт); пространство коммуникации, - (М. Вебер, Л.Мэмфорд, Л.В.Кошман А.А. Высоковский и др.); становление и развитие города – (Глазычев В.Л., Кошеленко Г.В., Маринович Л.П).

Феномен города как фактор развития человеческой цивилизации О. Шпенглер, Зиммель; *феномен города как социокультурное пространство* А.А. Дрегало, Н.В. Дулина, М.С. Каган Г.З., Каганов, М.В. Корчинская, М.Н. Межевич, Э.В. Соколов В.И. Ульяновский, Т.И. Черняева; В.Л. Глазычев А.Е. Левинтов А.Э. Гутнов;

Город как культурологический феномен Н.П. Анцифиров Н.С. Галушина, А.С. Степанова, В. Топоров, Л.Е. Трушина Л.Н. Евменова, И.Ю. Кудинова;

Город как лингвокультурный и литературный концепт (Белова, Н.А), *постмодернистский город в контексте концепта* (Стась И.Н.).

Город как образ в исследовании К. Линча «Образ города», в котором он дал развернутую характеристику *формирования образа города и городской среды*, исходя из понимания города «не просто как «вещи в себе», но как города, воспринимаемого его обитателями».

Город как особое место, формирующее психологию и образ жизни (А.А. Гутнов и Л.Б. Коган) исследовали город как *этнос*, связанный с ценностными нравственно психологическими особенностями образа жизни и менталитета горожан, их норм и ценностей, влияющих на изменение города как *места* (планирование города, его управление)

Н.С. Галушина в своем исследовании «Город как объект культурологического значения» представила систематизированный обзор исследований по урбанистике и культурологии, определила систему историко-культурологических типов городов. В своей работе автор проследила развитие российской научной школы культурологии города, проанализировала основные теоретико-методологические подходы культурологического образа города,

выявила основные типы *культурно-исторических городов*. В работе Галушиной Н.С. поставлена проблема *целостного* исследования феномена города, выделена проблема *городской среды*, рассмотрена идея значимости города как *архетипа*.

В работе Веселовой М.Н. «Исторический город как текст» рассматривается феномен исторического города на основе *артефактов исторических городов* Великого Новгорода, Пскова, Твери. Подчеркивается необходимость исследования исторического города как культурного текста посредством семиотического анализа исторического (древнерусского) города с целью интерпретаций его различных воплощений, в мемориальных, архитектурных, художественных, этнографических археологических образах. Исследование представляет ценность для нашей диссертационной работы, она заключается в *целостном анализе исторического города* материального артефакта (архитектура) и культурного текста, знака, смысла и культурного диалога. Это «позволяет реконструировать тексты прошлого, обладающие своей знаковой системой и вариативной семантикой, раскрыть их содержательную структуру и тем самым выстроить смысловое поле настоящего».¹

Городское пространство в социальном измерении. Эта проблема развита в трудах В.Л. Глазычева, Л.А. Ивановой, Ф.С. Файзуллина, которые рассматривали городскую среду аналогично понятию «социальная среда», выделяя при этом не только социальный аспект развития города и городской среды.²

О.Е. Трущенко, Л.М. Птицына считали, что изучение городской среды следует начинать с понимания особого менталитета горожан.³

С.А. Хасиев подчеркнул связь между этапами развития города и формированием городской среды.⁴

---

¹Веселова М.Н. Исторический город как текст русской культуры. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. Культурологии. СПб., 2009. Электронная библиотека диссертаций www.dslib.net

²Глазычев В.Л. Поэтика городской среды / Эстетическая выразительность города. М., Наука, 1995.

³Трущенко О.Е. Городская среда и образ жизни / Критика американских социологических концепций: Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. (09.00.03). – М., 1983.

Городская культура как целостная модель исследована в диссертации Гришанина Н.В. «Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры», в которой выделены теоретические аспекты структурно-семиотической модели городской культуры, обозначены ключевые семиотические понятия - «текст», «символ», «миф» городской культуры.⁵

Социокультурная модель феномена города представлена в диссертационном исследовании Паламарчука М. Л. «Город как социокультурный феномен», в котором автор определяет социокультурные истоки феномена города, сущностные черты развития современного города, выделена идея диалоговой функции современного города как сферы информационного пространства в системе информационного общества.⁶

В исследовании Ширибон Е.В. «Информационное пространство города (на примере Улан-Удэ)» показана *роль информации как культурного и диалогического потенциала города*, подчеркнуто, что в современной культуре города, городской среды информационное пространство является фактором выстраивания городского единства и ментальности, что обусловлено знанием культурной задачи выстраивания пространства инфраструктуры, «языков города и умения их согласовывать»⁷. В статье «Реклама в информационной культуре города» Е.В. Ширибон рассматривает роль рекламы и рекламных технологий в «воспроизводстве смыслов, в формировании собственного языка и кодов» городского пространства⁸.

---

⁴Хасиев С.А. Архитектура городской среды: Учеб. для вузов – М.; Стройиздат, 2001.

⁵ Гришанин Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01.- Санкт-Петербург, 2007.

⁶ Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук Архангельск 2009.

⁷ Ширибон Е.В. Информационное пространство города (на примере Улан-Удэ)//Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-buryatskogo-gosudarstvennogo-universiteta>

⁸ Ширибон Е.В.Реклама в информационной культуре города//Материалы конференции «Феноменология социальных трансформаций: Электронный ресурс: http://fst.my1.ru/load/materialy_konferencij/reklama_v_informacionnoj_kulture_goroda/1-1-0-31.

Статья «Город как средоточие коммуникаций» (Волчкова И.М. Лазарева Э.А.) интересна тем, что авторы предлагают рассмотреть феномен «Город» *как концепт*, используя филологический подход к проблеме, что «дает возможность на основе учета лингво-прагматических установок объединить в одно целое исследования разных научных областей»⁹.

Локальные топосы в художественной символике города представлены в диссертационном исследовании Никифоровой Л.В. «Дворец в истории русской художественной культуры» проблема города рассматривается через *топос дворца* как *символа власти* в художественном выражении «политического опыта культуры России» на культурологическом анализе художественной символики различных дворцов как архитектурных памятников. В работе дано «обоснование содержательно-смысловой целостности дворца-произведения искусства, как топоса власти, потенциально содержавшего в себе все многообразие форм репрезентации власти, ориентированной на язык европейской культуры»¹⁰.

Город как образ и *архетип* рассмотрен работах С. Аверинцева, В. Бычкова, В. Веташ и Семира (Щепановская Е.М.)

Метафизические истоки и художественная символика формирования образа города Санкт-Петербурга представлена в статье *Смирновой Т.Ю.* «Метафизика города как текст»,¹¹ архитектурные конструкции которого основаны на архетипическом образе.

Театральность в образах городов Венеции, Флоренции и Санкт-Петербурга проанализирована в исследовании *С.Турома* «Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления», *Смирновой Т.Ю.* «Метафизика города как текст».

⁹ Волчкова И.М. Лазарева Э.А. Город как средоточие коммуникаций////Электронный ресурс: <http://www.raasn.ru/academia.htm> ARCHITECTURE/

¹⁰ Никифорова Л.В. Дворец в истории русской художественной культуры. Автореф. на соискание уч. ст. доктора культурологии// Электронный ресурс: www/disser.ru

¹¹ Смирнова Т. Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый. — 2009. — №11. — С. 342-344.

Город как текст культуры представлен в исследовании *Е.Г.Бураго* «Семиотика города: Киев как текст культуры»,¹² рассматривается образ города Киева как «вечного города», как этоса национальной культуры на материалах художественных произведений и семиотики города Киева; *Трифоновой И.О.* «Город как сакральное пространство»,¹³ в котором на анализе семиотики городского пространства, показана сакральная роль храмов как центра города и защитной, оградительной надвратной храмовой символики. *Сакральность амбивалентности города*, его пространственного противостояния например, как сакрального центра (города-храма соответствующего идее города-рая) и пространства «Каменного города» как «царства Змея», который позиционируется как «мертвый город, царство смерти» отмечается в исследованиях *С.П. Гурина*.¹⁴

Анализ исследований, связанных с проблемой феномена города, позволил выделить общую парадигму, которая объединяет их культурологическую, филологическую и социологическую направленность.

Методологическое основание данных исследований, в основном, базируется на классических трудах *Зиммеля*, *М.М. Бахтина*, *Ю.М.*, *Лотмана*, *В.И. Топорова*. В современных культурологических исследованиях феномен еды рассматривается как *код культуры* (*Сохань И.В.*), еда как *концепт культуры* (*Марушкина Н.С.*), *гастрономическое тело культуры* (*Капкан М.С.*).

Современная исследовательская парадигма объединяет научные работы, связанные с изучением города как феномена культуры, в основном, представителей филологической и культурологической научных школ. Остается проблематичной идея города как *информационного центра*, центра

¹² Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры. Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры//Вестник РУДН, серия *Теория языка. Семиотика. Семантика*, 2016, № 2.

¹³ Трифонова И.О. Город как сакральное пространство// Электронный ресурс: <http://medievalrus.narod.ru> («Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая»).

¹⁴ Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты//Электронный ресурс: www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm

информационной культуры, сакральности и культурной виртуализации современного городского пространства. Недостаточно исследована проблема *концепта* города, хотя во многих работах прослеживается мысль о необходимости исследования *целостности* феномена города.

Нами представлены позиции, связанные с исследовательскими задачами анализа *признаков, свойств* города, его *социокультурных* особенностей, *перспектив* развития.

Цель исследования – целостный системный культурологический анализ феномена города в словесной культуре.

Объект исследования – образы словесной культуры.

Предмет исследования – феномен города.

Задачи исследования:

1. Анализ города как феномена культуры, в связи с чем рассмотреть основные характеристики феномена города, обозначить его культурный срез, определить культурологические особенности города как феномена;
2. Представить *методологическое обоснование* города как феномена культуры в рамках концепта, обосновать понятие концепта и элементов концепта (*событие, хронотоп, культурологический портрет*) применительно к исследованию феномена города в образах словесной культуры;
3. Проанализировать город как *феномен*, как центр культурного поворота в истории российского государства в контексте культурно-исторического анализа исторического и художественного образов. А.Н. Толстого «Петр Первый», обозначив их культурный смысл и жанровые особенности. Раскрыть характер хронотопа города в образах словесной культуры;
4. Представить целостный культурологический анализ *литературно-художественного хронотопа* на материалах романа А. Белого «Петербург», «Москва», повести И. Шмелева «Лето Господне», В.А. Гиляровского «Москва и москвичи»;

5. Обозначить культурологический анализ *темпоральности феномена города* в пространстве Москвы в рамках времени: 30-е – 80-е гг. XX века в период сталинских репрессий в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» повестей А. Трифонова «Городские повести», Б. Ямпольского «Арбат - режимная улица».
6. Рассмотреть *феномен* малого города России (Арзамас, Шуя) как *локусы провинции*, выделив особенность *географического ландшафта* малых городов в их соотношении с *семиотическими культурными смыслами (культурным ландшафтом)* символики места в образах словесной культуры;
7. Провести культурологический анализ биографического образа Лондона по работе П. Акройда «Лондон. Биография», обозначив гендерные признаки города в контексте его семиосферы;
8. Определить ценностные параметры гастрономической культуры, ее место и значение в семиотике города в образах русской словесной культуры (в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», повести И. Шмелева «Лето Господне»)
9. Рассмотреть *феномен еды в повседневности гастрономического события*, выделив *гастрономическую идентификацию* как фактор гастрономического события в контексте образов словесной культуры: (Джеймса Джойса «Улисс», Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой»);
10. Выделить значимость творчества в культурном диалоге в контексте культурного кода еды в городском пространстве Парижа, в художественном творчестве русских писателей (В. Некрасов, Э. Тополь, А. Стефанович);
11. Определить историю и *типологию* феномена русского травелога (жанр очерка путешествий) в творчестве И.А. Гончарова, Н.М. Карамзина, А.П. Забловского-Десятовского, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Д.И. Фонвизина; советских травелогов в творчестве В. Овчинникова, В. Осипова, И. Эренбурга).

Теоретические источники научного исследования концентрируются в следующих смысловых блоках:

Историко-философский блок исследования составили труды Платона, Аристотеля И. Канта, В.М. Г. Гегеля М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Делёз Ж., Гваттари Ф., Лосева А.Ф., Бахтина М.И. Бибикина В.В., В.П. Гайденко, А. Ф. Уайтхеда Труды Хайдеггера М. Бытие и время. М., Хайдеггер, М. Исток художественного творения // Работы и размышления разных лет / М., 1993.1998. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко. М., 1998; Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия. Алетейя. СПб., М.М. Эстетика словесного творчества. Сост. С.Г.Бочаров. - М.: Искусство, 1979. Бахтин М.М. Архитектоника поступка / Социологические исследования, 1986, № 2. Бахтин М.М. Из жизни идей. - М.: Лабиринт, 1995,его же «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике»М.,1975 г.; Бибикин В. Слово и событие сборник статей (М., 2001; 2-е изд. — М., 2010)1998; Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977; Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Текст.: в 3 т. / Ф.Бродель. М.: Прогресс, 1986. – Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. Бычков В.В. Эстетика отцов Церкви Вебер М. История хозяйства. Город : [пер. с нем.] / М.Вебер; Ин-т социологии РАН и др. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001Гайденко В. П. Тема судьбы и представление о времени в древнегреческом мировоззрении / В. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1969. - №9. – С. 88–98. Джохадзе Н. И. К методологии исследования проблемы времени в искусстве и эстетике / Н. И. Джохадзе // Вопросы философии: – 1983. – №1. – С. 130–138. Каган М. С. Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки / М. С. Каган // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве: статьи / М. С. Каган. – Л., 1974. – С.26–39. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., 2000. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М., 1970; Он же. Культура и взрыв. М., 1992; Штомпель Л. А. Смыслы времени / Л. А. Штомпель. – Ростов-на-Дону. – 2001 были использованы при анализе методологии исследования.

Культурологический блок исследования отмечен теоретическими трудами, Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М.: Прогресс, 1991. Глазычев В.Л. Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: «Наука», 1995. Леви-Строс, К. Мифологии: происхождение застольных обычаев / К. Леви- Строс. — М.: ИД «Флюид», 2007. Лотман Юрий «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Добровольская, М.В. Человек и его пища / М.В. Добровольская. – М.: Научный мир, 2005. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре. / В.Д. Лелеко; Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2002. Тело в русской культуре. Сборник статей / Сост. Г. Кабакова и Ф. Конт. -М.: Новое литературное обозрение, 2005. Сохань И.В. Женщина и гастрономический код культуры. Дьяконов Г.В. Концепция диалога М.М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии. Эти труды позволили обозначить в диссертации основные направления в анализе категорий *культуры повседневности*, ее *культурологического портрета* как целостности. Особенности культурологического портрета феномена города в образах словесной культуры, в свете теоретических трудов культурологического блока исследований, выразились в следующем: *еда как гастрономическая идентичность и средство коммуникативности, гендерный (мужскость) образ города*.

Литературоведческий блок исследования, работы которого послужили теоретическими основаниями для определения основных констант *концепта феномена города* в дискурсе словесной культуры, в рамках понятий: событие, хронотоп, культурологический портрет. Данный блок исследований составили труды: Анфицеров Н.П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга Текст.: репринт, воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг. / Н.П. Анфицеров. М.: Книга:Канон, 1991. Безрогов Г.Г. Скандинавы и возникновение Дублина // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. – М.: «Наука», 1992. Веснина Б. Питер Акройд [Электронный

ресурс] / Б. Веснина. – Режим доступа: <http://fantlab.ru>. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М. : Флинта, Наука, 2010. Гачев Г.Д. Образ в русской художественной литературе Текст. / Г.Д.Гачев. –М.: Искусство, 1981. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004, с. 42-67.

Методология научного исследования, определившая цели, задачи, научную новизну диссертационной работы, заключалась в исследовании феномена города в образах словесной культуры в ее различных константах: от научных понятий, выражающих фактуальность феномена города до художественно-интуитивных смыслов, выраженных в художественных образах. Подобная методология основывалась на *оппозиции* понятия феномена как «явленности и неявленности» (Хайдеггер) *фактуальности* и *сакральности* объекта. Феномен города – понятие многосложное и полифоничное, требующее целостного, комплексного исследования, *интеграции* различных сфер гуманитарной науки. В данном исследовании был проанализирован *культурный срез* феномена города и его отражение в образах исторической фактуальности и художественной образности в дискурсе словесной культуры. Методологической основой *целостности* этих особенностей феномена города является *концепт*, соединяющий в себе существенные и несущественные характеристики объекта, выделяя в них характерные культурные смыслы. Такой подход дал возможность выделить фактуальные признаки феномена города как понятия и его образные особенности, раскрывающие реальные и сакральные смыслы.

Согласно представленной методологии исследования, были использованы следующие методы:

- метод феноменологического исследования феномена города в художественном образе в текстах культуры связан с определением смыслов объекта, изображаемого в образах. Феномен города был рассмотрен в различных жанрах (роман, биографическое эссе, повесть) и художественных направлениях (реализм, модернизм, постмодернизм), охватывающих различные периоды истории, что

дало возможность обнаружить различные смыслы и характерные черты города как *предмета* исследования.

- **герменевтический метод** был применен при исследовании сакральности и метафизической обусловленности образа.

- **сравнительно-исторический метод** использован при анализе исторических фактов понятия города, моделей городов и их проекций в образах культуры.

- **диалектический метод** исследования был применен в ходе исследования концепта феномена города, диалектического единства (целостности) его элементов: (событие, хронотоп, культурологический портрет) с учетом их характерных особенностей, что дало возможность раскрытия профанного и сакрального смысла объекта исследования.

- **метод анализа и синтеза, дедукции и индукции** дали возможность определить феномен города как культурно-историческое понятие, выделить его основные черты; в художественном образе выделить черты индивидуального и общего, неповторимого и типического, определить в феномене города образы-характеры, образы-события. Метод анализа был применен в процессе использования художественных, документальных и исторических текстов.

- **системный метод** позволил рассмотреть феномен города в образах словесной культуры, показать элементы системы концепта, установить *взаимосвязь и логику этих элементов* с тем, чтобы определить их *организацию* в контексте художественного произведения. Это дало возможность рассмотреть отдельные стороны художественного произведения в контексте *события, темпоральности* (ритмики) города, черты *культурологического портрета* с тем, чтобы выявить целостный концептуальный смысл феномена города как *образа*.

Научная новизна исследования заключается в *целостном системном концептуальном культурологическом анализе и реконструкции* феномена города в его историческом, художественном изображении на материалах исторической документалистики, биографической эссеистики, художественных образов

русской, советской и западноевропейской культуры, что впервые осуществляется в диссертационном исследовании по культурологии.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что в диссертации представлен целостный комплексный анализ феномена города, в результате которого были выявлены *концептуальные* характеристики этого образования такие как, *событие, хронотоп, культурологический портрет города*.

Событие раскрывает *ценностные смыслы* (профаность и сакральность, повседневность, обыденность и суэта) феномена города в контексте *хронотопа* (темпоральности, ритмики: «Петербург», «Москва» А. Белого, «Арбат – режимная улица» Б. Ямпольского, Ю. Трифонова «Другая жизнь»). Путешествие в дискурсе *события* в образах словесной культуры позволило обозначить путешествие в контексте ее истории и травелога как особого жанра (письма, очерки), раскрывающего специфический способ культурного диалога, центром которого является феномен города.

Хронотоп города раскрывает значение *соотношения* пространства, места и времени в городском пространстве его ценностные свойства в повседневной жизни, место и значение в семиотике города в *экзистенциальном* жизненном пространстве («Мастер и Маргарита» М. Булгаков, «Другая жизнь» Ю. Трифонов). Выделен *феномен малого города* на примере городов (Арзамас, Шуя), как оппозиции мегаполиса, в его соотношении с провинцией, определен религиозно-мистический и военно-промышленный статус Арзамаса, имеющих национальное значение в современной России.

В основе культурологического портрета города представлена *телесность* феномена города (П. Акройда «Лондон. Биография»), *гастрономическая культура*, с модусами: а) феномена еды, институализация еды, нормы и принципы принятия пищи; б) *гастрономического соблазна*, которые раскрывают профаный и сакральный смысл еды в жизни человека; в) *диалогичности* культур в контексте культурологического портрета в модусах: *гастрономической культуры* (Джеймса Джойса «Улисс», Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой»).

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее положения, результаты и выводы используются в общих лекционных курсах и семинарах по культурологии и литературоведению, по урбанистике и специфике текста, в проведенном компаративном анализе образов городов в словесной культуре в западноевропейских, американских и российских произведениях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен города - сложная система *социокультурных понятий и смыслов*, конкретизирующихся в историческом, экономическом, пространственно-временном и культурном значениях. Это - важная часть культуры, которая отражена в текстах словесной культуры в виде понятий и образов. Словесная культура организует нормативы и принципы языковой жизни, является частью культуры, содержательно определяется вызовами культуры, творчески расширяя рамки культурной жизни.

2. Методология работы определяется целью *консолидации* феноменологии города в *единый смысловой системный каркас*, объединяющий многообразие характеристик города, в целостную *концептуальную модель*, имеющую свои модусы. Методология работы создана на основе философии Ж. Делеза, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М.М. Бахтина, М. Мамардашвили и др. на материалах исторических произведений А. Алмазова, И. Аксакова, Н.М. Карамзина, В.А. Глазычева, В.А. Гиляровского, художественных произведений: П. Акройда «Лондон. Биография», А. Белого «Петербург», «Москва», П.Д. Боборыкина «Китай-город» М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», А.Н. Толстого «Петр Первый», А.Трифоновой «Другая жизнь», Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой», повести И.Шмелева «Лето Господне», романа Б. Ямпольского «Арбат - режимная улица».

Анализ феномена города в дискурсе концепта, как методологического обоснования работы, дал возможность рассмотреть феномен города в рамках словесной культуры в *единстве профанного и сакрального*, повседневного и внеповседневного (праздник), определить феномен города в контексте таких

элементов концепта как: **событие, хронотон, темпоральность культурологический портрет**, что расширило концептуальное методологическое поле исследования, позволило рассмотреть феномен города в контексте исторического объекта и художественного образа, определить связи и смыслы в различных жанрах и направлениях. Феномен города рассматривается как *понятие* и как *образ*, которые отражаются в *фактуальном* (когнитивном) и *образном* (интуитивно-художественном) смыслах в *исторической документалистике, биографическом эссе, художественных произведениях* русской, советской и западноевропейской литературы.

3. Культурологический срез **события** как:

- *онтологическое основание единства* образного и фактуального понимания города как феномена словесной культуры;
- события как *ценности*, которая актуализируется в *диалогическом пространстве* культуры, в культурном тексте;
- событие в *онтологическом контексте* как исторический процесс в его переломной фрустрационной позиции рассматривается в диссертации как постепенное *накопление событийного ресурса*, связанное с материальными изменениями и социальными «сдвигами» сознания исторической документалистики (Н.А. Карамзин, И. Аксаков, В. Глазычев, Ю.М. Лотман);
- образно - интуитивное проникновение в *событие* в контексте городского пространства (А. Белый «Петербург»(1917), «Москва» (1932), А.Н. Толстого «Петр Первый») «расширяет» значимость исторической фактуальности, определяя его *прогностическую перспективу* (А. Белый «Петербург»(1917), «Москва» (1932)).

4. Ценностный смысл события в контексте города выделяется в *акте творчества*, как высшего проявления человеческого духа, что, в определенной степени зависит от *духовно-нравственной энергетики места* (например, Париж в творческой судьбе Э. Хэмингуэя, В. Некрасова, Э. Тополя, А. Стефановича). Творчество – поступок в рамках события предполагает *заданность*

долженствованием. Поступок определяется *онтологией события*, демонстрируя «захваченность» событием (В. Бибихин). Отсюда - событие формирует город не только как *топос* (место в пространстве), но и как *этнос*, место, сакральный смысл которого – в *духовно – нравственном одухотворении* его обитателей (М. Булгаков «Мастер и Маргарита», Ю. Трифонов «Другая жизнь», П. Боборыкин «Китай-город», А.Белый «Петербург», «Москва», Э. Хэмингуэй «Праздник который всегда с тобой»). В другом случае - в уничтожении духовных основ, превращения в город-тюрьму (Б. Ямпольский «Арбат – режимная улица»). Событие здесь фиксируется как изменение оппозиции *профанность – сакральность*, в результате чего город ассоциируется как «мертвый город», «город-ад». Ценностный смысл события в контексте художественной судьбы и образной выразительности героев (Ю. Трифонов «Другая жизнь») подчеркивается соразмерностью *соотношения профанности и сакральности* повседневного существования и экзистенциального события жизни героев в рамках смысловой концептуальности феномена города: нарушение равновесия в пользу профанности обнаруживает фактор повседневности как *видимости* жизненных коллизий в их профаном выражении.

4. **Хронотон** феномена города в контексте концепта дает возможность его рассмотрения как: а) *смысловой темпоральности*; б) *ритмом погони*; в) *ритмом суетности*. Темпоральность феномена города обнаруживается в его *смысловой ритмике*, когда «пространство осмысляется временем» (М.М. Бахтин), например, (И. Шмелев «Лето Господне»). *Ритм погони* в «режимном городе» обозначен в городском пространстве, лишенном сакрального смысла (Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица»), где ритмика темпоральности города - в *констатации прошлого*. В *ритмике суетности* Москвы (Ю. Трифонов «Другая жизнь») выражается в отсутствии смысловой наполненности времени в *суетной повседневности города*: темпоральность повседневного заключает в себя *настоящее*, исключая *прошлое и будущее*, которое заточено в *настоящем*.

5. Культурологический портрет - своеобразное «застывшее» *единство пространства и времени*, создающий образ *телесности* города, с чертами *гендерности (мускулинности)* - П. Акرويد « Лондон. Биография. »; *гастрономического тела* (Дж. Джойс «Улисс») и *гастрономической культуры* (В.А.Гиляровский «Москва и москвичи», П. Боборыкин «Китай – город»). Культурологический портрет обозначает *код еды* как важную черту гастрономической культуры города. В ходе развития культуры происходят процессы *профанализации сакрального смысла* принятия пищи (поедание тотема, «вкушение тела Христова»). В диссертации рассматривается феномен еды в контексте *события – повседневности*, представляющую собой *оппозицию «внеповседневности»*. Событие здесь манифестируется как *преодоление* повседневности, поэтому еда воспринимается, как каждодневный праздник, *гастрономическое событие*. Оно связано с бунтом против религиозного (мицвот), повседневного *табуирования* еды (Дж. Джойс «Улисс», В.А. Гиляровский) и *творческой воодушевленности* писателя (Э. Хэмингуэй «Праздник, который всегда с тобой»). Город в контексте феномена еды представлен в его *профаном* образе *гастрономического соблазна* (символического тотема), как инверсия прарелигиозному тотему (Дж. Джойс «Улисс»). С другой стороны, образ города в его «внеповседневности» становится *творческим пространством, творческой лабораторией* писателя, поэтому образ еды художественно подчеркивает создание атмосферы «внеповседневности» Парижа, его необычности и праздничности (Э. Хэмингуэй «Праздник, который всегда с тобой»).

6. Феномен русского травелога в контексте *культурного события* в дискурсе *диалога культур*, независимых от времени и пространства. Культурное событие в искусстве, как, например, «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хэмингуэя имеет глубокий нравственный смысл поступка, который объединяет людей в культурном пространстве, определяя, порой, их жизненные коллизии и судьбы. В этом феномен американского писателя Э. Хемингуэя и русских

травелогов – эмигрантов В. Некрасова, А. Синявского, российских писателей А. Стефановича, Э. Тополя.

Апробация исследования Основные положения диссертации были заслушаны и получили одобрение на международных конференциях и семинарах: «По следам Хемингуэя: Русский Париж»// «Актуальные проблемы американистики» (Н.Новгород, ННГУ, 2003): «Тема истеблишмента в американской литературе: от критики к апологетике» //«Консерватизм и либерализм в литературе США»(Москва, МГУ, 2005); «Консервативные ценности в романе Д. О’Хары «Дело Локвудов» // «Слово и/или как власть: автор и авторитет в американской культурной традиции» (Москва, ОИКС-МГУ, 2005); «Омуты и мели модернизма. Хаос и космос Джеймса Джойса»// «Классические и неклассические модели мира в отечественной и зарубежной литературе» (Воронеж, Ин-т русской литературы (Пушкинский дом) РАН, 2006), «Русский образ Британии»// «Британия: история, культура, образование» (Ярославль, 2008), «Образ Нью-Йорка в восприятии русских и американских писателей»//«Город и урбанизм в американской культуре» (Москва, МГУ – ОИКС, 2011); «История города – история цивилизации»//«Рождение культурологии в России» (Шуя, 2013), Город «больших возможностей» в изображении Джона Дос Пассоса // Ценности американской культуры вчера и сегодня. (МГУ, 2013), Город как литературный текст // International Conference on European Science and Technology. (Munich, Germany, 2012), Современные подходы к изучению города как культурологического феномена // Science, Technology and Higher Education. (Westwood, Canada, 2013)"; VII, VIII, IX, X Международной научной конференции «Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых «Университет – новой школе»» (Шуя, 2014-2017 гг).

На всероссийских научных конференциях: «История города: Арзамас» // «А.П.Гайдар и круг детского и юношеского чтения» (Арзамас, 2011), а также на региональных и вузовских конференциях.

Основное содержание диссертации изложено в 50 публикациях, из них 22 публикации в рецензируемых журналах и изданиях, включенных в перечень ВАК РФ, 5 монографий, 23 статьи в сборниках других научных трудов.

Соответствие диссертации паспорту научных специальностей. Работа соответствует специальности 24.00.01. – «Теория и история культуры» и выполнена в соответствии с пунктами № 6, 9, 13, 15, 24, 28 шифра специальностей ВАК Минобрнауки РФ.

Структура диссертационного исследования связана с решением поставленных задач: работа состоит из введения, трех основных глав, каждая из которых делится на параграфы, заключения и библиографии, насчитывающей 399 наименований, в том числе 45 на английском языке.

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН «ГОРОД»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Цель данной главы – анализ феномена города как культурного концепта. Понимание концепта города в его культурном смысловом значении, рассмотрение основных черт и характеристик концепта города в *художественных образах словесной культуры*, в связи с чем, будут определены смыслы и особенности *словесной культуры в ее художественных интерпретациях*, которые воссоздают образы города.

1.1. Феномен «город»: культурологический системный анализ

Цель параграфа: Определить основные характерные социокультурные особенности феномена «город» с позиций культурно-исторического, лингвистического, метафизического и социокультурного подходов.

Задачи: 1. раскрыть особенности города как культурного артефакта, как единство материального и социокультурного образования;

2. обозначить его исторические истоки и характеристики существования в истории культуры ;

3. выделить различные способы отражения феномена город в истории культуры (образ, знак, символ, текст);

4. обозначить фактор словесной культуры как способа отражения феномена город;

5. выделить и проанализировать элементы словесной культуры (понятие, образ, знак) как различных обозначений феномена «город» в системе словесной культуры;

6. рассмотреть понятие концепта как методологическую основу культурологического анализа феномена города в контексте словесной культуры.

Феномен города имеет ценностную значимость в истории развития человечества и мировой цивилизации. Город, по меткому замечанию Ф. Броделя – «новая судьба мира, он беспрестанно вершит жизнь людей, открывая двери того, что мы зовем историей».

Постановка проблемы. В данном параграфе будет выделена и проанализирована *система понятий города как культурного феномена*.

Город как феномен включает в себя различные понятия. Система понятий, охватывающее такое явление как город, обусловлены многосложностью и поликультурной «насыщенностью» смыслов и значений, что вызвало необходимость в расширении методологии диссертационной работы. Постановка проблемы в исследовании социокультурного образования «город» основывается на определении методологических истоков, которые экстраполируются: а) на систему значений города как понятия; б) систему смыслов, связанных с понятием феномена города; в) способами выражения феномена города в культуре.

Такой подход дает возможность сгруппировать различные исследовательские парадигмы и рассмотреть город как *целостный культурологический феномен*, концептуально обозначив образы его проявлений в культуре.

В данном параграфе, исходя из заявленных целей, рассматриваются: а) город как *конкретно-историческое* явление: система понятий и определений; б) *философский* анализ понятия феномен; в) город как *культурный феномен* (конкретный и сакральный) смысл города

Словесная культура – отображение того или иного культурного явления в *понятиях и образах*, поэтому словесная культура вбирает в себя все то, что заявлено языком, знаками в письменном виде. Собственно говоря, в целом, язык – это «культурный феномен... он «возделывается» человеком, человеческим обществом в ходе его использования, что в итоге формируется то понятие, которое и принято называть языковой (словесной) культурой и которое мы определяем как языковое пространство, в котором вынужден жить человек. Каждый язык «очерчивает» вокруг социума именно своего рода круг, в координатах которого обязан определенным образом вести себя каждый член социума (ср.: русская языковая культура, английская языковая культура, казахская языковая культура и т.п.). Тем не менее, в онтологии своей словесная (языковая) культура предполагает творческую, «возделывающую» деятельность

языковой личности. Такая деятельность во многом связана с созданием новых смыслов, «творением» нового концептуального пространства языка, слова»¹⁵.

Таким образом, словесная культура в широком смысле - это «языковая жизнь общества как часть культуры общества. Она имеет дело с фактами культуры, которые, в отличие от других, представляют собой либо правило, либо прецедент, являются уникальными и имеют свои хронотопы..., это система нормативов, по которым строится языковая жизнь общества». В целом «словесная культура – это те общие принципы, которые лежат в организации и языка, и речи, и языковой личности, и словесности, и филологических описаний – всей языковой жизни общества. Эти общие принципы задаются культурой»¹⁶.

Из этого можно заключить: *различные тексты* (научные, художественные, тексты официального, правового и другого характера) являются *частью словесной культуры*.

Научный текст как часть словесной культуры выражает определенные смысловые положения науки посредством понятий, которые обозначены как «мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в класс (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак. Напр., понятие «четырёхугольник с равными сторонами и равными углами» выделяет множество квадратов из области четырёхугольников на основе признака «иметь равные стороны и равные углы»¹⁷.

---

¹⁵Ли В. Актуализация пропорционального содержания слова (к проблеме онтологии словесной культуры) . [Электронный ресурс] Режим доступ а <http://gisap.eu/node/28828>

¹⁶Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре. [Электронный ресурс] : учеб.пособие. Год издания: 2012.Издательство: М.: Флинта ISBN: 978-5-89349-493-8 [Электронный ресурс] Режим доступ а <http://7tor.org/viewtopic.php?t=2940457>

¹⁷ Понятие. Новая философская энциклопедия в 4 тт.. Интернет-версия издания:Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С.Степин. — М.: Мысль, 2000—2001. — ISBN 5-244-00961-3. 2-е изд., испр. и допол. — М.:Мысль, 2010. — ISBN 978-5-244-01115-9. <http://ipnlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc2643a368caa9ea5d95c>

Таким образом, понятие, являясь формой отражения рационального познания, (наряду с суждением и научной теорией) – «одна из основных форм отражения мира на рациональной, логической ступени познания», как «объективное единство различных моментов предмета понятия, которое создано на основании правил рассудка или систематичности знаний. Оно «неперсонально, непосредственно связано со знаковыми и значимыми структурами языка, выполняющего функции становления определенной мысли, независимо от общения. Это итог, ступени или моменты познания»¹⁸. Понятия, будучи логически взаимосвязаны и взаимообусловлены, образуют системную структуру определенной области знания. Причем понятия «ориентированы» на определенный *результат* и исключают *несущественные стороны* предмета или вещи, связанных с данным понятием, так как *смысл* понятия направлен на сущностные характеристики (элементы) вещи.

Город как конкретно-историческое понятие означает *населенный пункт* крупного размера, жители которого не занимались *производством сельхозпродуктов*. Город – среда обитания человека, она отлична от среды обитания деревень, основным признаком и средством для жизни являются сельскохозяйственные работы. Признаками (свойствами) города как понятия являются: ***экономические признаки***: *торговля*, а центром - рынок, торговые ряды, куда поступает сельскохозяйственная и ремесленная продукция.

Исторические исследования показывают, что «протогород» представлял собой территорию, обнесенную общей стеной, из-за которой люди выходили в светлое время суток для производства каких-либо сельскохозяйственных работ. Город в подлинном смысле этого слова археологи обнаружили лишь в Древнем Египте. По сути дела, город представлял собой крепость, окруженную усадьбами, домами и прочими постройками. Даже в Древнем Египте город являлся окружением вокруг дворцового комплекса фараона или главы нома (номарха) –

---

¹⁸Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
<http://dic.academic.ru/>

своеобразного региона, на которые делилось государство. Протогорода складывались еще вокруг крупного храмового комплекса.

Города соединяли дороги. Особенно важную роль дороги играли в Древнем Риме. Их отличало отменное качество. Римские дороги сохранились даже спустя тысячелетия, например, в Великобритании. Строительство дорог сопровождалось интенсивным освоением прилегающих территорий. Римляне унаследовали достижения греков, персов и египтян. У греков они заимствовали определенные требования к комфорту (по замечанию У. Черчилля, англичане достигли такого уровня лишь во второй половине XX века), у персов – систему дорог и управление территориями через сатрапов (у римлян – прокураторов, не вмешивавших без надобности в дела местного управления, как, например, в Иудее). Однако римские архитекторы внесли в строительство города свои новшества, главным из которых было то, что римский город первоначально напоминал военный лагерь, дороги к которому переходили в главные улицы города.

Нашествие варваров привело к тому, то в Европе города были почти полностью разрушены. Хранителями урбанистики стали монастыри. Города стали возрождаться лишь с развитием торговли и ремесленничества. Но власти города стали вступать в конфликт с феодальными правителями, отстаивая свое самоуправление.

Пространственным признаком города является территория (место), первоначально обнесенная стеной или каким-либо другим защитным сооружением; в дальнейшем пространственный признак расширяется, приобретая *политические и правовые* ориентиры как городской агломерат, имеющий свои *административные границы*, и управляемый *выбранным советом* во главе с *градоначальником* (мэром, главой администрации, бургомистром). Первоначально город, имеющий в своем названии частицу «бург», подчинялся исключительно *верховой власти* (а в Англии не подчинялся даже монарху). Город принимал свои правовые акты и выработывал правила жизни.

По мере укрупнения городов и их значения в жизни людей в XX веке в оборот вошло слово «мегаполис». Город служит *центром* развития торговли, культуры и цивилизации. По мере увеличения количества городов, возрастания их численности, увеличивается и значимость города как центра экономического, торгового и культурного развития и обозначается как процесс *урбанизации культуры*. «Урбанизация (от лат. *urbs* - город) - это исторический процесс повышения роли городов, городского образа жизни и городской культуры в развитии общества, определяющийся *пространственной* (*курсив – мой Л.Н.*) концентрацией деятельности в сравнительно немногочисленных центрах и ареалах преимущественно социально-экономического развития»¹⁹.

Этот процесс берет свое начало ещё в эпоху перехода первобытно-общинного строя к рабовладельческому, главным условием которого является отделение ремесла от земледелия и дальнейшее углубление общественного разделения.

Исторически(время)и географически(места) города возникали в различных регионах мира в разное время.

В.Л.Глазычев, советский и российский урбанист, заметил, что «поселения (Иерихон, Мерсин, ЧаталХюйюк, Кирокития), от которых до «настоящего» города остается один шаг, но шаг, так и не сделанный, возникают в VIII—VI тыс. до н.э., а «настоящие» города возникают не позже III тыс. до н. э.»²⁰ как объединение свободных граждан, не занимающихся сельскохозяйственным трудом.

Город в Греции был частью полиса. «Древнегреческое понятие *πόλις* в современных языках определяется через составной термин «город-государство», «city-state», «Stadtstaat», «citta-stato», «cité-état» или «ville-état» (хотя, в общем, во французском языке всегда более предпочтительным оставался термин *cité*). Город, обладающий независимым политическим статусом, — такова была

¹⁹Пивоваров Ю. Л. Проблемы современной урбанизации / Ю. Л. Пивоваров. - М. : Статистика, 1972. – стр.16

²⁰См: Sakellariou M.S. The Polis-state. Definition and Origin. Athens, 1989. P. 19-23.

суть понимания полиса»²¹. Согласно Аристотелю, полис - это наивысшая форма всех возможных типов человеческого сообщества смысл которого – *гармония* всех сфер жизни. Даже хозяйство (οἰκονομία, что означало «домоуправление», порядок, закон в доме), в сознании греков, в их представлениях о мире, воспринималось как *эстетический образ*, как слепок *космоса*, в котором главенствующую роль во всех сферах общественного развития занимает *мировой порядок и гармония*, располагающая к созерцанию прекрасного²².

В то же самое время возрастание роли города в античности как фактора развития античной цивилизации и культуры при одновременном противопоставлении его полису послужили одной из причин разрушения античной цивилизации²³.

Влияние роста городов как фактора общественно-экономического развития, а вместе с ними и возрастания роли научного знания, изменяют общественные

---

²¹ См.: Кошеленко Г.А. Маринович Л.П. Древний город и античный полис/Город как социокультурное явление исторического процесса. / Российская академия наук, Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры»; Ответственный редактор доктор исторических наук Э. В. Сайко. — Москва : Наука, 1995. — 351 с. — ISBN 5-02-011228-3. С.96.

²² В этом смысле характерна система ценностей полиса: «традиционным полисным идеалам, следует особо принять во внимание, что высшей ценностью для граждан был сам полис. В силу этого принципиально важного положения противопоставление личности обществу, индивида — коллективу не могло иметь места, ибо только благо и процветание целого обеспечивало благополучие каждого. Земледелие рассматривалось как наиболее достойное гражданина занятие, иные формы деятельности осуждались, как и стремление к богатству выше уровня, необходимого для нормального существования членов ойкоса. Полис старался регулировать уровень благосостояния граждан, не допуская чрезмерного расслоения, угрожающего гомогенности гражданского коллектива. В системе ценностей, созданной полисом, важное место занимали традиционность, стремление сохранить все отношения в неизменном виде».

²³ См.: Sjöberg G. The Origin and Evolution of Cities I I Cities: their Origin, Growth and Human Impact / Introduction тју K. Davis. San Francisco, 1973. P. 19-20; Тhirty J.-P. Тhéories sur le phénomène urbain: analyse critique et matériaux pour une théorie sociologique. Bruxelles, 1973. P. 35; Межевич М.Н. Социальное развитие и город: философские и социологические аспекты. Д., 1979; Сайко Э.В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973.

представления об окружающем мире: *эстетическое* представление заменяется *экономическим* видением общественной реальности, *эстетические образы мирового порядка* сменяются *экономическими*, *эстетический общественный строй* – *экономическим строем*, формируя *тип человека - номооікопомікіс* – *человека экономического*.

Таким образом, город как конкретно-историческое образование даже в историческом контексте отражает связи с культурным, экономическим, социальным развитием общества. Город, постепенно увеличиваясь пространственно, развивается в социокультурном измерении, представляя собой *диалогический центр* культурного, политического и экономического сотрудничества. Эти факторы являются определяющими в формировании города как *феномена культуры*, как *фактора* развития цивилизации.

Город как феномен характеризуется не только с исторической или экономической инвариантности, но и как одно из оснований для формирования *общественно-исторических образов мировидения*. Город как фактор развития цивилизационной культуры является, также, одной из причин изменивших *тип культурной составляющей общественного сознания*. Этот факт подчеркивает влияние и взаимозависимость культурной и конкретно-исторических элементов данного феномена. Город как *культурный феномен* имеет важные *культурные маркеры смыслов*, в силу чего не может быть ограничен рамками понятия

Город как феномен представляет собой систему *социокультурных понятий и смыслов*, которые конкретизируются в историческом, экономическом, пространственно-временном и культурном значениях. Поэтому город как культурный феномен требует своего рассмотрения не только как *научного* понятия, но и как феномена в его *метафизическом осмыслении*.

Понятие города как *объекта научного исследования* может быть определено через *систему качественных характеристик*, обозначенных целями и задачами различных наук: исторической, социологической,

экономической, географической, художественной, культурологической, лингвистической, семиотической и других.

Понятие, как это было показано выше, выделяет в феномене города *существенные черты*, нацеленные на *результат определения*. Однако феномен города содержит не только сущностные характеристики, но и *несущественные черты*, экстраполируется не только как понятие, но и как *образ культуры*. Именно это обстоятельство объясняет обращение к *метафизическому* истолкованию проблемы, которое основывается на его историко-философском контексте.

Слово «феномен» имеет следующее терминологическое обозначение (греч. φαίνόμενον, от φαίνεσθαι – являться, быть видимым, также – казаться) и объясняет его как явление, предмет, данный в чувственном созерцании. В истории философии феномен рассматривался со времен античности. Согласно Платону «феноменальный (видимый) мир становления является лишь отражением ноуменального (мыслимого) мира идей, или бытия, что влечет за собой отрицательную трактовку ценности феномена»²⁴. Беркли и Юм отрицают достоверность явления, вводятся термины «видимость», кажимость». Феномен в понимании И.Канта объект «конституированный трансцендентным «Я»». Метафизическое значение²⁵ наиболее полно обозначено в феноменологии Гуссерля. Феномен – то, что «показывает себя» очевидным и достоверным образом». «Феномен являет именно идею, отсюда – смысл не только «кажмости», но и положительной «явленности», открытости бытия. По Хайдеггеру, «феномен не обозначает ничего «содержательного», но относится только к «способу», каким нечто становится нам доступным...»²⁶ (подробнее об

²⁴ Платон. Диалоги. М.: Азбука, 2015. С.18.

²⁵ См.: И. А. Михайлов «Феномен»//Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. IV, с. 174-175.

²⁶ Хайдеггер утверждает также, что к «способу бытия» феномена присуще как «показывание себя на себе самом», так и «скрывание себя». См.: И. А. Михайлов ст. «Феномен»//Новая философская

этом в 1.3). Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что город как культурный феномен – имеет «явленный» или открытый смысл (значение) и сакральный (скрытый).

Город как культурный феномен открывается не только как *материальный объект*, административно-территориальное образование, которое является *оппозицией* деревне, противопоставляется различным поселениям архитектурой целевой направленностью, размерами и т.д., но и как некая сакральность, представленная в *культурных и информационных кодах* (текстах, символах, знаках).

Более того, город формирует *свой образ*, свое настроение, соответственно чему каждый город - особенный, в нем проживают люди, которые соответствуют *ритмике этого места* (топос), его природным характеристикам, в ареале которых существуют умонастроения и нравы в соответствии со *временем* (хронотопом). Таким образом, город находится не только в пространстве географическом, но и в *пространстве культурном*, которое представляет собой «равноценную, но чувственно не воспринимаемую разъятость» (М.Хайдеггер), насыщенную символами и знаками, связанную с именами и мифами. Культурное пространство города является живым и диалогичным, оно – хранитель прошлого, его ценностей и культурных артефактов, которые нанизывают, вбирают в себя новые культурные тексты, знаки, события.

Культурное пространство города, не является безликим или равнодушным, даже в культурной символике, оно насыщено *событием*, ведь «в безразличном пространстве человеческие события невозможны и не происходят»²⁷.

энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010, т. IV, с. 174-175.

²⁷Мамардашвили М. Психологическая топология пути. .М. Пруст «В поисках утраченного времени». Издательство Русского Христианского гуманитарного института Журнал "Нева" Санкт- Петербург 1997. – С. 25.

Феномен города вмещает в себя культурное пространство, как «событие» (М. Бахтин), соединяя в нем время – прошлое и настоящее, экстраполируя будущее²⁸.

Город имеет свой сакральный смысл даже в символике своего ограждения: «город – это форма, ограда, крепость, помогающая выстоять перед Пустыней, Степью, Лесом. Город возникает на границе, охраняет границы и навсегда остается метафизической границей. Город – это Космос, противостоящий Хаосу, очеловеченное пространство, антропологически оформленное бытие, человеческое измерение космоса. Город – способ проведения границы, отделяющей космос от хаоса, культуры от варварства, своего и чужого, жизни и смерти, бытия и небытия»²⁹.

Культурное пространство города, в отличие от понятийно-нормативного языка науки, создает **образ** города, а образ всегда вмещает в себя *художественный вымысел*, относительно города - *миф, символ и знак*.

Таким образом, феномен города обозначается не только через понятийные характеристики, выделяющие его сущностные черты, но и посредством

---

²⁸ В работе «Время и бытие» М. Хайдеггер употребляет das Ereignis – обычный перевод «событие» – понимается им как присвоение (от ereignen – годиться, подходить), а ereignen – как присваивать (в современном немецком глаголы с корнем enignen имеют значение различных действий с собственностью, на

пример vereignen – передавать, переводить что_либо в собственность). Присвоение же переосмысливается М. Хайдеггером (в соответствии с eigen – свой, личный, особый) как высвоение, о_сoblение, обо_сoblение. Таким образом, действие ereignen дает всему возможность быть собой, что означает для сущего – быть особью, особенным, присутствию – «присутствовать», времени – «времениться». Das Ereignis событие, которое дает возможность всему быть самим собой, позволяет всему идти к себе, выискивая это нечто, осваивая его, обособляя его (это нечто) как это нечто, как таковое. Хайдеггер, М. Разговор на проселочной дороге / М. Хайдеггер; под редакцией А. Л. Доброхотова. – М.: Высшая школа, 1991. С. 183.– 192 с. Цит. Давыдова Е.А. Событие: история и понятие в философии и языке//Вестник ОГУ №11(117) ноябрь 2010. С. 112.

²⁹ Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты //электронный ресурс: [Электронный ресурс]Режим доступа: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm

смыслов³⁰, которые фиксируются в культуре через *образы*. Смыслы выявляются в художественных текстах словесной культуры через образы как *диалог* автора (творца) и читателя как творческое «сомыслие».

Образ города может носить разносторонний, многоплановый характер. Он может быть исторический, архитектурный, градостроительный, литературный и т.д. Каждый город формирует свой неповторимый, уникальный образ. Но лишь один образ города может включать все особенности города, создавая единство пространства и времени, образуя культурный *архетип*.

Город как культурный архетип представляет собой имманентный, бессознательный ценностный опыт поколений, опыт который воплощается в знаки и символы, которые существуют как коллективное бессознательное (К. Юнг). В реальном городском культурном пространстве архетипы обозначаются и трансформируются через различные образы и символы, что позволяет «активизироваться и существовать в сознании общества, принимать жизнеспособную форму, реально проявляясь и функционируя в общественном сознании»³¹.

Город как культурный архетип представляет собой идеальную модель общественного мироздания. Образ идеального города святого Иерусалима впервые изображен в Откровении святого Иоанна Богослова» (XXI: 10–24; XXII:

---

³⁰ Лингвистическое понятие смысл в современной культуре «утратило свое исходное значение. Это церковнославянское слово изначально означало съмыслие (со-мыслие) и стояло в одном ряду с такими приставочными образованиями, как с-мирение—соединение с миром, со-весть – весть от Бога, со-знание – соединение земных накопленных знаний, опыта и интеллекта с божественным. В данных словах приставка с-, со- означала слиянность, сочетаемость человеческого и божественного, земного и небесного. Слово смысл не относилось ни к области рационального, т. е. не означало «разум», ни к области чувственного, т. е. не предполагало «интуицию». Оно означало целомудрые, полноту знаний, понимание и осмысление». См.: Камедина Л. В. Духовные смыслы русской словесной культуры. Электронная монография. 2014. http://www.litres.ru/pages/vivlio_воок/?art=11822385: Директ-Медиа; Москва- Берлин; 2014. ISBN 978-5-4475-2570-5 - 300 стр.

³¹Горбунова Е.В. Общественное сознание и архетипы. [Электронный ресурс]:<http://sociospneta.com/about/>

1–2), идентичный Божественному Храму, как созвучие космической гармонии света и звука, чистоты и Божественности: «И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному. <...> Стена его построена из ясписа, а город был чистое золото, подобен чистому стеклу. Основания стены города украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон <...>. А двенадцать ворот – двенадцать жемчужин: каждые ворота были из одной жемчужины. Улица города – чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не видел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель – храм его, и Агнец. И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его – Агнец»³².

В статье С. Аверинцева «Рай» Небесный Град приравнен Раю, его «пространство» - сакрально и символично: «Новозаветный Небесный Иерусалим квадратен; каждая сторона этого квадрата имеет по 12 000 стадий (ок. 2 220 км), то есть ее протяженность представляет собой результат умножения чисел 12 (число избранничества и «народа Божьего», см. ст. «Двенадцать апостолов») и 1000 (полноты, космического множества); стороны ориентированы строго на 4 страны света, выявляя мистическое тождество срединного города и круга земель, причем каждая из них имеет по 3 ворот, показывая на каждую страну света образ Троицы (Откр. 21:13-16)», строения – светоносны, имеют сакральное значение. «Материалы, из которых выстроен город, светоносны; они уподобляются то «чистому золоту» и «прозрачному стеклу» (срв. соединение золота и стекла в технике христианских искусств — византийской мозаики и западноевропейского витража), то 12 самоцветам из нагрудного украшения, которое должен был носить древнееврейский первосвященник, то жемчугу, символизировавшему духовный свет (Откр. 21:11; 18-21). Поскольку весь город осиян «славой Божией», сходной

³² Откровение святого Иоанна Богослова» (XXI: 10–24; XXII: 1–2),

с ясписом, и освящен реальным присутствием Бога, он уже не нуждается в храме как особом святом месте (22). Истекающая от престола Бога «река воды жизни» и растущее «по ту и другую сторону реки» древо жизни (Откр. 22:1-2) еще раз обнаруживают в Небесном Иерусалиме черты сада Эдема. В ирландском «Видении Тнугдала» (сер. XII в.) образ Рая как города подвергается утروению: иерархия Серебряного города, Золотого города и Города драгоценных камней, соответствующая иерархии населяющих эти города святых»³³.

Образ идеального города - Града Небесного как противопоставление Граду земному впервые был предложен Августином в его трактате «О Граде Божиим». По мнению известного философа В.В. Бычкова в его работе «Эстетика Отцов Церкви» идея двух градов божественного (*civitas Dei*) и земного (*civitas terrena*) представляет собой концепцию философии культуры, в которой *совмещены идея исторического времени, его цели и направления, реальности и действительности*, обозначен идеал, к которому необходимо стремиться. «Два града,- писал Августин,- нечестивцев и праведников - существуют от начала человеческого рода и пробудут до конца века. Теперь граждане обоих живут вместе, но желают разного, в день же Суда поставлены будут розно»³⁴. Поэтому земной град для тех, кто следует идеалам плотской жизни, для других, град Божий представляется нравственно-эстетическим *идеалом*, вследствие чего «к граду Божию относятся все те, кто стремится жить «по духу» (*secundum spiritum*), а к земному - живущие «по плоти» (*secundum carnem*); к тому - живущие по законам Бога, к этому - по человеческим установлениям (*De civ. Dei XIV, 1*)»³⁵.

³³Аверинцев С.С. Рай//Мифы народов мира. Энциклопедия (В двух томах). – М.:»Советская Энциклопедия»,1988. Т.2. С. 364.

³⁴Бычков В.В. AESTHETICARUM. ЭСТЕТИКА ОТЦОВ ЦЕРКВИ. I. Апологеты. Блаженный Августин. - М., Ладомир, 1995. 593 с. [Электронный ресурс] http://kgotov.info/libr_min/02_v/usn/kov_24.htm

³⁵Бычков В.В. AESTHETICA PATRUM. ЭСТЕТИКА ОТЦОВ ЦЕРКВИ. I. Апологеты. Блаженный Августин. - М., Ладомир, 1995. 593 с. [Электронный ресурс] http://kgotov.info/libr_min/02_v/usn/kov_24.htm

Град Божий и Град земной соединены в повседневной реальности, причем Град Божий, присутствуя в земном Граде, постоянно подвергается гонениям. В основе же земного Града, как бы предвосхищая его плотскую, преступную предъисторию, - миф о братоубийственной войне двух братьев Ромула, основателя Рима, братоубийцы и Рема, являющихся прообразами библейских братьев - Каина и Авеля. Земной град основан на крови, а вся история земного Града, изложенная Августином - это постоянная непрекращающаяся борьба с Градом Божиим. По мнению В.В. Бычкова культура в понимании Августина «есть сложное и противоречивое образование, порожденное самим земным градом (конечно, не без участия Бога), и внутри него (града) существующее; развивающееся по мере движения человеческой истории и способствующее отдельными своими частями *переходу граждан земного града от жизни «по плоти» к жизни «по духу»* (курсив –мой Л.Н.)³⁶.

Град Божий принадлежит вечности, град Земной – обусловлен конечным пребыванием человечества на земной орбите. Поэтому важным фактором, по мысли Августина, является *время*, так как смысл человеческого существования - *переход из града Земного в Град Божий*. В Граде Божиим времени нет: «Там же, где нет никакой твари, чрез изменяющиеся движения которой образуются времена, там совершенно не может быть времен» (De civ.Dei XII, 16).

Философско - культурологическая модель Августина, в основе которой противоборство двух Градов, представляет собой *культурный архетип*, который проецируется «на архетипические образы города-храма, открытого перспективе бесконечности и формирующего её, – и замкнутого города-крепости, не имеющего такой перспективы в себе самом»³⁷.

³⁶Бычков В.В. AESTHETICA PATRUM. ЭСТЕТИКА ОТЦОВ ЦЕРКВИ. I. Апологеты. Блаженный Августин. - М., Ладомир, 1995. 593 с. [Электронный ресурс] http://krotov.info/livg_min/02_v/usn/kov_24.htm

³⁷Виталий Веташ и Семира (Щепановская Е.М.) Архетип города (Западная и Восточная модель)// [Электронный ресурс]: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>

Модель города-храма характерна для восточной культуры: «образ города, предстающего как духовная вершина связи Бога и человека, отражена в названии Вавилона («*врата Бога*») и его территориального наследника – Багдада («*дар Бога*»). А также в имени Харидвара («*двери к Богу*») – месте активного возрождения индуизма, известного праздниками омовения в Ганге, воды которой символически превращаются в напиток бессмертия»³⁸.

В то же самое время в культуре западной цивилизации город представляет собой *архетип противоборствования* с врагами, с природой поэтому, в отличие от восточной модели, город демонстрирует себя как «символ цивилизации, прежде всего технической и экспансистски культурной, задающей стандарты существования окружающей провинции... Западный город противостоял внешней «дикости» природы, оборонялся от нее и в конце победил её»³⁹.

В России идея Москвы, как «Третьего Рима», а затем Москва – «Новый Иерусалим» «отражала этот архетипический сюжет возрождения города-храма, как центра духовного притяжения». Однако и здесь укорененность идеи города-храма не получила своего подтверждения как «власти духовного над земным... властное восторжествовало над духовным и вылилось в имперскую великодержавность (или в лучшем случае национальную консолидацию), а духовные центры уединялись на окраины (Сергиев посад) и на дальний Север (Соловки)»⁴⁰. Мифология Москвы как Третьего Рима поддержана мифом о Китеж граде как прообразе Небесного Иерусалима.

Образы идеального города-храма отражены в русской словесной культуре в творчестве С.Н. Булгакова «Два града», Н.А. Бердяева «Душа России», писателей Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, поэтов И. Бродского, Н. Гумилева, С. Есенина.

Следовательно, город как культурный архетип является основой культурологического образа города, вписан в городское пространство, определяя

---

³⁸Виталий Веташ и Семира (Щепановская Е.М.) Архетип города (Западная и Восточная модель)// Электронный ресурс: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>

³⁹Там же. Электронный ресурс: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>

⁴⁰ Там же. Электронный ресурс: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>

различные модификации этого образа в его культурно-знаковой символике. Это пространство было организованным в виде четырехугольника (прямоугольника) или окружности «с крестообразно пересекающимися главными улицами или круга с крестом посередине, что символизировало небосвод и охват 4-х направлений. Квадратны Вавилон, столица ацтеков Теночтитлан и города средневекового Китая; окружностями были Багдад и утопический "город Солнца" Кампанеллы», где крест символически представлял собой связь четырех сторон света, а центр города – был средоточием Небесного и Земного»⁴¹. «Горизонтальная ось проводит границу между своим-чужим, закрытым-открытым, упорядоченным-хаотичным и передается через образ города-укрытия (города-крепости, города-воина, города-норы, города-роя, города-гнезда, города-матери)»⁴². Таким образом, символика культурного пространства города обозначала *духовные смыслы* города как центра духовности. В то же самое время город как архетип амбивалентен. Это проявляется, как считает С.П. Гурин, в сакральности пространственного противостояния города, например, как сакрального центра (города-храма соответствующего идее города-рая) и пространства «Каменного города» как «царства Змея», который позиционируется как «мертвый город, царство смерти»⁴³. По мнению исследователя «каждый земной город имеет змеиное основание как космическое тело, первотело, приносимое в жертву. Со временем во многих городах в центре оказалось кладбище, могилы героев, мавзолеей. Город-змея отравляет людей своим огненным дыханием и ядовитой кровью»⁴⁴. Поэтому существуют «города летающие и города подземные», что означает универсальность образа города,

---

⁴¹Там же. Электронный ресурс: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>

⁴² Там же. Электронный ресурс: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>

⁴³Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты/Топос. Издательский дом. 2009 [Электронный ресурс] www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm

⁴⁴Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты/Топос. Издательский дом. 2009 [Электронный ресурс] www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm

семантическую полноту этого сложного, многомерного символа и выражает двойственность, амбивалентность архетипа города. Город предстает одновременно как пространство жизни и как царство мертвых, загробный мир. Вернее как царство мертвых, призванное к всеобщему воскрешению»⁴⁵.

В настоящее время, когда возникают города-мегаполисы, культура все больше подвержена урбанизации, город как духовный центр подменяется центром средоточия технических энергий, что в определенной степени способствует гибели моно-городов.

Духовная вертикаль, воплощенная в центре городского пространства древних городов представляла собой символическую вертикаль, «ось», фокусирующую духовную энергетику связи человека и космоса, соборности и родительской защиты (город (центр) как домашний очаг), которая воплощалась в идеальную форму креста как смысла сакральности.

Как считает И.О. Трифонова, храм имел важное *градообразующее* значение, ведь «церкви, колокольни, дворы, избы были включены в структуру города. Эти разнородные элементы образовывали иерархию, древнерусскому городу была свойственна «постепенность и относительность переходов от крайних противоположных состояний в осмыслении и архитектурной организации пространства»⁴⁶.

По мнению исследователей, сакральная иерархия городского пространства, отраженная, например, в количественном измерении архитектурных храмовых сооружений, была характерна не только для города как такового, но и для многих древнерусских городов.

---

⁴⁵Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты.Топос. Издательский дом. 2009 [Электронный ресурс]www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm

⁴⁶Бондаренко И. А. Иерархическая структура древнерусского города в реализации идеи «вечной гармонии» // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М., 1996. С. 117. Цит. Трифонова И.О. Город как сакральное пространство// [Электронный ресурс]:<http://medievalrus.narod.ru> («Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая»).

Выделяются такие цепочки иерархичности древнерусских городов: «Киев – Новгород, Полоцк, Чернигов – Ростов, Суздаль, Галич – Переяславль Залесский, Ладога, Вчиж, ранняя Москва»⁴⁷.

Здесь необходимо заметить, что храм в городе имел не только организации пространства, но и оградительную, защитные функции, что «наиболее четко она прослеживается в символике Софийских, Успенских, Ризоположенских и Покровских храмов. Надвратные храмы на русской почве также закрепили за собой выраженную сакральную градозащитную функцию, которая, несмотря на утрату в XV в. ими реальной фортификационной значимости, сохранялась на протяжении веков»⁴⁸.

С точки зрения С.С. Аверинцева Новозаветный Град Божий был идентичен райскому Эдему, городу-саду, поэтому «новоевропейская секуляризация темы Р. как сада вела к идеализированному образу природы, т. е. к идеологии натурализма»⁴⁹, однако «секуляризация темы Рая как города –...к идеализированному образу общества и цивилизации, т. е. к идеологии утопии (урбанистические фантазии, начиная с позднего Возрождения; «Город Солнца» Т. Кампанеллы, «Христианополис» И. В. Андрэе, где связь с новозаветным прототипом особенно очевидна, и т. п.)»⁵⁰.

Таким образом, город как идеал и город как архетип вписаны в культурную семиотику города как культурного феномена, являются основой его культурного текста. Обозначая культуру как текст, Ю.М. Лотман рассматривает его с точки зрения определенной кодовой организации. Он пишет: «Осознавая некоторый объект как текст, мы тем самым предполагаем, что он каким-то образом

⁴⁷ Трифонова И.О. Город как сакральное пространство// [Электронный ресурс]:<http://medievalrus.narod.ru> («Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая»).

⁴⁸ Трифонова И.О. Город как сакральное пространство// Электронный ресурс:<http://medievalrus.narod.ru> («Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая»).

⁴⁹ Аверинцев С.С. Рай//Мифы народов мира. Энциклопедия (В двух томах). – М.:«Советская Энциклопедия»,1988. Т.2. С. 362.

⁵⁰ Аверинцев С.С. Рай//Мифы народов мира. Энциклопедия (В двух томах). – М.:«Советская Энциклопедия»,1988. Т.2. С. 364.

закодирован, презумпция кодированности входит в понятие текста. Однако сам этот код нам неизвестен — его еще предстоит реконструировать, основываясь на данном нам тексте»⁵¹.

Реконструкция закодированности города как культурного феномена дает возможность выделить его образные характеристики, которые выражены различными смысловыми контекстами. На это своеобразие и необычность культурного контекста (кода) города, выражающего сущность его культурной феноменологии обращали внимание многие философы и культурологи, например, Анциферов Н.П., Бахтин М.И., Ю. Бродель, Г. Зиммель, Ю. М.Лотман, которые раскрыли в системе понятий и образов культурологического портрета города, новые смыслы, показали семиотику городского пространства, как творческое воплощение знаков, символов и мифов, раскрывающих культурные коды творцов и творений городских артефактов.

В различных исследованиях города как культурного текста в современных научных работах, авторы анализируют конкретные города с точки зрения культурного семиотического пространства, связанных с архитектурной символикой, именем города, с поэтическими образами художественных произведений, мифологии города и т.д. В этих исследованиях подчеркивается особенность образных черт города.

Образ Киева – древнерусского и современного города в текстах культуры, в художественных текстах и архитектурной и пространственной символике трактуется как *единый культурный текст*, который «формируется из комплексов произведений, ориентированных на киевскую тематику и создаваемых в художественно-эстетическом процессе. Образ города Киева развивается и функционирует как нечто единое»⁵².

---

⁵¹ Лотман Ю.М. Текст в тексте. /Теория образования и обучения. №1, 2014.С.32.

⁵² Бурого Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры//Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016, № 2 С.39.

Киев представляется как «мать городов русских», город-воин, город-защитник, его «имя издавна символизирует «город вообще», «пра-город», находясь в одном ряду с такими «вечными» городами, как Рим, Царьград, Иерусалим. Древняя столица царства Русского — великий Киев, первопрестольный град»⁵³.

Киев ассоциируется как «вечный город», «находясь в одном ряду с такими «вечными» городами, как Рим, Царьград, Иерусалим. Древняя столица царства Русского — великий Киев, первопрестольный град»⁵⁴.

Таким образом, Киев, по мнению автора, не только топоним, но мы бы считали этот город *национальным этосом*, имеющим непреходящее национальное значение в русской культуре.

Концептуальное продолжение эти идеи получают в культурологических исследованиях, посвященных проблеме города. Так, например, в статье Смирновой Т. Ю. «Метафизика города как текст», представляет интерес идея анализа города как «конкретной метафизики» сознательную или интуитивную конкретизацию метафизических начал», как одну из сфер научного познания философии города».

По мнению автора «Метафизика города – это изучение текстов, посвященных городу, анализ источников вдохновения, одновременно создание такого текста, в котором бы «проживали» те, кто размышлял – в разное время и в разных местах – о городе, но проживали бы уже в едином, умопостигаемом «городе»... умонастроения, с помощью которого продолжалось бы размышление о городе, о его судьбе, помогающее прояснить смысл современного города и объяснить самому себе свое место в нем»⁵⁵.

⁵³ Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры//Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016, № 2 С.39.

⁵⁴ Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры//Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016, № 2 С.40.

⁵⁵Смирнова Т. Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый. — 2009. — №11. — С. 342-344.

Город в своей пространственной (архитектурной) конструкции экстраполирует *целостность и единство*, демонстрируя укорененность Логоса, формируя проекцию «архетипального образа, таящегося в глубинах человеческого бессознательного. Город, точнее, его старая центральная часть – цитадель, или кремль, в центре города – и, наконец, храм стали символами психической целостности и в этом своем качестве оказывают специфическое воздействие на всякое человеческое существо, живущее или входящее в это место»⁵⁶.

В то же самое время культурный образ города, воплощенный в городское пространство, демонстрирует его как реальность театра, игры, где сцена и зритель постоянно меняются местами, создавая аллюзии и симулякры подлинного бытия, на примере сравнительных характеристик Флоренции, Венеции и Санкт-Петербурга проанализирован в статье Санны Турома «Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления».

Автор представляет сравнительный анализ концепций культурного текста города Г. Зиммеля и Ю. Лотмана. В статье подчеркивается, что город в понимании Зиммеля - «автономный артефакт», который конституирует образ «независимости от реальности», словно он возникает по своей собственной воле, выступая как кантианская «*Ding an sich*, сущностный объект, независимый от воспринимающего субъекта»⁴. В соответствии с аристотелевской установкой Зиммеля,- пишет С. Турома, - «каждое произведение искусства выражает либо метафизическую внутреннюю истину, либо некую ложную сущность»⁵⁷. В этом плане пространство городов выражает культурные смыслы их создателей, творцов, когда «внешний облик дворцов совпадает с их внутренним смыслом <...>, каждый камень предстает выражением силы и самосознания отвечающей за

⁵⁶Юнг. К.Г. Человек и его символы. – СПб.: Б.С.К., 1996.Цит. Смирнова Т. Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый. — 2009. — №11. С.344.

⁵⁷ Санна Турома Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления. НЛЮ. 2009, с.98.

себя личности», являя себя « как подлинный язык действительного бытия»⁵⁸. Такой действительностью правды, является, с точки зрения Зиммеля Флоренция. В отличие от нее Венеция демонстрирует некую *театральность, спектакль*, венецианские дворцы представляют собой «изоощренную, напыщенную игру» (*ein präziöses Spiel*). Это просто фасады, оторванные от жизни, «покров, чьи складки повинуются только правилам собственной красоты и указывают на протекающую за ними жизнь только тем, что ее скрывают». Флоренция производит впечатление истинного произведения искусства, тогда как «Венеция — искусственный город» (*Florenz wirkt wie ein Werk der Kunst — Venedig aber ist die künstliche Stadt* (S. 69)). Поэтому «Флоренция никогда не станет одной только маской, ... но здесь [в Венеции], где все безмятежное и веселое, непринужденное и свободное служило только фасадом для мрачной и жестокой, безжалостно целесообразной жизни, после ее конца осталась только бездушная театральная декорация, лживая красота маски. В Венеции люди как будто передвигаются по сцене — все действия здесь разворачиваются словно на переднем плане, за которым второй, внутренний план отсутствует»⁵⁹. Культурный смысл петербургского пространства в интерпретации Ю. Лотмана переключается с описанием Венеции Г. Зиммеля: «облик городских зданий, напоминающих декорацию, производит семиотическое разделение на передний и задний планы»⁶⁰.

«Театральность петербургского пространства сказывалась в отчетливом разделении его на «сценическую» и «закулисную» части, постоянное сознание присутствия зрителя и, что особенно важно, — замены существования «как бы существованием»: зритель постоянно присутствует, но для участников сценического действия «как бы не существует»: замечать его присутствие — означает нарушать правила игры. Также все закулисное пространство не существует с точки зрения сценического. С точки зрения сценического пространства реально лишь сценическое бытие, с точки зрения закулисного —

⁵⁸ Там же. С.99.

⁵⁹ Там же. НЛО. 2009, 98.

⁶⁰ Там же.

оно игра и условность. <...> Постоянное колебание между реальностью зрителя и реальностью сцены, причем каждая из этих реальностей, с точки зрения другой, представляется иллюзорной, и порождает петербургский эффект театральности»⁶¹.

Город как социокультурный феномен представляет собой ценностно-значимое культурное пространство⁶², культурное бытие, в котором его материальное «тело» тесно связано с духовным его выражением, в котором бытие и сущее сконцентрировано в этосе, имеющим пространственно-временное протяжение. Город как *сущее действителен* и обозначен временными рамками, город как *бытие – метафизически сокрыт и является как реальность в символике пространства*. Поэтому социокультурный смысл города в его со-бытийности, в котором переплетены диалогичность культур и смыслов.

Город - это своеобразный культурный текст, в котором материальные культурные артефакты проецируют духовные смыслы. В этом плане город экстраполируется как некое *семиотическое пространство, наполненное смыслами, знаками и символами*, раскрывающими со-бытийность культуры, ее диалогичность.

Город по своей значимости всегда представлял собой *центр культуры*, выражая особое *качественное* и метафизическое своеобразие «не только в географическом пространстве, но и в пространстве смысловом, духовном. И так же, как внешний облик каждого места на земле неповторим, уникальна и его духовная сущность. Неповторим метафизический портрет этого места, неповторима его судьба»⁶³.

---

⁶¹ Там же. С.99-100.

⁶² Культурное пространство определяется как « чувственно не воспринимаемая разъятость» Хайдеггер М. Искусство и пространство // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 313, которая со-бытийна, т.к. «в безразличном пространстве человеческие события невозможны и не происходят». Мамардашвили М. Психологическая топология пути. – СПб.,1997. С. 25.

⁶³Смирнова Т. Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый. — 2009. — №11. — С. 342-344.

Таким образом, город как *социокультурный феномен* представляет собой многофункциональное философско-культурологическое образование, которое рассматривается в различных гуманитарных науках. Мы рассмотрели характеристики следующих понятий: *феномен «город»*, *город как социокультурный феномен*, *семиотический смысл культурологического портрета* города.

1.2 Русская провинция (малые города) как оппозиция мегаполиса

Цель: рассмотреть *феномен* малого города России (Арзамас, Шуя) как *локусы провинции*, выделив особенность *географического ландшафта* малых городов в их соотношении с *семиотическими культурными смыслами* (*культурным ландшафтом*) символики места в образах словесной культуры.

Задачи:

- определить соотношение понятий провинция – малые города;
- рассмотреть роль географического ландшафта как специфики места малого города, обозначив значение культурных ландшафтов малых городов на примере Арзамаса и Шуи;
- определить значение малого города как оппозицию столичному мегаполису;
- выявить специфику культурной символики малого города в краеведческих (исторических) исследованиях и художественных произведениях.

Слово провинция имеет ряд значений: историческое, этимологическое как административно-государственная единица, как область земли под римским протекторатом, географическое место, отдаленное от крупных культурных центров, столиц, пространственно-временная геосреда и т.д.⁶⁴ С точки зрения

---

⁶⁴1) а) Местность, находящаяся вдали от столицы, крупного культурного центра. б) Употр. как символ косности, отсталости. 2) Завоеванная территория какого-л. народа, находящегося в зависимости от Рима (в Древнем Риме). 3) Административно-территориальная единица (в Российском государстве XVIII в. и в некоторых других странах). лат., от pro - по причине, и vincere - побеждать). 1) область, земля вне Италии, доставшаяся завоеванием и платившая дань римскому государству как подвластная и

исследователей «современное понятие «провинциальный город» обозначает малый город, удаленный от центра страны, неподвластный интенсивному влиянию бурной жизни больших городов. Социально-философское объяснение категории «провинциальный город» сосредотачивается в понимании социального пространства малой поселенческой структуры, именуемой «город», где происходит самоидентификация человека, соотнесение себя с определенной общностью и образом жизни, отличным от бытия мегаполисов, городов-

---

управлявшаяся проконсулом или пропретором. 2) ныне: отдельные части государства, области, округа, в противоположность столице. Толковый словарь Ефремовой

"Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". Чудинов А.Н., 1910)

1) часть государства; 2) вся страна, противопоставляемая столице.

(Источник: "Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка". Павленков Ф., 1907); лат., от *pro* - по причине, и *vincere* - побеждать). Толковый словарь Ожегова: 1. В нек-рых странах: область, административно-территориальная единица. 2. Местность, территория страны, удалённая от крупных центров. Приехать из провинции. Глухая п. II прил. провинциальный, -ая, -ое.

Провинция`Толковый словарь Ушакова` провинции, ж. (лат. *provincia*). 1. В древнем Риме - завоеванная римлянами Область (истор.). 2. Область, административная единица в нек-рых государствах. Северо-восточные провинции Испании. Провинция Хунань в Китае. || Административная единица, подразделение губернии в России 18 века (истор.). 3. Местность, находящаяся вдалеке от столицы или крупных культурных центров, вообще - территория страны в отличие от столиц. Родители ее живут далеко в провинции. Чехов. Родился и вырос в глухой провинции. "Письма о провинции" Салтыкова-Щедрина.

Провинция`Толковый словарь Даля`ж. франц. губерния, область, округ; уезд. Жить в провинции, не в столице, в губернии, уезде. При Петре у нас были провинции, уезды. Провинциальный, к провинции относящийся. Провинциальный секретарь, чиновник 13 класса. Провинциал м. -лка ж. живущий не в столице, житель, губернии, уезда, захолустья. 1. В Древнем Риме провинцией называлась территория, завоёванная римлянами и управлявшаяся римским наместником. ПРОВИНЦИЯ`Энциклопедия социологии`ПРОВИНЦИЯ - англ. *province*; нем. *Provinz*. 1. Административная единица в нек-рых государствах. 2. Местность, удаленная от крупных центров; территория страны в отличие от столицы, центра. 3. По А. Бастиану - пространственно-временная геосреда, в к-рой развиваются элементарные и сложные соц. системы. Antinazi. Энциклопедия социологии, 2009 См.: Энциклопедии и словари. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://enc-dic.com/word/p/Provincia-17826.html>

миллионеров»⁶⁵. Понимание провинциальной культуры в контексте российской цивилизации «рассматривается как неотъемлемая часть российской цивилизации, обладающая своеобразием, во многом определяющим темп, ритм и характер реализации общественных трансформационных процессов. Российская цивилизация рассматривается как локальная культура-цивилизация, сформировавшаяся и динамически развивающаяся на основе гетерогенного этнического состава (основа – русский народ) и целостного семантического ядра, при формировании которого особую роль сыграли государство и православие.

Русская культура трактуется диссертантом как целостный, устойчивый способ жизнедеятельности русского народа, который, сложившись исторически, постепенно обновляется и, вместе с тем, сохраняет идентичность самому себе на протяжении столетий, на основе этно-национальных традиций, образцов различных сфер деятельности, духовных ценностей, произведений народного и классического искусства»⁶⁶. Характерные черты провинциальной культуры, культуры провинциального (малого города): «воплощенность в городском или сельском социокультурном пространстве; степень удаленности от центра; геоклиматические и ландшафтные условия развития; административный статус; состояние демографических процессов (в т.ч. численность населения, рождаемость, смертность и др.); социально-экономические характеристики развития; степень развитости туристического потенциала; широкая известность/узнаваемость провинции в контексте российской цивилизации и др.»⁶⁷ В определенном смысле региональная культура представляет собой

---

⁶⁵Ляхова Светлана Сергеевна. Провинциальный город как социокультурный феномен : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11.- Архангельск, 2006.- 124 с. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.dslib.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.

⁶⁶Купцова И. А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологии Москва – 2011. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.dslib.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.

⁶⁷Купцова И. А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора

пространственный и культурный этос, который объединяет локальное географическое и ландшафтное пространство, родовую генетическую память, язык, обычаи и т. д.). Региональная культура, таким образом, является транслятором ценностных смыслов национальной культуры, формируя самосознание личности в ограниченном локальном пространстве этоса. Культурный этос, как место и способ реализации локальной культуры, проецирует возможности культурной самоидентификации, которая в высшей своей точке определяет самосознание личности. Мы склонны рассматривать региональную культуру как специфическое сообщество, проживающее на определенной территории, которая формирует определенное культурное поле⁶⁸. Уникальность культуры малого города, прежде всего, определяется семиотическим наполнением пространства, символикой памятников культуры, имяславием, в которые «вплетены» мифы и предания, характерные для данной местности.

Малые города имеют свою типологию, в зависимости от географического положения, количественного состава, административного управления, промышленной инфраструктуры, отдаленности от столицы, или других культурных центров и т.д. Таким образом, малые города составляют сеть провинции как места (пространства), представляющую собой *оппозицию* столице как мегаполису. В этом смысле мегаполис – оппозиция всей России, что подчеркивает в своей работе Д.С. Лихачев: «В Древней Руси, в XVIII, XIX и начале XX века именно провинция держала уровень не только численности населения, но и уровень экономического благополучия, уровень культуры. Вспомним, что большинство талантов и гениев в нашей стране родилось и получило первоначальное образование не в Петербурге, и не в Москве. Эти города только собирали все лучшее, объединяли, способствовали процветанию

культурологии Москва – 2011.[Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.dslib.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.

⁶⁸Астафьева О.Н. Флиер А.Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды. Культурологический журнал. Электронный адрес:http://www.cr-journal.ru/rus_journals/187.html

культуры, но рождала гениев именно провинция. Следует помнить одну забытую истину: в столицах живет по преимуществу «население», народ же живет в стране, в стране многих сотен городов и сел»⁶⁹.

В то же самое время по отношению к провинции существует весьма негативное мнение, которое укоренилось в русском общественном сознании. Этот факт вполне справедливо приводит в своих исследованиях А. Сайко: «Известно, что «ругать провинцию» для русской мысли - исторической, философской, публицистической - было делом привычным, в известной мере считалось хорошим тоном, и, надо отметить, многие русские литераторы делали это не без удовольствия. Поэтому споры о провинции в среде столичной интеллигенции были во второй половине XIX - начале XX века явлением вполне традиционным»⁷⁰. В связи с этим автор выделяет два архетипа провинциальных нравов: «одному из них свойственна подражательность, стремление уйти от провинциального бытия, что выражается, в частности, в копировании столичного образа жизни. Другой тип, верный культуре провинции, демонстрирует нигилизм по отношению к существующим политико-экономическим, культурным приоритетам и всяким «столичным штучкам»⁷¹.

Снятие оппозиционности провинциальных нравов возможно. Эта возможность открывается как *деятельная любовь к родине*, в том числе и к малой родине, которая сконцентрирована в развитии краеведческой науки. На это обращает внимание Д.С. Лихачев, считая, что «краеведение оценивает значительность происшедших на изучаемой территории событий, значительность связанных с этой территорией людей, ценность архитектурных и археологических памятников, красоту пейзажей, редкость и важность природных данных

---

⁶⁹ Лихачев Д.С. Провинция и великие «малые» города// Лихачев Д.С. Русская культура. М.,2000. С.103. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.

⁷⁰ А. Сайко Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/p/Provinces_Saiko.

⁷¹ А. Сайко Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://ec-dejavu.ru/p/Provinces_Saiko.

(животных, рыб, насекомых, растений, даже климата и т.д.) С этой точки зрения «моральная отдача» краеведения как науки, воспитательная роль краеведения исключительно велика»⁷². В этом смысле краеведение вносит духовный смысл в местный ландшафт, открывая новые смыслы исторического прошлого, внося в *географический ландшафт места его культурное содержание*. Именно это обстоятельство подчеркивает уникальность и своеобразие малого города, в частности, и провинции в целом. Подчеркивая это, Д.С. Лихачев замечает: «когда мы узнаем, кто жил в том или ином доме, какая жизнь протекала в нем, что в нем было создано, дом этот для нас уже особый. Он наполняется духовным содержанием, преобразуется. Преобразуется и город, чью историю мы познаем. Преобразуется ландшафт, если мы знаем, какие события в нем происходили, какие битвы тут разыгрывались, чьи судьбы решались. Природа Плеса приобретает особую красоту от сознания того, что именно ее изображал И.Левитан. Мы по особому ценим места, связанные с творчеством Гоголя или Шевченко, Пушкина или Баратынского»⁷³. Поэтому «краеведение вносит в окружение человека высокую степень духовности, без которой человек не может осмысленно существовать»⁷⁴.

Деятельностное краеведение имеет не только исторический и эстетический, но и глубокий нравственный смысл, ведь: «если мы верим, что не оставим по себе памяти, тогда и делать можно что угодно, живи мгновением или, как говорят разные пошляки, "лови момент". А нам необходимо ощущать себя в истории, понимать свое значение в современной жизни, даже если она «частная», небольшая, но все же, добрая для окружающих,. Каждый может сделать что-то доброе в жизни и оставить по себе добрую память. Хранить память о других —

---

⁷² Лихачев Д.С.Краеведение как наука и деятельность//Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: . <http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.

⁷³ Лихачев Д.С.Краеведение как наука и деятельность//Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: . <http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.

⁷⁴ Лихачев Д.С.Краеведение как наука и деятельность//Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000. [Электронный ресурс] Режим доступа: . <http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.

это оставлять добрую память о себе...»⁷⁵. Поэтому существует не только экология природы, но и «экология культуры, без которой невозможна для человека культурная, духовная жизнь — жизнь, воспитывающая в нем нравственность, уважение к окружающему, к прошлому, заботу о будущем...»⁷⁶.

Региональная культура тесно связана культурой национальной. В этом смысле идея религиозно-философского краеведения заключается в том, чтобы раскрыть культурно-исторические истоки религиозно-философского творчества великих земляков, показать их духовные, культурно-философские связи, которые повлияли не только на их творчество, но и на развитие русской культуры в целом. Эта идея объединяет такие понятия как *культурный этос*, *топос*, раскрывает пространственные, природные, временные, духовно-нравственные и культурно-религиозные основания возникновения творческой мысли мыслителя и художника, что является важным культурообразующим и воспитательным фактором для современного российского общества. Именно идея религиозно-философского краеведения должна лежать: 1) в создании, что предполагает развитие сети виртуальных музеев, являющихся средством привлечения туристов и развития туристического бизнеса в крае. 2) в основе воспитательной доминанты учебных дисциплин, связанных с культурным краеведением, изучением литературы, религиоведения, основ православной культуры и т.д.⁷⁷

Тульская область является примером высокого потенциала развития культуры и туризма в России. В одном регионе сосредоточены десятки музеев, храмов самой различной архитектуры, часть из которых отреставрированы, а часть представляют собой развалины, а также множество иных памятников как

⁷⁵ Лихачев Д.С. Краеведение как наука и деятельность // Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.

[Электронный ресурс] Режим доступа: . <http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.

⁷⁶ Лихачев Д.С. Краеведение как наука и деятельность // Лихачев Д.С. Русская культура. М., 2000.

[Электронный ресурс] Режим доступа: . <http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.

⁷⁷ Мелешко Е.Д. Назаров В.Н. Идея религиозно-философского краеведения как культурный образовательный проект, V-ая международная научно-практическая конференция «Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований», 23-26.05.2011, Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого

древней и так современной культуры. Наиболее ярким примером является музей-заповедник Куликово Поле на котором, как известно, произошло сражение, изменившее весь ход русской истории. К другим значительным памятникам культуры относятся усадьбы знаменитых личностей Тульского края, из которых следует выделить: усадьбы Л.Н. Толстого Ясная Поляна и музей-усадьба в селе Никольское-Вяземское, усадьба А.Т. Болотова в селе Дворяниново, усадьба В.Д. Поленова, усадьба А.С. Хомякова в селе Богучарово, а также Богородицкий дворец, принадлежавший некогда графам Бобринским. На территории Тульской области также расположены и другие усадьбы, которые в настоящее время нуждаются в реставрации. На территории Тульской области родились, жили и трудились такие выдающиеся деятели как: А.Т. Болотов, В.В. Вересаев, А.С. Даргомыжский, Н.Д. Демидов, В.А. Жуковский, М.В. Лодыженский, С.И. Мосин, В.Д. Поленов, В.Ф. Руднев, Л.Н. Толстой, Г.И. Успенский, К.Д. Ушинский, А.С. Хомяков и др. Не следует забывать и об известных тульских брендах, таких как самовары, пряники, оружие, гармонь, филимоновская игрушка, тульское оружие, наиболее оригинальные образцы которых представлены в музеях Тулы. Культура и история региона заключена не только в музеях, но также в необычных ландшафтах. Живописнейшими пейзажами являются Ишутинское городище в Ефремовском районе и Романцевские горы в Узловском районе. Таинственными и полными загадок и тайн предстают Харинские и Араповские пещеры (монастырь). Весьма примечательным памятником является также мегалит в Ефремовском районе, носящий имя «Конь-камень»⁷⁸.

---

⁷⁸ См.: Мелешко Е.Д. Назаров В.Н. Региональная культура: поиски самоидентификации // Культура, художественное наследие и туризм как факторы динамичного развития региональной экономики / Е.Д. Мелешко, В.Н. Назаров, Т.А. Дьякова // Антропология региональных сообществ в глобальной социокультурной динамике: духовно-нравственные конфигурации: монография. Серия «Белгородская академическая библиотека». / Под ред. С.Н. Борисова, Е.Д. Мелешко, В.П. Римского, М.В. Новак. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. 153 с. ISBN 978-5-9907866-9-1 С. 102-122.

Таким образом, малые города, составляющие «культурную ткань» провинциальной культурной жизни, являются не только географическим ландшафтным пространством, который придает данной местности, малому городу, неповторимость и своеобразие, но и пространством особенной, уникальной *провинциальной культуры*, культуры («гения») места, которая не нуждается в идентификационной принадлежности к столичному мегаполису, обладая своеобразной культурно-символической качественностью.

В настоящем диссертационном исследовании мы рассмотрим деятельностное краеведение на примере малых городов России Арзамаса и Шуи.

Деятельностное краеведение связано с многими именами подлинных энтузиастов исследовавших российскую провинцию. Среди них имена Щапова, Ю.А. Иванова, Н.С. Щеголькова, наша интенция направлена именно на анализ их деятельности в малых городах Арзамаса и Шуи. В этом плане необходимо отметить их заслугу в обозначении *религиозно-символического промышленного* (военно-оборонительного комплекса) ландшафтов малого города.

Ю.А.Иванов – известный краевед, известен работой «Местные власти, церковь и общество во второй половине XIX – начале XX в.». Его работы связаны не только с исследованием системы государственного управления малого города в Шуге в обозначенный период, но и роль церкви в развитии культуры этого города, в исследовании деятельности краеведов в этот период, за что был отмечен наградами.

Научная деятельность Ю.А. Иванова сосредоточена на изучении родного города, о чем свидетельствуют многочисленные труды, воспитание молодых ученых, развивающих традиции провинциального краеведения в науке⁷⁹. Книга

---

⁷⁹ Иваново-Вознесенское губернское общество краеведения в истории края (1924-1931) // Королевские чтения. – Иваново, 1997. – С. 10-11 Религиозный начетчик в русской провинции XIX века // К типологии духовной интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 1998. – С. 127-128. Православная энциклопедия / под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II- М. : Православная энциклопедия, 2000... - (из содерж.: Артемий Шуйский; Воскресенско-Феодоровский Сергеевский монастырь; Григорий Шуйский; Димитрий Шуйский; Евфросиния Шуйская; Ивановская

Ю.А. Иванова представляет собой образец деятельностного краеведения, в ней на основе уникальных исторических документов обозначен период исторического развития жизни провинциального города, рассмотрены его административно-политическое управление, социальная структура, система ценностей, промышленность и культура. В то же самое время – это историко-документальное повествование не только о развитии малого города в соответствующий исторический период. Работа Ю.А. Иванова – документальное свидетельство о роли провинциального, малого города в исторической судьбе России. В этом смысле Ю.А.Иванов внес значительный вклад в понимание жизни России на основе местного краеведения, анализе историко-культуроведческих документов. Его книга представляется нам одной из лучших образцов документальной прозы, касающейся жизни российской «глубинки» и позволяющей понять при этом жизнь всей России.

Ю.А. Иванов анализирует административно-политическое устройство провинциальных городов, идеологическим стержнем которого являлось отношение центра и уездов. Он указывает на то, что на рубеже XIX - XX вв. малые города экономически представляли собой традиционную полусельскохозяйственную модель⁸⁰. По мнению Ю.А. Иванова уездные города

область; Николо-Шартомский мужской монастырь; Светозаров Павел Михайлович; Свято-Успенский женский монастырь; Симон; Тихон; Тихонова Луховская мужская пустынь во имя Св. Николая, Архиепископа Мирликийских; Шуйский Воскресенский собор; Шуйская Смоленская икона Божией Матери Шуйские благочинные и уездные власти в конце XIX – начале XX веков // Роль православной церкви в истории и культуре Владимирской земли : материалы областной краеведческой конференции. – Владимир, 2001. – С. 38-40. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX - начале XX веков. – Иваново : Изд-во ИвГУ, 2003. – 268 с. Провинциальный анекдот : чтения по региональной казуальной истории (Шуя, 24-25 октября 2005 г.). Вып.V / науч. ред. В. А. Евсеев, Ю. А. Иванов. - Шуя : б. и., 2005. - 244 с. Провинциальная культура и церковь (из истории Шуи в XIX – начале XX веков). – Шуя : Изд-во ШГПИ, 1994.

⁸⁰ В связи с этим необходимо отметить, что «недостаток настоящей городской жизни был свойственен всем российским городам на рубеже XIX - XX веков. Принципиальными отличиями их социокультурного облика можно назвать специфичность архитектурных ансамблей, да и то мастера-зодчие, иногда могли копировать элементы своего искусства на разных постройках и в разных городах.

нельзя было считать культурно-административными центрами. Уездные (малые города) целиком и полностью подчинялись центру, находившемуся в столице, хотя центрами, с точки зрения историков «определённая совокупность на народнохозяйственной карте страны, которая создаёт контурную инфраструктуру, господствующую над другими инфраструктурами, даже если те не желают этого»⁸¹. В этом смысле представляет интерес выделение в работе Ю.А. Иванова статуса «феномена местной власти» в системе уездного административного управления и фактора «уездной идеологии». В условиях централизованной власти уездный город был тем административным центром, который организовывал жизнедеятельность городского хозяйства, соответствующего реалиям местной жизни. «Уездный город» - юридическое лицо, внешним выражением которого стали герб и печать. Принципиальной установкой для уездных городов был полный отказ от самостоятельной политической деятельности, показная аполитичность. Эта общегосударственная установка не позволяла и интеллигенции организовывать свои «общественно-политические» структуры, что вполне устраивало местную власть. Шуя – небольшой город Владимирской губернии (ныне Ивановская область), который наглядно демонстрирует типичные черты уездного города. На всем протяжении второй половины XIX - начале XX века Шуя и уезд фигурирует в географическо-статистических и исторических описаниях как образцовый и достаточно типичный промышленный

Численность населения так же была отличительной чертой городов. Демографические характеристики являлись важным показателем типологии городов. Экономику и торгово-промышленное развитие можно поставить во главу угла. Поэтому из числа официальных городов Европейской России начала XX века лишь 534 были "истинными", тогда как 227, или тридцать процентов, не являлись таковыми».см.: Ляхова Светлана Сергеевна. Провинциальный город как социокультурный феномен : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11.- Архангельск, 2006.- 124 с. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.dsliv.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.

⁸¹Ляхова Светлана Сергеевна. Провинциальный город как социокультурный феномен : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11.- Архангельск, 2006.- 124 с. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.dsliv.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.

уезд Центральной России. Именно в таких городах формировалась значительная часть городской жизни.

Шуя – город с населением до 25 тысяч человек, проживающих в 2310 домах по 9-10 человек в каждом. Далее перечисляется количество церквей, учебных заведений, пивных, больниц, аптек и т.д. Ю.А. Иванов дает детальную характеристику уезду, перечисляя все его волости, сельские поселения, отмечает, что именно в таких городах как Шуя создаются условия «городской жизни», отличающейся от «деревенской». Шуя – типичный уездный город Центральной полосы России, город одновременно своеобразный, но и характерный для уездных городов России того времени. Историком подчеркивается тот факт, что 75% жителей России проживали в уездных городах такого типа. В этой связи автор работы показывает, что основанием для исследования послужили в первую очередь архивные источники, также дневники, письма, записные книжки, семейные альбомы, автобиографическая проза и мемуарные свидетельства.

В работе обстоятельно рассматривается религиозно-политическая жизнь Шуи и в уезде, развитие церковно-приходского образования, рассматриваются субъекты церковно-приходского образования, среди которых в количественной «процентовке» выделены крестьянские дети среди других социальных слоев обучающихся. В работе Ю.А. Иванова особое место занимает исследование Иваново-Вознесенска как центра текстильной промышленности.

Анализ уездной жизни помогает понять всю жизнь России. Без этого анализа, основанного на исторических документах, невозможно исследовать жизнь не только провинции, но и всего российского государства, всего сложного механизма российского общества. «Уездная идеология» позволила местной администрации осознать, что она может сделать только то, что позволяют обстоятельства места и времени. Ю.А. Иванов ссылается при этом на известного историка XIX века А.П.Щепова, считавшего, что провинциальная жизнь имеет самостоятельное значение, а не является придатком жизни столичной, таким образом, провинция являлась определяющим фактором развития России. На

основе анализа жизни уездного города, Иванов делает выводы о жизни всей России. Российская провинция противостояла столицам с их духом бунтарства и недовольства. Консерватизм русской провинции служил гарантом стабильности российской жизни, основой стабильности державы. Российская провинция создала особый тип поведения, а сама она представляет особую среду, у которой есть своя провинциальная история, понятная только в контексте «большой» истории.

Ю.А. Иванов указывает на ряд особенностей провинциальной, уездной жизни: традиционность и консерватизм, благопристойность, религиозность. Особенность уездного быта – опора на повседневность, привычность жизненных порядков, которые обуславливали регулярность повседневной будничности. В книге Ю.А. Иванова обращает внимание классовая и социальная неоднородность городских слоев населения. Различие в образе жизни, доходах по сравнению со столицей – также характерная черта уездной жизни, в связи с чем приводится наблюдение Н.А.Бердяева: русские люди в уездных городах по сравнению со столицей жили на разных «социальных этажах» в разные периоды времени.

Одним из главных приоритетов уездной идеологии, ее принципиальной установкой была ориентация и опора на законопослушного среднего обывателя, а не на малочисленную интеллигенцию. Важной идеологической и политической задачей местных властей было недопущение «взлома» этой системы, выражающееся в резких изменениях политического, социального или экономического характера. Местная власть полностью разделяла идею укоренения в уездной идеологии факторов отторженности, замкнутости уездной жизни и, соответственно, делала все для сохранения этого этих позиций в управлении и в образе жизни.

Одной из характеристик уездной жизни было отсутствие «политического воображения». Ю.А. Иванов назвал это явление «родовой чертой уездной идеологии». С этим обстоятельством связаны характерные особенности религиозно-политической уездной жизни.

Таким образом, уездной религиозно-политической жизни наиболее ярко проявилась архаичная модель русского национального сознания: приспособления власти к повседневной регулярности в системе жизнеустройства.

Другой книгой, основанной на документах, является работа замечательного провинциального краеведа *Петра Еремеева* «Арзамас городок» (Арзамас, 1998), в основу названия которой положено известное высказывание «Арзамас городок – Москвы уголок». Это высказывание родилось, поскольку жители Поволжья – «окают, а арзамасцы, как и москвичи, «акают».

Книга начинается с предисловия, в котором автор признается, что написанию книги предшествовали долгие размышления, длительный период сбора материалов – записи, рассказы старожилов, различные публикации. Так же следует добавить, что в основу написания книги положены «Исторические сведения о городе Арзамасе», сделанные градоначальником Николаем Щегольковым еще в 1911 году.

Любой город раскрывается в его уникальной самобытности. Русская национальная духовность особенно заметна в старинных русских городах, которые отличаются особой морально-нравственной чистотой.

Книга открывается широкой исторической панорамой русской земли, заселенной многочисленными народами, в том числе и людей мордовской национальности, местах, связанных с основанием города Арзамаса. Большое место в труде П. Еремеева отводится борьбе русского народа против татаро-монгольского ига. В это связи указывается, что нападение татаро-монгольской орды и отражение агрессии не нашло поддержки со стороны европейских государств. В это время папа римский объявил войну против «русских схизматиков», стремясь обратить их в католицизм. Лишь в 1380 году князь Дмитрий отстоял независимость Руси, наголову разбив полчища Мамая. При этом П. Еремеев подчеркивает, опираясь на слова В.О.Ключевского, что московское государство родилось «не в сундуках Ивана Калиты, а на Куликовом поле»⁸².

---

⁸² Еремеев П.А. Арзамас городок. Арзамас, 1998. С.188.

В 1552 году во время похода Ивана Грозного на Казань была воздвигнута Арзамасская крепость для защиты южных окраин Руси от набегов ордынцев. При этом Еремеев не связывает легенду о происхождении имени города «Арзамас» Эрзяем и Масаем, которые, по мнению некоторых краеведов, принимали участие или как проводники русского войска, или были первыми мордвинами, принявшими христианство. Это делает ему честь как краеведу, ибо ссылка на эту легенду стала общим местом. Академия Наук высмеяла сторонников этого апокрифа, заметив, что название «Арзамас» означает просто «Земля эрзя» - то есть место, принадлежавшее мордовскому племени «эрзя», поскольку слово «масс» по -мордовски – «земля». Еремеев тесно увязывает историю Арзамаса с историей России, подчеркивая при этом немалую роль этого города в исторических событиях нашей родины.

Арзамас как историческое место обозначен в крестьянских восстаниях и войнах Степана Разина и Емельяна Пугачева. П.Еремеев приводит народную легенду о «старнице Алене», участвовавшей в восстании Разина.

Арзамас в книге П. Еремеева представлен не только как историческое место, где совершались исторические события - народные восстания, Арзамас – это место, пространство, которое подарило России художников и поэтов. Это - первая провинциальная школа живописи под руководством академика А.В.Ступина родилась именно в Арзамасе, в которой обучались живописи многие замечательные художники, одним из которых был В.Г.Перов. В Арзамасе был построен Воскресенский собор (М.П.Коринфский), считающимся одним из красивейших произведений архитектурного искусства в России. Другой арзамасский собор был возведен академиком Тоном, создателем Храма Христа Спасителя в Москве.

П. Еремеев подробно останавливается на роли Церкви в развитии городской культуры, скупозно перечисляя монастыри и церкви, возведенные в Арзамасе, имена церковных деятелей, благотворителей, обустроивших социальную и

пространственную среду города. Это меценатская деятельность местных купцов: П.И.Подсосова, А.Я.Заяшникова, И.С.Белусова, П.И.Серебренникова.

Автор в своей работе большое внимание уделяет тем деятелям культуры (М.Горькому, П.И.Мельникову - Печерскому, В.Г.Короленко), посещавшими город. Отдельную главу («Летописец») Еремеев посвящает Н.М.Щеголькову, краеведу.

Интересна структура работы П.Еремеева: она состоит из небольших глав, каждая из которых имеет свое название и рассказывает о значимом событии или явлении в жизни города: «Арзамасский базар», «Долгожители», «Свычай - обычай», «Родные имена», «Арзамасская хроника» и т.д., украшена фотографиями старого Арзамаса.

Жанр работы П.Еремеева характерен тем, что в нем объединены жанр летописи, легенд и сказаний, короткого рассказа, документалистики и публицистики. Эта интересная книга пронизана любовью к родному краю, тем деятельностным краеведением, которое высоко ценил Д.С. Лихачев. Эта - одна из лучших краеведческих работ, написанных о провинциальном городе.

Исторические летописи Арзамаса обозначены в краеведческом труде *Н.М.Щеголькова* «Исторические сведения о городе Арзамасе» (1911). «Предлагаемые «Сведения» собраны с единственной целью сохранить в памяти арзамасцев воспоминания о достопамятных событиях, совершившихся в их родном городе и его окрестностях, а также о лицах, послуживших в разные времена к созданию, украшению и прославлению г. Арзамаса»⁸³, - пишет Щегольков в предисловии. В работе Н.И. Щеголькова собраны уникальные материалы об истории возникновения города и наиболее заметных событиях его жизни. Автор рассказывает о вкладе своих предшественников, в историю Арзамаса. В книге много легенд и преданий, связанных с основанием Арзамаса. Религиозное строительство отмечается им как вершина «золотого века» развития

⁸³ Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911. С.4.

этого города: «Золотой век ... был непрерывной цепью храмосоздательства... В эти 75 лет выстроено в Арзамасе и Слободе Выездной 25 церквей. ...Благочестивым арзамасцам тесны казались старые храмы, они их разбирали и на их местах быстро созидали новые. ...То, что в другом городе создается веками, в Арзамасе вырастало в какие-нибудь 20 лет»⁸⁴. Н.М.Щегольков в своем труде повествует о различных легендах и преданиях, связанных с Арзамасом. Одна из них, например, рассказанная как подлинная, история о том, что царь Иван Грозный по пути из Казани повелел назвать город по имени двух братьев – Арзая и Масая, первыми принявших христианство.

В то же самое время книга Н.М. Щеголькова насыщена документальными свидетельствами, рассказывает об истории Арзамаса со времени его основания как казачьей крепости до начала XX века. Сам Николай Михайлович Щегольков был главой Арзамаса и замечательным краеведом, книга которого послужила основой всего написанного о городе. Репринтное издание его книги неоднократно переиздавалось Арзамасской типографией.

Религиозно-символический ландшафт малых городов, в частности, Арзамасского края, Дивеевская земля издавна играли особую роль в духовной жизни России. Это пространство содержит в себе религиозно-символический духовный смысл, связанный с образом Богородицы, как покровительницу русской земли

Не удивительно, что кольцо женских монастырей окружают Саровскую и Дивеевскую обители: Краснослободский Спасопреображенский, Ардатовский Покровский, Серафимо-понетаевский, Иверский Выксунский, Арзамасские Николаевский и Алексеевский женские монастыри, Кутузовская, Курихинская, Тихвинская женские обители.

Во время нашествия татаро-монгольских орд на Русь на месте слияния речек Сатиса и Саровы был основан город Сараклыч, ставший главным татарским стойбищем в Мордовской Руси. Современные исследователи

---

⁸⁴ Там же. С.18.

недоумевают, почему татары выбрали этот холм, окруженный болотом? Ведь рядом были сухие и удобные места? Видимо это не просто так, а по промыслу Божьему. Ведь и Москва, и Петербург были основаны на холмах среди болот. В переводе с мордовского «сарова» означает – «заболоченная река», Москва в переводе с тюркского означает – «болотистое место».

В 1377 году русские дружины наголову разбили татарское войско, и Сараклыч на триста лет оказался покинутым. Лишь в начале XVII века здесь появились первые отшельники – монахи и начали копать пещеры.

После покорения Казани мордовские земли стали заселяться русскими людьми. Дань с покоренной мордвы стал собирать татарский князь Дивей, которому царь Иван Грозный «жалует» и титул русского князя вместе с татарским царем Едигером и другими важными мурзами. 1559 год считается основанием села Дивеево. Саров, Дивеево и Арзамас неразрывно связаны. Это уникальное место отмечено религиозно-символическим смыслом. Так, в 1664 году на Старом Городище появляются первые отшельники. Среди них был инок Феодосий. В 1670 году к нему присоединяется инок Герасим, а затем монахи из Санаксарского монастыря Савватий и Филарет. Их жизнь воплотилась в подвижничество: убогая келья среди непроходимых лесов, затем пещера в горе. В 1692 году монах из Арзамасского монастыря Иоанн пришел в Старое Городище с одной лишь целью – основать там монастырь.

Первым делом отец Иоанн водружает над Саровским холмом крест, обозначая место строительства монастыря. В 1706 году церковь была построена и освящена. Так началось обустройство Саровской пустыни. Однако основателю пустыни не пришлось окончить свою земную жизнь в молитве и покое: он был обвинен в антиправительственном заговоре, вызван в Москву, арестован и умер в монастырской тюрьме.

Среди монастырских сооружений особенно интересны Саровские пещеры, которые связаны с именем отца Иоанна. По его собственным словам, однажды, утомившись, он уснул в шалаше и во сне увидел старца Иллариона, копавшего

пещеры в Киево-Печерской лавре. Тот велел ему выкопать на полугоре пещеру, которая бы походила на пещеру в лавре. С того времени строительство пещер не прекращалось. Сам Иоанн долгое время сам жил в пещерах, и у него в одной из подземных келий стоял гроб, в котором он спал. До сих пор пещеры привлекают внимание посетителей, представляющих собой очень интересное зрелище: узкие проходы идут на несколько километров под землей, от них идут ответвления, заканчивающиеся кельями. Там монахи проводили в молитвах несколько недель. Но постоянно там не жили из-за плохой вентиляции и сырости. История этих пещер овеяна легендами: пещеры эти выкопаны еще татарами и разбойниками, самый длинный подземный ход соединяет Саров с Дивеевым.

Вот что писал о Саровском холме основатель пустыни отец Иоанн: «Временами в ночное время виден над сим местом свет, превосходящий дневной. Бывает, как бы из раскрывшихся небес испускается огненная заря на гору. В другие времена слышится великий звон, как бы исходящий из многих колоколов. В удивление приходишь, от чего оно происходит и ради чего, как от Бога со святым предзнаменованием, в удивление очень сильное»

«Золотой век» для Саровской пустыни и Дивеева настал в XVII – XVIII веках, когда в эти земли пришел чудотворец земли русской, преподобный Серафим.

Он родился в 1759 году в Курске под именем Прохора Мошнина. Вся жизнь отца Серафима освещена Пресвятой Богородицей. Еще будучи ребенком, он тяжело заболел и был уже на смертном одре. Однако во сне ему явилась Божья мать и посулила исцеление. Вскоре ребенок выздоровел. В 17 лет с благословения матери он пошел в монахи, и в 1786 году в возрасте 28 лет пострижен под именем Серафим. В 1793 году он был произведен в иеромонахи и выразил желание уйти от людей в скит. Так он поселился в убогой келье в густом лесу на реке Сарова в 5 верстах от Саровской обители. Долгие годы проводил он, то в лесу на разных отдаленных пустынях, то в монастыре. 12 раз ему являлась Богородица. Последний раз за год и десять месяцев до смерти в марте 1831 года в

сопровождении целого сонма святых. Этому была свидетельница одна из дивеевских сестер. Во время схождения Богородица оповестила Серафима о его скорой кончине и обещала не оставить своей милостью Дивеевских инокинь.

Более всего батюшка Серафим заботился о Дивеевском женском монастыре. 16 июня 1709 года архимандрит арзамасского Спасского монастыря Павел освятил не только Саровский холм, но и всю Дивеевскую землю.

Первый храм, воздвигнутый на Дивеевской земле, был посвящен Успению Божьей Матери. Вскоре в Дивеево стали селиться сестры-монахини, о которых Серафим ежедневно молил Богородицу.

Одним из первых чудес, явившихся на Дивеевской земле, было схождение Богородицы, которая своими шагами прошла по границе монастыря. По велению Серафима, по границе монастыря, где прошли «стопочки Божьей Матери», была вырыта Святая Канавка. Примечательно, что копали ее только инокини монастыря. Канавка огорожена огромными липами, над ней установлен переход, по которому день и ночь идут паломники, читая молитвы, посвященные Богородице.

Много чудесных подвигов совершил батюшка Серафим и сделал предсказаний. Слава о нем разнеслась по всей Руси. Со всех сторон великой страны стали приходить к нему тысячи паломников. Он разговаривал с ними, предсказывая и утешая многих. Временами его приема ждали до 5 тысяч человек. Всех их он встречал с улыбкой и словами «Радость моя». Лишь некоторых он сурово отклонял, тех, кто за христианской личиной таил фальшь и лицемерие. Тысячу дней он молился на камне, спускаясь лишь на короткое время для принятия скудной пищи. Питался он черствым хлебом с ключевой водой. Лишь иногда вкушал мед и овощи со своего огорода. Несколько лет его основной пищей был отвар из сныти. Скончался Серафим в возрасте 73 лет в своей келье во время молитвы перед любимой иконой «Умиление». Погребли его в дубовом гробу, сделанному собственными руками, по правую сторону соборного алтаря.

Одним из пророчеств преподобного Серафима – великая Дивеевская тайна, которая имеет свою историю.

Она связана с именем известного православного писателя С.А. Нилуса, который в начале лета 1902 г., будучи в Дивееве, с благословения великой дивеевской старицы-игумений Марии, по желанию Е.И. Мотовиловой (жены «служки» Серафима Н.А. Мотовилова), получил большой короб оставшихся после смерти Мотовилова бумаг с разными записями, сделанными его собственной рукой. Из этих записей Нилус и извлек текст, который он назвал Великой Дивеевской тайной. «Мне, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже главнейшему догмату веры Христовой — Воскресению Христа и всеобщему Воскресению веровать не будут, то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от сия привременной жизни и по сем воскресить, и воскресение мое будет, аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской, во дни Феодосия Юнейшего. <...> Открыв мне сию великую и страшную тайну — великий старец поведал мне, что повоскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеево и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли. И проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет в нем четверо мощей, и, пооткрытии их, сам между ними ляжет. И тогда вскоре настанет и конец всему»⁸⁵. «По обетованию Господню воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба великий старец Серафим и пешком перейдет из Саровской пустыни в село Дивеево, и при сонме Высочайшей фамилии и бесчисленного множества людей, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех людей в конце

---

⁸⁵ Нилус С. А. На берегу Божьей реки: записки православного // Нилус С.А. Полное издание: В 3 т. М. - СПб.: «Лествица» - «Диоптра», 1999. Т.3. С. 252 – 253.

веков всеобщего воскресения, понеже, наконец, там вечным опять до времени сном смерти почиет»⁸⁶.

Четвертого ноября 1990 г. они были чудесным образом обретены в запасниках музея, причем в инвентарной записи они числились. После нескольких экспертиз признано, что найденные останки действительно принадлежат преподобному Серафиму. 15 января 1991 г. был установлен праздник второго обретения мощей преподобного Серафима, а через полгода их перенесли в Дивеевский монастырь. С тех пор они находятся в Серафимо-Дивеевском женском монастыре под благодатью Богородицы.

В 1903 году по решению Святейшего Синода после установления более 100 случаев чудесного исцеления преподобный Серафим был причислен к лику святых. Среди чудесных случаев выделяется один. Жена последнего царя Николая II Александра не могла произвести на свет наследника. Во сне ей явилась Богородица, которая велела ей совершить паломничество к мощам Серафима, что и она исполнила. Вскоре после этого она родила сына. Конечно, посещение государем-императором мощей Серафима вызвало небывалое волнение среди православных. Царь возглавил шествие по переносу мощей в Дивеево.

В Арзамасе родился патриарх Сергей. Здесь в Высокогорном монастыре служил настоятелем отец Софроний, также прославившийся своими чудесами и предсказаниями. В конце жизни, как и Серафим, он удалился от людей в скит, в дремучие леса, на полпути между старообрядческим деревнями Пиявочное озеро и Пустынью.

Слава об угодниках Божьих не ослабевает, а ширится. Со всех концов земли русской приезжают паломники, чтобы поклониться мощам преподобного Серафима, искупаться в чистых водах святых источников, посетить дальнюю пустыньку, где дважды являлась Богородица, пройти с молитвой по Канавке и

---

⁸⁶ Приложение к «Великой Дивеевской тайне» (Из семейного архива Флоренских) // Литературная учеба. 1991. Книга первая. С. 133.

вновь обрести душевное просветление. Дивеево называют Четвертым уделом Богородицы.

История Сарова – история Арзамаса-16 – города, возникшего на месте поселка Сарово весной 1946 года. Арзамас-16 как военный объект был местом, определившим начало грандиозного ядерного проекта – создания ядерной бомбы, связанного со сложной политической обстановкой, военными угрозами, затрагивающими жизненно важные проблемы: суверенность и целостность советского государства, его жизненную состоятельность. Руководителем атомного проекта был назначен И.В. Курчатов, который привлек к этой работе лучших ученых и специалистов из научно-исследовательских институтов и вузов страны. В 1943 году решением Государственный комитет обороны было создано научно-исследовательское учреждение «Лаборатория измерительных приборов №2 АН СССР». 1 января 1967 года— Всесоюзный научно-исследовательский институт экспериментальной физики. В 1992 году институт был переименован в Российский федеральный ядерный центр — Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (РФЯЦ-ВНИИЭФ). В настоящее время ВНИИЭФ развивает международное научно-техническое сотрудничество, что связано с вхождением в мировое научное сообщество, осуществление интересных проектов с новыми экспериментальными, вычислительными, диагностическими возможностями. Сравнивая Саровский монастырь ВНИИЭФ, автор статьи «История г.Арзамас-16 с 1946 года до наших дней» М. Большакова пишет: «Саровский монастырь называли «академией монашества» — ведь настоятели многих русских монастырей вышли из саровской братии. Ядерный центр также был «кузницей кадров» для предприятий атомной промышленности.

Есть еще одна общая черта у Саровского монастыря и закрытого города Арзамас-

16. Это их отдаленность от мира, обособленность — при том, что тысячью нитей каждый из них связан со всей страной»⁸⁷.

Малые города России являются составными частями провинции как *места* (*локусы*), качественно отличного по своим свойствам столице, мегаполису. В параграфе рассматриваются характерные черты провинции: *географический ландшафт* в контексте *символики* провинциального пространства, *религиозно-символическая характеристика* ландшафтного пространства, его имяславное значение.

Нами выделено значение *религиозно-символического* (Дивеевской пустыни), и *промышленного* (военно-оборонительного комплекса) ландшафтов малого города (Арзамас) как *духовного* и *оборонительного центров* России. Большое значение имеет обозначение характеристики *места* малого города как *локуса* провинции, в связи с чем отмечается *своеобразие места малого города* как семиотического пространства. Малые города характерны не только географическим, но и культурным ландшафтом, что создавало уникальное своеобразие провинции без противопоставления ее столичному мегаполису. Уникальность малых городов России, образующих социокультурную ткань провинции, заключалась одновременно и в претензии на местное управление, аполитичностью, тягой к традиционности и консерватизму. Рассмотрение исторических событий малых городов (Арзамас, Шуя), их уникальности в контексте *повседневности*, позволило сделать вывод о том, что она заточена на *регулярности* процесса жизни, который, в отличие от мегаполиса, транслирует традиционализм и консерватизм как главные, опорные ценности «уездной» идеологической системы (Ю.И. Иванов).

1.3. Феномен города как концепт

Цель параграфа: Анализ феномена города в дискурсе концепта

---

⁸⁷ Большакова М. История г.Арзамас-16 с 1946 года до наших дней» . Режим доступа:[Электронный ресурс] <http://ussr-ovogona.snat.ru/index.html>

Задачи: - представить анализ теории концепта в истории культуры, в трудах Ж. Делеза, М. Бахтина, Ю.А.Степанова;

- рассмотреть различные концепции феномена города в трудах современных исследователей;

- обосновать необходимость введения концепта как смысловой константы феномена города в словесной культуре;

- определить структуру концепта как методологического основания системного анализа феномена города в контексте словесной культуры;

- рассмотреть основные элементы (событие, хронотоп, темпоральность, культурологический портрет) концепта феномена города в словесной культуре.

Понятие концепта. В различных словарях концепт *conceptus* –лат. — «понятие», *concipere* «зачинать», т. е. что означает «поятие (др.-рус. *пояти*, или зачатие); или «схватить, взять в собственность, взять женщину в жены») в целом, идентичные понятия. Концепт выражает следующее содержание: «Словарь иностранных слов русского языка» рассматривает концепт как «план, набросок сочинения, проект договора, понятие, очерк⁸⁸. Энциклопедия эпистемологии и философии науки трактует концепт [лат. *conceptus* понятие, представление] как 1) замысел, проект, изначальная идея» (от лат. *conceptus* схватка, замысел, зачатие) - единица речевого высказывания, логически смысловой компонент его семантической структуры; характеризует акт понимания и его результат, полученный в коммуникации, тем самым предполагая...»⁸⁹.

Большой Энциклопедический словарь рассматривает концепт (от позднелат. *conceptus* мысль, представление, понятие; в античности накопление вод, зачатие, плод как: 1) смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого имени (напр., смысловое значение имени Луна естественный спутник Земли). 2) Произведение концептуального

⁸⁸Словарь иностранных слов русского языка. [Электронный ресурс]:<http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>

⁸⁹Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс]:<http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.

искусства.⁹⁰ Энциклопедия культурологии рассматривает концепт как «одно из главных понятий концептуализма, как направления в искусстве втор.пол. XX в. Означает замысел, некую, часто иррациональную»⁹¹. Концепт (от лат. *conceptus* мысль, понятие) как общее понятие, общее представление в «Толковом словаре» Д.Н. Ушакова.⁹² Политология. Словарь определяет концепт как «смысловое значение имени (знака), т. е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого имени (напр., смысловое значение имени Луна естественный спутник Земли).⁹³ В целом концепт выступает как понятие, обозначающее смысл, имеющий ценностное значение, объединяющее существенные и несущественные смыслы того или иного феномена.

Понятие концепта впервые вводится как термин П. Абеляром как творческое воспроизводство смыслов. Абеляр различает понятие и концепт. Фома Аквинский рассматривает концепт как мысленное постижение смысла, выраженное через знак.

В эпоху Нового Времени понятие и концепт представляются идентичными. Концепт как «акт схватывания смыслов» рассматривается И.Кантом, разделявшим концепт и понятие.

Ж. Делез и Гваттари Ф. разделяют понятие и концепт, считая, что понятие имеет ограниченные содержательные ресурсы по сравнению с концептом. Развитие концепта в постмодернистской философии вызвано «идеей творчества, которое «всегда единично, и концепт как собственно философское творение всегда есть нечто единичное», и к связанной с творчеством идее речи, представленной в «устойчивых сгустках смысла», открытой Средневековьем. Эти

⁹⁰ Большой Энциклопедический словарь: [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.

⁹¹ Энциклопедия культурологи. [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.

⁹² Ушаков Д.Н. Толковый словарь: [Электронный ресурс]: <http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.

⁹³ Политология. Словарь: [Электронный ресурс]//<http://dic.academic.ru>. <http://stylistics.academic.ru/>

два момента роднят понимание концепта в средневековой и постмодернистской философии»⁹⁴.

Концепт, согласно идее постмодернистской философии сам есть событие, постольку поскольку он посредством «схватывания» смыслов организует некий порядок, что само по себе есть событие в речевом хаосе. Таким образом, концепт как «схватывание» есть событие, событие не является понятием.

В методологии науки концепты представляют собой фактор, организующий систему. Таким образом, концепты представляют собой некую *целостность* исследуемого феномена, обладая, в отличие от конструктов, выполняющих роль инструментария в процессе исследования, «онтологической наполненностью»⁹⁵.

Таким образом, исходя из определений концепта, можно сказать: а) концепт и понятие имеют различное содержание и направленность в науке; б) концепт сложное синтетическое образование, которое содержит расширительный, рациональный характер, причем, концепт может содержать множество других концептов; в) концепт представляет онтологическую целостность, являясь организующим ядром системы; г) концепт как смысловое «схватывание» представляет собой событие, в отличие от понятия, организующим разнообразие свойств объективное единство.

Концепт сложное синтетическое образование, которое содержит расширительный, рациональный характер, причем, концепт может содержать множество других концептов.

Таким образом, концепт - достаточно сложное образование, обладающее многоплановой структурой и сложным содержанием, он представляет собой, с одной стороны, целостность, с другой обладает «соотнесенностью», коммуникативностью с другими, сходными по смысловому содержанию

---

⁹⁴Концепт. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией В. С. Стёпина. 2001. [Электронный ресурс] <http://URL:dic.academic.ru>. Текст статьи ©С.С. Неретина.

⁹⁵Концепт. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6888> Текст статьи: © С. С. Неретина. В. Л. Абушенко, Н. Л. Кацук.

концептами. В этом плане концепт является *смысловым* фактором концепции. Структура концепта в культуре объединяет исторические, лингвистические, культурологические характеристики и ценностные оценки.

Понятие отличается в этом смысле от концепта тем, что концепт не содержит «оппозиции в понятии, так как в мире возможностей, связанном с текучестью, нет места понятию, связывающему разнообразие субъектов в некое объективное единство»⁹⁶.

С точки зрения Делеза концепт — это событие, а событие — это не понятие. «Приписываемая им противоречивость (манифестируемая в понятии) есть как раз результат их несовместимости, а не наоборот» (Делёз Ж. Логика смысла. — М., 1995. С. 205)⁹⁷. Концепт как событие характеризуется диалогичностью, на что указывает М.И. Бахтин, раскрывающий связь «своей и чужой речи» в диалоге.

Концепт в понимании М.М. Бахтина основывается на понимании культурного текста как диалога культур («Я» - Другой»). «видение *смысла*, но не феноменальное, а видение живого смысла переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать, самоосмысленного явления», подчеркивая диалогичность понимания»⁹⁸.

Понимание как творчество независимо от пространственно-временных координат, это свойство культурного диалога: «*творческое понимание* не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания — это *внезаходимость* понимающего — во

---

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Концепт. Гуманитарная энциклопедия. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016 (последняя редакция: 30.10.2016). URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6888>

⁹⁸ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — С. 229-230 .

времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять»⁹⁹.

Бахтин считает, что культурный текст существует только в диалоге. В этом смысле культура «есть там, где есть две (как минимум) культуры, и что самосознание культуры есть форма ее бытия на грани с иной культурой»¹⁰⁰. Культурное бытие, согласно М.М. Бахтину возможно только в контексте диалога: «быть – значит общаться диалогически»¹⁰¹.

В этом диалоге онтологизм событийности для философа: «Я – единственный из себя исхожу, а всех других нахожу – в этом глубокая онтологическая событийная равнозначность»¹⁰².

Таким образом – основа концептуальности персоналистической философии Бахтина определяется *концептом* диалога, представляющим собой *онтологию и смысл события*. «Целое моей жизни не имеет значимости в ценностном контексте моей жизни. События моего рождения, ценностного пребывания в мире и, наконец, моей смерти совершаются не во мне и не для меня. Эмоциональный вес моей жизни *в ее целом* не существует для меня самого»¹⁰³. Онтологизм диалога раскрывается как «бытие выражения двусторонне: оно осуществляется только во взаимодействии двух сознаний (я и другого); взаимопроникновение с сохранением дистанции; это – поле встречи двух сознаний, зона их внутреннего контакта»¹⁰⁴.

---

⁹⁹ Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 334.

¹⁰⁰ Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры / В.С. Библер. – М.: Прогресс, 1991. – 176 с. С.85.

¹⁰¹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Советский писатель, 1963. – 363 с. С.338.

¹⁰² Бахтин М.М. Философия поступка / М.М.Бахтин. – М.: Лабиринт – МП, 1996. – 183 с. С.159.

¹⁰³ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 7 180.

¹⁰⁴ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 228-229 180.

Следовательно, событие как ценность может быть представлено как целостный феномен только лишь в *диалогическом пространстве*, которое концентрируется в культуре, в культурном тексте.

Текст является кодом культуры и выделяется в форме письменной речи, знаков, в языковой речи.

Событие актуализировано в действии, в поступке, поэтому «диалог здесь не преддверие к действию, а само действие. Он и не средство раскрытия, обнаружения как бы уже готового характера человека; нет, здесь человек не только проявляет себя вовне, а впервые становится тем, что он есть... - не только для других, но и для себя самого»¹⁰⁵.

Событие в этом смысле рассматривается как «фундаментальная экзистенциально-онтологическая категория»¹⁰⁶.

Таким образом, концепт диалога в понимании М.И. Бахтина определяет сингулярность *культурного пространства*¹⁰⁷, расширяя его во временных рамках, потому что культура как многослойное образование проявляется именно в различных культурных текстах, преодолевая пространственно-временные границы через культурный опыт человечества.

Концепт диалога дает возможность обретения смысла, ведь, диалогические отношения, заключенные в культурном тексте, ... – «это почти универсальное

---

¹⁰⁵ Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 227-231.

¹⁰⁶ Дьяконов Г.В.. Концепция диалога М.М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии// ж.«Соціальна психологія», № 5 (19), 2006. - с.45 - 55.

¹⁰⁷ В философии слово «сингулярность», произошедшее от латинского «singulus» — «одионый, единичный», обозначает единичность, неповторимость чего-либо — существа, события, явления. Больше всего над этим понятием размышляли современные французские философы — в частности, Жиль Делез. Он трактовал сингулярность как событие, порождающее смысл и носящее точечный характер. «Это поворотные пункты и точки сгибов; узкие места, узлы, преддверия и центры; точки плавления, конденсации и кипения; точки слез и смеха, болезни и здоровья, надежды и уныния, точки чувствительности». Но при этом, оставаясь конкретной точкой, событие неизбежно связано с другими событиями. Поэтому точка одновременно является и линией, выражающей все варианты модификации этой точки и ее взаимосвязей со всем миром. [Электронный ресурс] <http://analitic.livejournal.com>

явление, пронизывающее всю человеческую речь и все отношения и проявления человеческой жизни, вообще всё, что имеет смысл и значение»¹⁰⁸.

Обретение смысла посредством культурного диалогизма, по мнению М.М. Бахтина раскрывает и *смысл* диалога в его всеобщем значении, отвергая привычное, повседневное его понимание как «внешние, наиболее очевидные, но грубые формы диалогизма».

Диалог, в его концептуальном значении, определяется, прежде всего, как *понимание, выход за пределы собственного «Я»* через «доверие к чужому слову, благоговейное приятие (авторитетное слово), ученичество, поиски и вынуждение глубинного смысла, со-гласие, его бесконечные градации и оттенки (но не логические ограничения и не чисто предметные оговорки), наслаивания смысла на смысл, голоса на голос, усиление путём слияния (но не отождествления), сочетание многих голосов (коридор голосов), дополняющее понимание, выход за пределы понимаемого и т.п.»¹⁰⁹.

В концепции диалогизма М.М. Бахтина смысл диалога фиксируется не только настоящим временем, диалог бесконечен во времени, он принадлежит не только прошлому или будущему: «нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее)». Поэтому диалог бесконечно обновляется: «даже *прошлые*, то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конченными) – они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде и поэтому он есть выражение вечности в

---

¹⁰⁸ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 71-180.

¹⁰⁹ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 75.

рамках существования человечества»¹¹⁰. Смысловая диалогичность культур *бесконечна во времени*, в силу чего «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения. Проблема *большого времени*»¹¹¹.

Можно сказать, что диалогичность культур в текстовом дискурсе, как *смысл «большого времени»*, означает «проявленность» бытия как «общение с человеком, но - общение на вершинах Логоса, взаимопонимания и взаимоостранения»¹¹².

Таким образом, в работах М.М. Бахтина очевидна модель *концепта культурного диалога*, в основе которой *событие*, на что справедливо указывает В.В. Бибихин: «событие – бытие совместно с другими (бытие_в_мире).

Важный момент в понятии «событие» – это индивидуальность события, «сопричастность» индивидуума его бытию, его «событие»». ¹¹³ Событие как культурный диалог (амбивалентность) определяется как *место*, которое есть, по сути дела, - событие¹¹⁴.

Событие совершается во времени, имеет своего носителя («топос» – В.В. Бибихин), который в понимании М.М. Бахтина означает *личность* как *место* и исходный (единый) исток события, «инкарнированный в едином и единственном месте в бытии, которое (место) фокусируется в понятии личности»¹¹⁵.

---

¹¹⁰ Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М.Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 76 .

¹¹¹ Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.:Искусство, 1979. – С. 361 373.

¹¹² Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. С.373.

¹¹³ Бибихин В.В. Слово и событие.[Электронный ресурс]URLhttp://viviknin.ru/slovo_i_sovutie.

¹¹⁴См.:«Понятия места, центра, точки, или ядра, к которым М.М. Бахтин постоянно обращается, должны рассматриваться исключительно в свете амбивалентной структуры события бытия человека, т. е. каждое такое место, точное и сконцентрированное, есть не субстанция, но именно событие, бытийная структура которого определена открытостью смыслового будущего». Бибихин В.В. Слово и событие.URLhttp://viviknin.ru/slovo_i_sovutie/39.

¹¹⁵Бибихин В.В. Слово и событие. [Электронный ресурс]URLhttp://viviknin.ru/slovo_i_sovutie/39.

Методологическими основаниями диссертационного исследования явились труды Ю.М. Лотмана по теории и истории культуры. Согласно Лотману Ю.М. культура – символична по своей природе, поэтому представляет собой «семиотическое пространство», функционирующее «как единый механизм (если не организм)», это – «большая система, именуемая семиосферой»¹¹⁶, «синхронное семиотическое пространство, заполняющее границы культуры и являющееся условием работы отдельных семиотических структур и, одновременно, их порождением»¹¹⁷.

Культура является хранителем исторической памяти, поэтому она представляет «с одной стороны, определенное количество унаследованных текстов, а с другой — унаследованных символов»¹¹⁸. Особенностью культуры является ее диалогичность в силу того, что в основе культуры «лежит существование другого, противостоящего ей мира»¹¹⁹.

Культура как текст в понимании Ю.М. Лотмана представлена в широком смысле этого слова. Текст применим к различным сферам жизни, что описывается в работе Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века).

Большое значение для культуры имеет *время* как одно из «существеннейших факторов культуры и духовной жизни индивидуума, столь существенным, что в этих плоскостях его рассмотрения оно теряет ту неразрывную связь с пространством, которая свойственна ему онтологически, и выступает в качестве отличного от пространства, самостоятельного параметра

---

¹¹⁶Лотман Ю.М.Статьи по семиотике и топологии культуры. [Электронный ресурс]: http://booksafe.net/read/lotman_yuriy-vesedy_o_russkoj_kulture_vyt_i_tradicii_russkogo_dvoryanstva_xviii_naschalo_xix_veka-211187.html.

¹¹⁷Лотман Ю.М. Внутримыслящихмиров [Lotman, Yu.M. Inside intellectual worlds]. Москва: Языки русской культуры. 1996. С.4.

¹¹⁸Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Таллин. «Александра», 1992. [Электронный ресурс]: <http://www.snat.ru/~yankos/ya.htm>

¹¹⁹Лотман Ю.М.Избранные статьи в трех томах. Т.1 Статьи по семиотике и топологии культуры. С.13.[Электронный ресурс]: <http://www.snat.ru/~yankos/ya.htm>.

духовной жизни общества и личности»¹²⁰. В этом смысле формы культуры в своих образах создают *единство пространства и времени*, поэтому «живопись создает образы пространства, то архитектура создает образ Пространства; точно так же литература рассказывает о конкретности течения времени, а *музыка – о Времени как таковом*»¹²¹.

Время организовано *ритмом*, поэтому «время в культуре – это передача определенных ритмов и последовательности действий, ориентация на определенный модус времени, превалирующий в данной культуре и выражающий иерархию ценностей в ней»¹²².

Темпоральность (временность)¹²³ в понимании М. Хайдеггера является *качественной особенностью бытия*: «временность есть условие возможности бытийного устройства Dasein», «есть изначальное временение временности как таковой». Темпоральность культуры, таким образом, есть особая динамика, ритмика, определяющая самодвижение и смыслы культурного бытия.

Хронотоп культуры представляет собой некое образование, в котором органически соединены *пространство, время и место события*. Выделяются следующие типы хронотопа в культуре: *исторический* хронотоп как целостности совокупности представлений об исторических событиях в текстах культуры (знаки, символы, мифы, научные исследования, и.д.). *Профаный* хронотоп культуры определяется ритмом *повседневности*, которые связаны с привычной организацией жизни, ее будничностью. *Сакральный хронотоп*, измеряющийся внутренней *темпоральностью события*, раскрывающийся в дискурсе

¹²⁰Каган М. С. Время как философская проблема / М. С. Каган // Вопросы философии: – 1982. – №10. – С. 117–124. С.118.

¹²¹Каган М. С. Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки / М. С. Каган // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве: статьи / М. С. Каган. – Л., 1974. – С.26–39. С.32.

¹²²Штомпель Л. А. Смыслы времени / Л. А. Штомпель. – Ростов-на-Дону. – 2001. – 201 с. С.52.

¹²³Слово время в немецком языке – Zeit, временной» – zeitlich, темпоральность – Zeitlichkeit, Темпоральность – «временное качество» // Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер ; [пер. с нем. А. Г. Чернякова]. – Спб. : Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 446 с. [8, §19].

экзистенциального события. Пространство культуры определяется как *материальное (исторически определенное) пространство*, которое неразрывно связано с *топосами* и *локусами* культуры, со временем. Культурное пространство как *материальное социокультурное образование* проявляется в различных *материальных объектах* культуры: тексты, архитектура, живопись, скульптура, различные памятники культуры и архитектуры. Культурное пространство имеет скрытый (сакральный) смысл, который выражен в семиосфере культурного пространства: в символах, знаках, мифах, имяславии (городов, различных названий).

Город как часть культуры представляет собой особым образом выстроенный *текст*. «Рассмотрение Города, включенного в историю цивилизации как текста *sui generis*, естественно», - замечает Лотман, - «более того, именно на объекте такого рода некоторые черты текста выделяются наиболее наглядно. К ним можно отнести кодовую гетерогенность – непременно зашифрованность несколькими кодами, семиотическую неоднородность субтекстов, противоречиво стремящихся образовать единый текст. Наглядно выступает также свойство текста накапливать и постоянно регенерировать свою историю»¹²⁴. В этой связи текст¹²⁵ как некая «единица собирания» (Бураго Е.Г.) представляет собой образование «стабильный предмет, имеющий постоянные признаки, а в качестве функции: как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, в конечном итоге — литература в целом»¹²⁶.

Коммуникативность и диалогичность культуры подчеркивалась в трудах М.И. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.М. Топорова как классиков исследования текста в культуре. В работах М.И. Бахтина диалогичность культуры фокусируется в *понятии события*, Ю.М. Лотман рассматривает эту проблему через *текст*, как семиотическую сущность культуры, В.М. Топоров обозначает ее в контексте

¹²⁴ Лотман Ю. М. От редакции / Ю.М.Лотман // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.

¹²⁵ Термин *textus* (лат.), означает ‘ткань’, ‘связь’.

¹²⁶Лотман Ю.М. Культура и взрыв. Москва:Гнозис. 1992.С.178.

больших городских пространств, вводя в научный оборот понятие «петербургское городское сознание», имеющее качественную определенность, обладающую характерными для данного места, пространства особенностями.

Феномен «город», таким образом, есть выражение единства культуры и человека как порождения и одновременно творца этой культуры, ибо «человек пронизан для культуры, более того — он пронизан культурой»¹²⁷, подчеркивает Ю.С. Степанов, - поэтому «не следует воображать себе культуру в виде воздуха, который пронизывает все поры нашего тела— нет, это «пронизывание» более определенное и структурированное: оно осуществляется в виде ментальных образований — концептов. Концепты — как бы сгустки культурной среды в сознании человека»¹²⁸.

Следовательно, город как феномен культуры определяется не только как понятие, но и в силу своей смысловой наполненности, как *концепт*, который отражается «как ...сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», в силу чего посредством концепта «человек — рядовой, обычный, не «творец культурных ценностей» — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее»¹²⁹.

Таким образом, в наиболее полном семантическом выражении город как концепт представляет собой некое *смысловое ядро*, *объединяющее образную, понятийную, пространственно-временную, когнитивно-познавательную составляющие*. Феномен город представляется неким *целостным единством*, объединяющим его элементы вокруг смыслового ядра. Феномен «город» является смысловым основанием концепта «город» В то же самое время концепт «город» дает возможность обозначить многоплановость феномена «город» в его *целостности*. При этом очевидном значении необходимости введения в

¹²⁷ ¹²⁷ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004. С.40.

¹²⁸ Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. - М.: Академический проект, 2004. С.41.

¹²⁹ Там же. С.42.

исследовательское поле методологическую парадигму концепта, она недостаточно разработана при всем многообразии исследовательских подходов в исследовании проблемы города, прослеживается в некоторых лингвокультурологических и социологических исследованиях современных авторов¹³⁰.

По мнению многих исследователей концептологический подход, введение концепта как методологии исследования, в нашем случае феномена города, дают возможность «обобщить достижения культурологии, лингвистики, страноведения, когнитологии, этнологии и ряда других дисциплин», систематизировать «термины и категории, которыми эти дисциплины оперируют», в силу того, что «человек живет, общается, действует в мире «понятий», «образов», «поведенческих стереотипов», «ценностей», «идей» и других тому подобных привычных феноменологических координат своего существования.

В нашем диссертационном исследовании феномен города может быть рассмотрен в следующем смысловом срезе: как *образ культуры*, концептуальное ядро которого выражает определенные смыслы, сфокусировавшие различные характеристики, понятия, особенности этого феномена. В этом множестве смыслов феномена города, преломленных в художественных образах, мы выделяем следующие особенности концепта: *событие, пространство (места), время (темпоральность), культурологический портрет*.

Введение концепта, как методологического основания в понимании феномена города в дискурсе словесной культуры, обусловлено следующими причинами. Во-первых, феномен города включает в себя большое количество

---

¹³⁰ См.: Ермолина Л.А. Культура как сингулярность: сжатие и развертывание смыслов. Гуманитарий юга России, Проблема культурных концептов в современной лингвистике.[Электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-singulyarnost-szhatie-i-razvertuyvanie-smyslov>; Ибраева А.Ф. Сопоставительное исследование художественного концепта «city/город» на материале произведений К. Бушнелл и С. Минаева. Автореферат на соискание ст. канд филол. н. Казань, 2011. Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен. Автореферат диссертации на соискание степени канд.филос.н. Мурманск, 2009.

событий, существенных и несущественных, случайных и причинно обусловленных. Во-вторых, город обладает пространственным ареалом с большим количеством коммуникативных, архитектурных сооружений, в которых заключены городская символика и знаки. Город – это огромный организм, который в своем пространстве объединяет *материальную* духовную «инфраструктуру». Таким образом, город, как и всякий другой материальный объект, сочетает в себе материальность и духовную ментальность.

Мы считаем, что структура концепта в культуре объединяет исторические, лингвистические, культурологические характеристики и ценностные оценки, на что обратил внимание Лотман Ю., Топоров В., Степанов Ю.

Делез понимает концепт как *событие*, которое М. Бахтин рассматривает как *диалогичность*, раскрывающее связь «своей и чужой речи» в диалоге, определяя поступок как событие. В параграфе выявлено, что концепт феномен города, вбирающий в себя все разнообразие городской феноменологии, заключающей в себе разнообразие и противоречивость событийности, является тем организующим смысловым центром, который объединяет и организует в систему это разнообразие. В связи с этим в диссертационном исследовании сделан вывод: концепт феномена города определяется через его *смысловые константы*: *событие, пространство (места), время (темпоральность), культурологический портрет*. В параграфе указывается на то, что событие не только онтологично, оно связано с действиями субъекта действия (личность, общество). Поэтому событие является одновременно *центром, ядром и онтологией* поступка (М. Бахтин).

Событие определяется хронотопом и осуществляется в пространстве, фиксируется как культурологический портрет («динамический хронотоп») в различных образах, символах и знаках культуры. Феномен города в дискурсе концепта обозначен как фактор «явленности и неявленности» (М. Хайдеггер), явленности как материального объекта и неявленности того сакрального смысла, который проявляется в культурном тексте города (Ю.М. Лотман). Поэтому

символика, мифология и имяславие феномена города имеют значение в обозначении его культурной уникальности и неповторимости. Подчеркивается важность равновесия соотношения *профанности и сакральности* в смысловой концептуальности феномена города, что ярко проявляется в анализе художественных произведений словесной культуры: нарушение равновесия в пользу профанности обнаруживает фактор повседневности как *видимости* события жизни его профаном значения (Ю. Трифонов «Другая жизнь»)

В нашем исследовании феномен города анализируется в дискурсе словесной культуры, что связано с *целостной реконструкцией феноменологии города в его архетипическом, историческом и художественном изображении*. Феномен города занимает в словесной культуре значительное место, демонстрируя необходимость исследования этого явления в его целостном контексте.

В связи с этим в параграфе рассматривается понятие концепта, обосновывается введение концептуальной методологии, анализируются его основные элементы: *событие* как основа исторического повествования и художественного образа *хронотоп* как *единства* пространства – времени – культурной семиотики городского пространства.

Хронотоп города в контексте концепта дает возможность рассмотрения города не только в пространственно-временной перспективе его становления и развития, но и с позиций обнаружения *сакрального (метафизического) смысла*. *Темпоральность* как особая ритмика города.

Культурологический портрет с точки зрения теоретического исследования является недостаточно изученным в культурологии¹³¹. Подчеркивая, что культурологический портрет «органично встраивается в систему представлений знаково-символической парадигмы культурологии», авторы указывают на недостаток методологических обоснований данной проблемы, в то же самое

---

¹³¹См: Евменова Л.Н. Кудинова И.Ю. Культурологический портрет как понятие и метод исследования города. [Электронный ресурс] <http://journal-discussion.ru/issue.php?id=40>. Мустафаева А.А. Актаулова Б.Ж. Термин «социальный портрет»: понятие, значимость и его особенность в проведении исследования. [Электронный ресурс] http://www.rusnauka.com/35_FPN_2014/Psinologia/13_178538.doc.htm.

время, утверждая, что культурологический портрет как понятие используется в ряде культурологических и литературоведческих работ¹³². Авторы рассматривают культурологический портрет в его историческом развитии как «открытую динамическую систему», как аксиологическую модель, считая, что понятие культурологического портрета включает в себя, прежде всего, объективное отражение реальной действительности. Рассматривая город как материальный объект, предлагается включать в структуру элементов культурологического портрета «эволюцию аксиосферы и менталитета, семантический путь развития города, динамику его восприятия, изменение привлекательности территории. В этой же связи в методологию культурологического портретирования на завершающем этапе целесообразно включить и обоснование трендов развития города, проектирование будущего»¹³³. В социологическом аспекте термин социальный портрет рассматривается как «алгоритм» для сбора материала¹³⁴.

Семиотический текст города является *кодом* его культурологического портрета, который выражает общее, характерное для городов вообще и особенное, которое свойственно только данному городскому пространству, месту, времени, начиная с исторического названия города – *имени* (Веселова), *архитектурных форм*, порождающих визуальные коммуникации (Волчкова И.М., Лазарева Э.А.), через *образы архитектуры* (Янковская Ю.), образуя «креолизированный (смешанного типа) текст», основанный на «сочетании вербальных и невербальных, изобразительных, средств передачи информации»¹³⁵, как свёрхтекст – *образ города - святыни* (Бураго Е.Г.), Анализ культурологических

¹³²Евменова Л.Н. Кудинова И.Ю. Культурологический портрет как понятие и метод исследования города [Электронный ресурс] <http://journal-discussion.ru/issue.php?id=40>.

¹³³ Евменова Л.Н. Кудинова И.Ю. Культурологический портрет как понятие и метод исследования города [Электронный ресурс] <http://journal-discussion.ru/issue.php?id=40>.

¹³⁴ Мустафаева А.А. Актаулова Б.Ж. Термин «социальный портрет»: понятие, значимость и его особенность в проведении исследования.

[Электронный ресурс] http://www.rusnauka.com/35_FPN_2014/Psihologia/13_178538.doc.htm.

¹³⁵Волчкова И.М. Лазарева Э.А. Город как средоточие коммуникаций. Проспект монографии. [Электронный ресурс]: <http://www.raasn.ru/academia.htm> ARCHITECTURE.

портретов *малых городов* рассмотрены в исследованиях В.В. Абашеева (Пермь), Т.А. Юдиной (Оренбург), С.В. Гановой (Бийск), Н.В. Бубновой (Смоленск) и др.

Культура, как и язык, всегда являлась средством коммуникации. Семиотика городского пространства, посредством знаков и символов, всегда обращена к другому (человеку, поколению). В этой связи текст является средством, обозначающим различные проявления культуры: привычки, повседневность, образ жизни, чин, порядок, мода, обряд, обычай и др.¹³⁶

В нашем диссертационном исследовании *культурологический портрет* феномена города в дискурсе словесной культуры представлен как «застывший хронотоп», портрет, образное изображение города через смыслы авторского замысла.

Культурологический портрет в диссертации представлен как культурный текст в жанрах исторической документалистики, биографического эссе, романов и повестей. Жанровые особенности культурологического портрета феномена города имеют свои особенности. Однако культурологический портрет феномена города в жанре исторической документалистики, исполненный в стиле строгости понятий и фактов, в образах исторического романа дополняется интуитивно-художественными настроениями в описании природы, климатических условий и т.д., что создает историческую атмосферу эпохи, неотвратимость событий, описанных в романе. Рассматривая культурологический портрет феномена города в образах словесной культуры, мы пришли к следующему методологическому обоснованию исследования данного понятия.

Культурологический портрет как «застывший» хронотоп в ***единстве пространства и времени***, в обнаружении гендерного (мускулинности и женственности) в образе города (Лондон, Париж), его *гастрономической идентичности и диалогичности*.

---

¹³⁶ См.: Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Введение. Быт и культура. [Электронный ресурс]: http://bookscafe.net/read/lotman_yuriy-vesedy_o_russkoj_kulture_vyt_i_tradicii_russkogo_dvoryanstva_xviii_nachalo_xix_veka-211187.html

В этой связи необходимо подчеркнуть, что концептуальное методологическое поле исследования феномена города способствует расширению культурологического анализа, раскрывает особенности феномена города в контексте *исторического объекта и художественного образа*, обозначив его в *историческом (профанном) и метафизическом (сакральном) дискурсе*. В силу полифонического разнообразия особенностей и свойств феномена города (географической, ландшафтной (топонимической), исторической, символической, знаковой и др.), он рассматривался в различных срезах его существования и развития. Поэтому нами проанализированы многообразные исследовательские концепции и подходы в понимании феномена города, в связи с чем обосновывается необходимость его целостного анализа и концептуальной реконструкции.

В современных гуманитарных исследованиях город позиционируется как своеобразный *поликультурный* феномен, имеющий различные *семантические смыслы*: от теории территориальности до теории концепта города. «Полифоничность» города как феномена исследования можно сгруппировать следующим образом¹³⁷.

Феномен города как **«этнотерриториальная теория»**, Платон, Аристотель, И.М. Гревс, Г.М. Лаппо, Л.В.Каганский, Д.Н. Замятин; **город как политико-административный центр управления** (К. Бюхер, С. Стам, Г. Чайлд) **города-государства** (Ю.В. Андреев, Э. Кирстен); **опорный пункт, защитное сооружение - «бурговая теория»** - Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Е.В. Гутнова); **пространственная форма разделения труда** (К. Маркс, Ф.Энгельс, Э. Дюркгейм, В. Зомбарт; **пространство коммуникации**, - (М. Вебер, Л.Мэмфорд,

---

¹³⁷Сомлинсон предлагает более 15 типов определений его, известных в науке. Приведем несколько примеров: 1) город — поселение, в котором больше жителей, нежели в деревне; 2) город отличается от деревни большей плотностью населения; 3) основная функция города — распределение; 4) город служит центром путей сообщения; 5) город — центр потребления и т.д. Sjoberg G. The Origin and Evolution of Cities II Cities: their Origin, Growth and Human Impact / Introduction by K. Davis. San Francisco, 1973. P. 19-20

Л.В.Кошман А.А. Высоковский и др.);¹³⁸*фактор развития человеческой цивилизации* О. Шпенглер, Зиммель; *город как социокультурное пространство* А.А. Дрегалю, Н.В.Дулина, М.С., Каган Г.З., Каганов М.В. Корчинская М.Н. Межевич Э.В. Соколов В.И., Ульяновский, Т.И.Черняева; *город как единое социокультурное и темпоральное пространство* В.Л. Глазычев, А.Е. Левинтов, А.Э. Гутнов; *город как культурологический феномен* Н.П. Анцифиров, Н.С. Галушина, А.С. Степанова, Л.Е. Трушина, Л.Н. Евменова, И.Ю. Кудинова; *город как лингвокультурный и литературный концепт* (Белова Н.А).

В этой подборке парадигм различных исследований феномена города прослеживаются позиции, связанные с исследовательскими задачами анализа признаков, свойств города, его социокультурных особенностей, перспектив развития.

Цивилизационная культура и место города в ее развитии является основополагающей в работах Ж. Бодриара, М. Вебера, А. Тойнби, О. Шпенглера, которые не только описали проблему города, но и показали его роль в развитии и крушении современной цивилизации. «Закат Европы» О. Шпенглера и «Город» М. Вебера вышли почти одновременно в 20-е годы XX века. Несколько позднее вышли работы А. Тойнби, в том числе и «Постижение истории». В них поставлены вопросы взаимосвязи города и цивилизации, рассмотрены развитие и перспективы городской цивилизации. Существенный вклад в тему изучения городов внес французский философ и социолог Жан Бодриар. В его лекции, прочитанной во Французском Университетском Колледже при МГУ «Город и ненависть» (2006) рассматривались экологические проблемы, проводилась мысль о том, что город является фактором разрыва человека и естественной природы, что приводит к отчуждению человека от своего естества, и, как следствие, порождение ненависти и агрессии. Представляя город как кристаллизацию злой

---

¹³⁸ См.: Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен. Автореферат диссертации на соискание степени канд.филос.н. Мурманск, 2009. С.5.

воли, мыслитель утверждает, что мегаполисы губят естественность человека, приучают его жить в тепличной, искусственной атмосфере. Культура мимикрирует, превращается в производство отходов, *культурный симулякр*, ведь каждое новое культурное достижение порождает бесплодный продукт. В этом смысле цивилизация производит отходы не только материальные, но и интеллектуальные, строит города и мегаполисы как нецелесообразные, холостые механизмы. Идеи Бодриара созвучны размышлениям о мегаполисах, как высшего выражения цивилизационной культуры, американского писателя Генри Миллера, представившего мрачный образ мегаполиса Нью-Йорка, который Бодриар называл «идеальным эпицентром конца мира». К числу «апокалиптических» образов города, как апогея цивилизационной культуры, относятся работы русского исследователя Н.Н. Моисеева и религиозного философа П.А. Сорокина.

Значению города в культуре и цивилизации посвящены философские работы Шпенглера и Тойнби. По Шпенглеру, культура связана с историческим и социальным развитием человечества, цивилизация - это конечный этап развития культуры. Цивилизация обозначает конечный этап развития культуры.

В этом плане оппозиция мировые города (мегаполисы) и провинция – непеременимые признаки цивилизации. В мировых городах властвует масса, толпа, а культура, которая отличалась зрелостью и последовательностью, в условиях цивилизации нивелируется, подменяется культурой потребления, в основе которой - потворство инстинктам, стремление к комфорту.

В русской философии феномен города подвергся мощной критике Л.Н. Толстого, который обозначил его как фактор новой цивилизации, разрушающий естественную природу человека, уничтожающей моральные и эстетические принципы человеческой культуры.

Город как историко-топографический образ связан с именами П.Акройда, Л.Уорсли и Д. Джойса.

В 2000 году вышла книга П. Акройда «Лондон. Биография»¹³⁹. Хотя это чисто литературный, а не научный труд, в нем выдвигается концепция изучения города сквозь призму восприятия «визионеров» (visioners), то есть людей живших в Лондоне и хорошо знавших жизнь своего времени. В их число вошли самые выдающиеся представители своего времени Т. Мор, В. Шекспир, У. Блейк, Ч. Диккенс. О. Уайльд, Т.С. Элиот, через авторское «видение», образы, выстроенные в их произведениях, конституируется историко-топографические представления о Лондоне. В этом смысле, выдвигая новую концепцию «визионеров», П. Акرويد не отрицает концепцию Д.Джойса – «изучение города как тела».

В 2011 году вышла книга Л.Уорсли «If walls could talk» (перевод на русский осуществлен в 2016 году под названием «Английский дом»)¹⁴⁰. В ней представлено историческое формирование культуры городского быта в Англии и Западной Европы в целом. Представляет интерес монография «Город как социокультурное явление исторического процесса» М., «Наука», 1995., в котором проанализирован феномен города как исторический, культурологический, социальной, социологический, социально-психологический феномен.

Город как образ связан с исследованием К. Линча «Образ города», в котором он дал развернутую характеристику *формирования образа города и городской среды*, исходя из понимания города «не просто как «вещи в себе», но как города, воспринимаемого его обитателями»¹⁴¹.

Культурологический подход в исследовании *городского пространства* внесли большой вклад современные ученые В.Л. Глазычев, В.М. Долгий, А.Е. Левинтов, А.Э. Гутнов, Л.Б. Коган, М.С. Каган, А.Г. Левинсон, А.А. Сванидзе, Н.С. Галушкина, Б.В. Марков, В.Н. Топоров, А.С. Степанова.

¹³⁹ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007.

¹⁴⁰ Уорсли, Л. Английский дом. Интимная история [Текст]. – М.: Синбад, 2016.

¹⁴¹ Кевин Линч Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычева. [Электронный ресурс]: <http://www.glazyshev.ru/>

Так, еще в 1971 году В.М. Долгий и А.Г. Левинсон поставили вопрос о необходимости культурологического изучения города¹⁴².

Город как особое *место, формирующее психологию и образ жизни* (А.А. Гутнов и Л.Б. Коган) исследовали город как *этнос*, связанный с ценностными нравственно психологическими особенностями образа жизни и менталитета горожан, их норм и ценностей, влияющих на изменение города как *места* (планирование города, его управление)¹⁴³.

В.Л. Глазычев утверждал¹⁴⁴, в своей трилогии «Архитектура», «Урбанистика» и «Город без границ» (2010), что город и городскую среду необходимо рассматривать как единое целое, город связан с историей развития человечества, с историей развития цивилизации.

А.Е. Левинтов продолжил мысль Л.Б. Когана и А.Э. Гутнова о том, что в современных культурологических исследованиях недостаточно представлены общетеоретические и методологические подходы анализа феномена города, процессы урбанизации, определено, что данные проблемы являются элементами закономерного культурно- исторического процесса¹⁴⁵.

А.А. Сванидзе подчеркнул неразрывную связь общества с развитием городов, с развитием городской цивилизации¹⁴⁶.

В.Л. Глазычев, Л.А. Иванова, Ф.С. Файзуллин рассматривали городскую среду аналогично понятию «социальная среда», выделяя при этом не только социальный аспект развития города и городской среды¹⁴⁷.

---

¹⁴² Долгий, В.М., Левинсон, А.Г. Архаическая культура и город [Текст] / В.М. Долгий, А.Г. Левинсон // Вопросы философии. – 1971. - № 7. С.84-95.

¹⁴³ Коган, Л.Б. Города и люди [Текст] / Л.Б. Коган. – М.: Ладыя, 1993.

¹⁴⁴ Глазычев, В.Л. Городская среда. Технология развития [Текст] / В.Л. Глазычев. – М.: Ладыя, 1995

Глазычев, В.Л. Образы пространства: проблемы изучения [Текст] / В.Л. Глазычев. – М.: , 1978.

¹⁴⁵ Левинтов, А.Е. Городская цивилизация: методология, теория, практика [Текст] / А.Е. Левинтов. – М. 1991.

¹⁴⁶ Сванидзе, А.А. Город и цивилизация [Текст] / А.А. Сванидзе. – М.:, 1999.

¹⁴⁷ Глазычев В.Л. Городская среда. – М., 1995. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды/ сб.Эстетическая выразительность города.М.,Наука. 1995 Файзуллин Р.С. Социология города. – М., 1997. [электронный

О.Е. Трущенко, Л.М. Птицына считали, что изучение городской среды следует начинать с понимания особого менталитета горожан¹⁴⁸.

С.А. Хасиев подчеркнул связь между этапами развития города и формированием городской среды¹⁴⁹.

Н.С. Галушкина в своем исследовании «Город как объект культурологического значения» представила систематизированный обзор исследований по урбанистике и культурологии, определила систему историко-культурологических типов городов¹⁵⁰.

В своей работе автор проследила развитие российской научной школы культурологии города, проанализировала основные теоретико-методологические подходы культурологического образа города, выявила основные типы *культурно-исторических городов*. В исследовании Галушкиной Н.С. поставлена проблема *целостного* исследования феномена города, выделена проблема *городской среды*, рассмотрена идея значимости города как *архетипа*.

В работе Веселовой М.Н. «Исторический город как текст» рассматривается феномен исторического города на основе *артефактов исторических городов* Великого Новгорода, Пскова, Твери. В диссертационном исследовании подчеркивается необходимость исследования исторического города как культурного текста посредством семиотического анализа исторического (древнерусского) города с целью интерпретаций его различных воплощений, в мемориальных, архитектурных, художественных, этнографических археологических образах. Одним из выводов диссертационной работы является то, что исторический город представляет собой «особого рода текст со своим

ресурс] ике "Эстетическая выразительность города", Наука, М., 1986
http://www.glazusnev.ru/navigation&cities/1986_poetika.htm

¹⁴⁸Трущенко О.Е. Городская среда и образ жизни / Критика американских социологических концепций: Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. (09.00.03). – М., 1983.

¹⁴⁹Хасиев С.А. Архитектура городской среды: Учеб.для вузов – М.; Стройиздат, 2001.

¹⁵⁰Галушкина, Н.С. Город как объект культурологического значения [Текст]: автореф. дис... канд. культурологии / Н.С. Галушкина. – М., 1998.

синкретическим языком, знаковой системой, вариативной семантикой, постоянно пополняемой новыми смысловыми оттенками». ¹⁵¹ Исследование представляет ценность для нашей диссертационной работы, которая заключается в предпринятом автором *целостном анализе исторического города* материального артефакта (архитектура) и культурного текста, знака, смысла и культурного диалога. Это «позволяет реконструировать тексты прошлого, обладающие своей знаковой системой и вариативной семантикой, раскрыть их содержательную структуру и тем самым выстроить смысловое поле настоящего»¹⁵².

Городское пространство в социальном измерении. Эта проблема развита в трудах В.Л. Глазычева, Л.А. Ивановой, Ф.С. Файзуллина, которые рассматривали городскую среду аналогично понятию «социальная среда», выделяя при этом не только социальный аспект развития города и городской среды¹⁵³.

О.Е. Трущенко, Л.М. Птицына считали, что изучение городской среды следует начинать с понимания особого менталитета горожан¹⁵⁴.

С.А. Хасиев подчеркнул связь между этапами развития города и формированием городской среды¹⁵⁵.

---

¹⁵¹ См.:Веселова М.Н. Исторический город как текст русской культуры. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. культурологии. СПб.,2009// Электронная библиотека диссертаций www.dsliv.net.ru

¹⁵²Веселова М.Н. Исторический город как текст русской культуры. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. Культурологи. СПб.,2009. Электронная библиотека диссертаций www.dsliv.net.ru

¹⁵³Глазычев В.Л. Городская среда. – М., 1995. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды/ сб.Эстетическая выразительность города М.,Наука. 1995 Файзуллин Р.С. Социология города. – М., 1997. [электронный ресурс] http://www.glazusnev.ru/navigation&cities/1986_поэтика.нtm

ике "Эстетическая выразительность города", Наука, М., 1986

¹⁵⁴Трущенко О.Е. Городская среда и образ жизни / Критика американских социологических концепций: Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. – М., 1983.

¹⁵⁵Хасиев С.А. Архитектура городской среды: Учеб.для вузов – М.; Стройиздат, 2001.

Городская культура как целостная модель исследована в диссертации Гришанина Н.В. «Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры» рассмотрел теоретические аспекты структурно-семиотической модели городской культуры, выделив ключевые семиотические понятия - «текст», «символ», «миф» городской культуры¹⁵⁶.

Социокультурная модель феномена города представлена в диссертационном исследовании Паламарчук М. Л. «Город как социокультурный феномен», в котором автор определяет социокультурные истоки феномена города, сущностные черты развития современного города, выделена идея диалоговой функции современного города как сферы информационного пространства в системе информационного общества¹⁵⁷.

В исследовании Ширибон Е.В. «Информационное пространство города (на примере Улан-Удэ)» показана *роль информации как культурного идиалогического потенциала города*, подчеркнуто, что в современной культуре города, городской среды информационное пространство является фактором выстраивания городского единства и ментальности, что обусловлено знанием культурной задача выстраивания пространства инфраструктуры, «языков города и умения их согласовывать»¹⁵⁸. В статье «Реклама в информационной культуре города» Е.В. Ширибон рассматривает роль рекламы и рекламных технологий в «воспроизводстве смыслов, в формировании собственного языка и кодов» городского пространства¹⁵⁹.

---

¹⁵⁶Гришанин Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры диссертация ... кандидата культурологии : 24.00.01.- Санкт-Петербург, 2007.

¹⁵⁷Паламарчук М. Л. Город как социокультурный феномен Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук Архангельск 2009.

¹⁵⁸Ширибон Е.В. Информационное пространство города (на примере Улан-Удэ)//Электронный ресурс: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-vuryatskogo-gosudarstvennogo-universiteta>

¹⁵⁹ Ширибон Е.В.Реклама в информационной культуре города//Материалы конференции «Феноменология социальных трансформаций: Электронный ресурс: http://fst.myl.ru/load/materialy_konferencij/reklama_v_informacionnoj_kulture_goroda/1-1-0-31.

Статья «Город как средоточие коммуникаций» (Волчкова И.М. Лазарева Э.А.) интересна тем, что авторы предлагают рассмотреть «феномен «Город» *как концепт*, используя филологический подход к проблеме, что «дает возможность на основе учета лингво-прагматических установок объединить в одно целое исследования разных научных областей»¹⁶⁰.

Локальные топосы в художественной символике города представлены в диссертационном исследовании Никифоровой Л.В. «Дворец в истории русской художественной культуры» проблема города рассматривается через *топос дворца* как *символа власти* в художественном выражении «политического опыта культуры России» на культурологическом анализе художественной символики различных дворцов как архитектурных памятников. В работе дано «обоснование содержательно-смысловой целостности дворца- произведения искусства, как топоса власти, потенциально содержащего в себе все многообразие форм репрезентации власти, ориентированной на язык европейской культуры»¹⁶¹.

Город как образ

Метафизические истоки и художественная символика формирования образа города Санкт-Петербурга представлена в статье Смирновой Т.Ю. «Метафизика города как текст»¹⁶², архитектурные конструкции которого основаны на архетипическом образе.

Театральность в образах городов Венеции, Флоренции и Санкт-Петербурга проанализирована в исследовании С.Турома «Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления».

¹⁶⁰ Волчкова И.М. Лазарева Э.А. Город как средоточие коммуникаций///Электронный ресурс: <http://www.raasn.ru/academia.htm> ARCHITECTURE/

¹⁶¹ Никифорова Л.В. Дворец в истории русской художественной культуры. Автореф. на соискание уч. ст. доктора культурологии// Электронный ресурс: www/disser.ru

¹⁶² Смирнова Т. Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый. — 2009. — №11. — С. 342-344.

Город как текст культуры представлен в исследовании *Е.Г.Бураго* Семиотика города: Киев как текст культуры¹⁶³, рассматривается образ города Киева как «вечного города», как этоса национальной культуры на материалах художественных произведений и семиотики города Киева; *Трифоновой И.О* «Город как сакральное пространство»¹⁶⁴, в котором на анализе семиотики городского пространства, показана сакральная роль храмов как центра города и защитной, оградительной надвратной храмовой символики.

Анализ исследований, связанных с проблемой феномена города, позволил выделить общую парадигму, которая объединяет их культурологическую, филологическую и социологическую направленность. Методологическое основание данных исследований, в основном, базируется на классических трудах Зиммеля, М.М. Бахтина, Ю.М., Лотмана, В.И. Топорова.

В то же самое время прослеживается развитие научной проблемы города как феномена культуры, связанных, в основном, с исследованиями филологической и культурологической научных школ. Остается проблематичной идея города как *информационного центра*, центра информационной культуры, сакральности и культурной виртуализации современного городского пространства.

Недостаточно исследована проблема *концепта* города, хотя во многих исследованиях прослеживается мысль о необходимости *целостности* феномена города, а также в рамках концепта идея со-бытийности (М.М.Бахтин) в построении образа города и т.д.

---

¹⁶³ Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры. Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры//Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика, 2016, № 2.

¹⁶⁴ Трифонова И.О. Город как сакральное пространство// Электронный ресурс:<http://medievalrus.narod.ru> («Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая»).

В отличие **концепт «город»** имеет сложное философско-метафизическое, культурологическое, лингвистическое и конкретно историческое наполнение.¹⁶⁵ Концепт объединяет смысловое и материальное поле феномена.

---

¹⁶⁵ Подробнее об этом см.: Город как социокультурное явление исторического процесса. -М.: Наука,1995. Содержания понятия социокультурный феномен, по определению П. Сорокина – это те культурные ценности и связи, на которые ориентируется общество и индивидуум, они заложены не только в культуре в ее материальном выражении, но и в общественном сознании, подчеркивая тем самым взаимосвязь трех составляющих «бесшовного соединения» (Ф. Тенбрук): общества, культуры, индивида.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ:

1. В данной главе город рассмотрен как понятие в его историческом, феноменологическом, культурологическом исследовании, в связи с чем представлены его различные модели, выявлен социокультурный смысл.

2. Обоснована *метафизическая сущность* города. Она рассматривается как «явленность» семиотического пространства: город как *сущее действителен* и обозначен временными рамками, город как *бытие – метафизически сокрыт и является как реальность в символике пространства наполненного смыслами, знаками и символами*.

3. Обозначен *социокультурный смысл города* как его со-бытийность, как диалогичность культур и смыслов.

4. Выделена семиотика *культурологического портрета* города как текста, в котором город рассматривается как сакральное семиотическое пространство, имеющее скрытый, сакральный смысл.

5. Предпринят культурно-философский анализ феномена города в дискурсе словесной культуры, в связи с чем представлены теоретические модели концепта в истории философии и культуры (Ж. Делез, М.М. Бахтин, Ю.А. Степанов). Определена роль концепта как смысловой константы феномена города в словесной культуре. Выявлена структура концепта, ее основные элементы (событие, хронотоп, темпоральность, культурологический портрет).

6. Представлены философско-методологические и культурно-исторические обоснования концепта как понятия (П.Абеляр, И. Кант, Ж. Делез, Гватарри Ф, М. М.Бахтин, М. Хайдеггер, В.Бибихин, М.И. Библер, В. Подорога).

7. Исследованы основные положения теории и истории культуры в трудах Ю.М. Лотмана. Выделены понятия семиосферы и семиотики культуры применительно к исследованию феномена города в образах словесной культуры. Рассмотрены теоретико-философские проблемы культуры в контексте понятий

времени, пространства, темпоральности (М. Хайдеггер, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман). Выделены понятия профанный хронотоп, сакральный хронотоп, определено их значение в исследовании феномена города в образах словесной культуры.

8. Обоснована методология культурологического портрета города в исследовании феномена города в образах словесной культуры.

9. Рассмотрены основные направления исследований феномена города в различных областях гуманитарного знания: социологии, теории и истории культуры, философии культуры, культурной лингвистики и др.

ГЛАВА 2. ХРОНОТОП ФЕНОМЕНА ГОРОДА В ОБРАЗАХ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

2.1. Город как историко-культурный феномен: Москва и Петербург как центры культурного поворота

Цель параграфа: Проанализировать город как феномен, как центр культурного поворота в истории российского государства в контексте культурно-исторического анализа исторического и художественного образов словесной культуры, обозначив их культурный смысл и жанровые особенности. Раскрыть понятие хронотоп города в образах словесной культуры.

Задачи:

1. Анализ истории развития города в трудах В.А. Глазычева;
2. Анализ петровской эпохи в работе Ю.М. Лотмана «Беседы о русской культуре»;
3. Специфика изображения города в документальном и художественных жанрах словесной культуры.

Понятие хронотопа

В данной главе на основе целостного культурологического анализа представлены города Москва и Петербург – как центры (места) *культурного поворота* российской истории в ее различные периоды.

Город в словесной культуре отображается как *историческая реальность*, в художественной культуре – как *художественный образ*, символизирующий в своих пространственных формах символику времени. В данной главе будет дан целостный культурно-исторический анализ города (Москва и Петербург) в его исторической ретроспективе, связанной с кризисными, революционными историческими событиями и художественным отображением города в художественных текстах.

Целостный анализ города как пространственно-временного понятия и художественного образа связаны с необходимостью рассмотрения хронотопа как методологической основы данного анализа.

Неразрывность пространственно-временной характеристик города в различных текстах словесной культуры исторического и художественного повествования раскрывает взаимосвязь исторического факта и образного его выражения.

Исторические факты есть отражение социального времени, эстетический образ – воплощение пространственно-временных черт и особенностей истории в художественном произведении. Историческое и художественное изображение феномена города, таким образом, конкретизирует, и одновременно художественно отображает историческое время в повседневной культуре в определенном пространстве.

Пространство города связано со временем, а в образах словесной культуры пространство и время сконцентрированы достаточно плотно. Единство пространственно-временных характеристик феномена города в различных жанрах словесной культуры концентрируется в *событии*, определяющим его культурный, исторический и эстетический смысл.

Целостный культурно-исторический анализ феномена города в образах словесной культуры обусловлен необходимостью введения хронотопа как методологического основания.

Хронотоп по мнению Ухтомского дает «возможность создания интегрированного образа мира позволяет не только выявить общие характеристики жизни и тенденции развития, но и понять человеческое измерение мира и исторического процесса в целом. При этом очевидной становится

ответственность каждого человека за то или иное формирование событийных «мировых линий»¹⁶⁶.

Город как объект исторической науки отражает факты социального времени. В хронотопе истории превалирует *социальное время*, которое связано с историческими преобразованиями общества, различается особенностями своей темпоральности, ритмами в зависимости от событий, имеющими революционное значение.

Город в художественной тексте, как художественный образ, представляет собой определенную *действительность* как ««место слияния пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом» (М.М. Бахтин). Здесь «время ...сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп»¹⁶⁷.

Таким образом, введение хронотопа как методологической основы нашего исследования дает возможность показать феномен города сквозь призму социального времени как среза культуры, отображенного в исторических событиях и художественных образах.

Исторические *события*, в рамках *социального времени*, имеют фрустрационный, кризисный характер для *города как места в пространстве*; их эстетическое отражение, взятые как единое целое, соединяют «живые и неизгладимые из бытия события; уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с

---

¹⁶⁶Цит. по кн.: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ (ФИЛОСОФИЯ НАУКИ) (2-е издание, переработанное и дополненное). 2011. Под редакцией проф. Ю.В. Крянева, проф. Л.Е. Моториной. [Электронный ресурс]: <http://knigi.news/filosofya-usnevnik/istoriya-filosofiya-nauki-filosofiya-nauki.html>

¹⁶⁷ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. С.235.

событиями данного мгновения, а через них — с событиями исчезающего вдали будущего»¹⁶⁸.

Эстетическая наполненность этих событий дополняют это единство эмоциональными переживаниями, связанными раскрытием его культурного смысла. Исходя из этого, феномен города обретает смысл, значение как центра исторических событий, повлиявших на развитие культуры или знаменующих его упадок, как символ с точки зрения его архитектурного или художественного образа, образующего эмоциональную сферу города, как архетипа имени, настроения, понимания ответственности, которое проходит, как отмечает Ухтомский, через «сердце, интуицию и совесть — самое дальнзоркое, что у нас есть».

По Бахтину хронотоп¹⁶⁹ «дает существенную почву для показа-изображения событий. И это именно благодаря особому сгущению и конкретизации примет времени — времени человеческой жизни, исторического времени — на определенных участках пространства. Это и создает возможность строить изображение событий в хронотопе (вокруг хронотопа)»¹⁷⁰.

---

¹⁶⁸Цит. по кн.: ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ (ФИЛОСОФИЯ НАУКИ) (2-е издание, переработанное и дополненное). 2011. Под редакцией проф. Ю.В. Крянева, проф. Л.Е. Моториной. Электронный ресурс: <http://knigi.news/filosofya-usnevnik/istoriya-filosofiya-nauki-filosofiya-nauki.html>.

¹⁶⁹«хронотоп» (от греч. *chronos* — время + *topos* — место), выражающее континуальное единство пространственно-временной размерности, связанной с культурно-историческим смыслом событий и явлений. ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ (ФИЛОСОФИЯ НАУКИ) (2-е издание, переработанное и дополненное). 2011. Под редакцией проф. Ю.В. Крянева, проф. Л.Е. Моториной. Электронный ресурс: <http://knigi.news/filosofya-usnevnik/istoriya-filosofiya-nauki-filosofiya-nauki.html>

¹⁷⁰ хронотоп - единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение опр. (культурного, худож.) смысла. Впервые термин Х. был использован в психологии Ухтомским. Широкое распространение в лит-ведении, а затем в эстетике получил благодаря трудам Бахтина. См.: Ирза Н.Д. Хронотоп// Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010. [Электронный ресурс] <http://ipnliv.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc2643a368caa9ea5d95c>

Хронотоп является *способом* раскрытия смысла: «вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопа»(Бахтин), которые объективируются только через пространственно-временное отображение¹⁷¹.

В нашем диссертационном исследовании мы рассматриваем город в образах словесной культуры в историческом и художественном текстах, что расширяет *объект* применения хронотопа. В этом плане история как фактор времени (хронос) и город в художественном образе этого времени (топос) представляют собой культуру определенного исторического периода, который придает объекту исследования новые смыслы.

Значение города в истории и в культуре раскрывается посредством анализа феноменологии города, то есть рассмотрения элементов городского пространства в его темпоральности, анализе событий, которые повлияли на цивилизационное развитие общества. В диссертационном исследовании раскрытие феноменологии городов Киева, Москвы, Петербурга как точек *культурной фрустрации*, выраженных в различных жанрах и образах словесной культуры, дает возможность показать *феномен городов* в контексте ***исторического культурного события***.

Именно поэтому мы рассматриваем развитие этих городов в исторические периоды ***кризиса, революционного перелома***: древнерусский город (Киев) в период перехода от язычества к христианству как идеологической основы русской государственности: Москва как столица государственной державности в допетровский, дореформаторский период, Петербург – столица в эпоху созидания и культурного поворота. Эти же города (Москва и Петербург), их значение обозначены в нашем исследовании в период предреволюционной эпохи 1917 года.

Послереволюционный период представлен в художественных образах города (столиц) в период сталинских репрессий.

---

¹⁷¹ Ирза Н.Д. Хронотоп// Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010. Электронный ресурс:

Особенность исторического времени в контексте хронотопа выявляет характеристики городского пространства в смысловом и образном прочтении художественных произведений.

Культурное событие вписано в текст культуры, а «культура, прежде всего, — *понятие коллективное*. Отдельный человек может быть носителем культуры, может активно участвовать в ее развитии, тем не менее, по своей природе культура, как и язык, — явление общественное, то есть социальное»¹⁷². Социальный фактор культуры дает возможность показать влияние культурного развития городов на формирование типа личности, ее мировоззрения, характера и т.д.

Город очень часто является тем *местом*, пространством, где и происходит *событие*, которое оказывает влияние не только на культурное развитие города или страны, но и на развитие цивилизации в целом. В нашем исследовании такие центры как города Москва и Петербург оказались той культурной точкой, которая изменила направленность цивилизационного процесса. В данном параграфе мы проанализируем историческое развитие центральных городов Москвы и Петербурга, обозначив те *культурные повороты*, которые способствовали историческим изменениям в развитии России.

Города в России исторически возникают как *центры* политической власти и торговли. В древности пространство, заселенное славянами, имело название «гардарик», «гардов», то есть означало не город, а «усадьба». (В.Л. Глазычев).

Киев, Москва, Петербург – три города, неразрывно связанные с историей нашей страны. К ним следует прибавить и Новгород Великий или, как его называли, «господин Великий Новгород», основанный выходцем из южной Дании князем Рюриком. Он был приглашен славянами – жителями Ладоги со словами:

---

¹⁷² Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). Введение. Быт и культура. [Электронный ресурс]: http://bookscafe.net/read/lotman_yuriy-vesedy_o_russkoy_kulture_vyt_i_tradicii_russkogo_dvoryanstva_xviii_naschalo_xix_veka-211187.html

«Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет. Приходи и владей нами». Эта фраза, которая больше тысячи лет довлела над умами россиян, кажется нам весьма сомнительной, ибо в те далекие времена был обычай приглашать князя на «владение», как в настоящее время приглашают «внешнего управляющего», с которым заключают контракт «на управление». Кстати, эта ложно понятая фраза, дала основание западным историографам перевести слово «славяне» как «рабы» (от латинского «slave»), а не «славный», как считал Н.М. Карамзин.

Дружина Рюрика состояла из «варягов», или «викингов». Норманны – «люди севера», варяги или викинги - социальная общность, связанная общим ремеслом – грабить и убивать. Русы, или руссы, – название северного племени варягов. Даны – жители Скандинавии. Кстати, по внешнему виду славяне очень напоминали варягов – такие же рослые, светловолосые, с голубыми глазами.

В «Повести временных лет» так говорится о призвании варягов на княжество: «Поищем себе князя, который управлял бы нами и судил по праву. И пошли искать к варягам, к Руси, ибо так звались те варяги – русь, как другие зовутся шведы, иные же норманны, англы, другие готы, эти же – так»¹⁷³.

Утвердившись в Новгороде, Рюрик распространяет свое влияние на юг. По легенде, летописца Нестора в «Повести временных лет», место для основания Киева выбрал сам Андрей Первозванный. Дойдя до гор на берегу Борисфена-Днепра, он сказал сопровождавшим его ученикам: «Видите ли горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия»¹⁷⁴ Как и предсказывал апостол Андрей, на этом самом месте князь Кий и основал город.

В 879 году Рюрик умер, и его место князь Олег, который был вынужден оставить Новгород, взяв с собой сына Рюрика Игоря и отправиться в Киев, где он обманом захватил власть в городе. После этого в Киеве утвердилась целая династия Рюриковичей – Игорь, Святослав, Владимир, Ярослав, – вписавшая не одну славную строку в историю славян.

¹⁷³ Повесть временных лет. – Арзамас: АГПИ, 1994. С.49.

¹⁷⁴ Повесть временных лет. – Арзамас: АГПИ, 1994. С.45.

С принятием христианства Киев сыграл особую роль в объединении славян и превращении их в единый народ. Киевская Русь времен князя Владимира представляла мощное государство со своими геополитическими особенностями. Оно лежало на пути «из варяг в греки» и испытывало сильнейшее влияние и тех, и других. Владимир был язычник. Его дружина, - «ближний круг», была весьма пестрой по этническому составу. Основу ее составляли викинги. В свою очередь, викинги, как уже было отмечено, представляли не народность, а социальную общность, объединенную общим ремеслом и образом жизни. Это были выходцы из разных народов и племен, в основном из Скандинавии. Их основное занятие была война и грабительские набеги на соседей. Недаром их называли «бич Божий». Викинги были и варяги, и русы, и даны, и северные славяне. На своих лодьях - драккарах они прошли через всю Европу до Константинополя и наводили ужас на все народы, включая бриттов и франков, захватили Лондон и Париж. Они почитали разных богов: от Одина и Тора до Перуна, Велеса и Сварога.

В поисках объединения племен и создания государства была необходима новая вера, новая система ценностей, новое вероисповедание, новые религиозные культы, поэтому «ошибка в выборе веры грозила гражданской войной и полным развалом государства – пострашнее развала общества в Хазарии»¹⁷⁵.

Выбор православной христианской веры был продуманным и верным решением, ведь именно «с крещения исчезает племенное различие между степняками и киевлянами, ибо в то время вопрос, какой ты веры, означал – и кто ты, и с кем ты?»¹⁷⁶. Христианство сплачивало многочисленные славянские племена древлян, полян, кривичей, радимичей, дреговичей с финно-угорскими племенами - меря, морома, вятичами и степными народами – половцами и печенегами, восточными тюрками и хазарами. Новая религия несла и новую

---

¹⁷⁵ Алмазов Б.А. Илья-богатырь: роман-реконструкция. – СПб.: Изд-во «Русская военная энциклопедия», 2005. С.18.

¹⁷⁶ Алмазов Б.А. Илья-богатырь: роман-реконструкция. – СПб.: Изд-во «Русская военная энциклопедия», 2005. С.129.

мораль, основанную на любви к ближнему, а не на ненависти и вражде к «иному – чужому», создавая новое государство с единой верой и верховной властью – Русь.

Таким образом, новое христианское государство представляло культурную ветвь христианской цивилизации, утрачивало воинственные цели по отношению к единоверцам, особенно ярко собой проявившую себя при первых русских князьях Олеге, Игоре и Святославе, которые отличались особой воинственностью и кровожадностью. Н.М. Карамзин в «Истории государства российского» описывает грабительские походы на Константинополь, рисуя с исторической достоверностью варварский характер этих событий: «Они плавали в крови несчастных, терзали пленников, бросали живых и мертвых в море. Так некогда поступали гунны и народы германские в областях империи, так, в сие же самое время, норманны, единоплеменники Олеговы свирепствовали в Западной Европе». Таким образом, война как *историческое событие* по цивилизационным правилам ведения военных действий «дает право ныне убивать неприятелей вооруженных», в период же языческой культуры, «была она правом злодействовать в земле их и хвалиться злодеяниями»¹⁷⁷.

Принятие христианства было крупным *политическим и культурным событием*, обозначившим переход разрозненных княжеств в коллективное государственное объединение, что представляло собой начало государственности. Создание государственности представляет собой объединение княжеств, земель, то есть расширение пространства государства. Исторические факты свидетельствуют о том, что пространство было занято княжескими «усадьбами», расположенными между необъятных лесов, которые служили средством пропитания и торговли: здесь добывалась пушнина, а близлежащие поля с подсечным земледелием служили средством для сельскохозяйственных работ. Торговый путь «из варяг в греки» сформировал цепь городов-крепостей, контролирующих поставки главного богатства Руси – пушнины в Византию и

---

¹⁷⁷ Карамзин Н.М. История государства российского . – М.: Эксмо, 2002.С.48.

Персию. Это обстоятельство способствует возникновению городов Псков и Тверь. Крупные города, кроме Киева и Новгорода, зафиксированы не были.

Приняв христианскую веру, князь Владимир из свирепого язычника превратился в добродетельного мужа и мудрого правителя. Мудрость отца перешла к сыну Ярославу, получившему прозвание Мудрый и значительно укрепившему русское государство, продолжив созидательную политику своего отца - князя Владимира, что проявилось изменении геополитического положения Руси.

Земледельчество, не нарушаемое набегами половцев и прочих «степняков», в отличие от киевских и черниговских земель, приводит к возникновению Владимиро-Суздальского княжества, обеспечивавшего поставки хлеба. Новгород, как достаточно значимый город, мог стать столицей Руси, но внутренние распри боярской республики не позволили это сделать. Матерью городов русских» был Киев, который блистал на протяжении IX-XI веков в созвездии русских городов. Но в XII веке с нашествием татаро-монголов Киев перестает быть столицей, уступая место Москве.

Москва была образована на месте села Кучково и получила название от реки Москвы. Происхождение этого слова явно не славянское, финно-угорское. Как указывается в «Неофициальной истории России», «ва» – означает «вода», а «Моск» – требует уточнения. По мнению ряда ученых, «Москва» означает «топкая, болотистая, мокрая».

Первое упоминание о Москве мы находим в Ипатьевской летописи в связи с тем, что шестой сын Владимира Мономаха Юрий Долгорукий призвал в свою вотчину Москву своего союзника князя Святослава и дал в его честь 28 марта 1147 года «обед силен»¹⁷⁸. «Само слово «город», или «град», означало в Древней Руси «прочно огороженное, укрепленное место, военное поселение». В центре города строилась цитадель – детинец, с середины XIV века называемый Кремлем.

---

¹⁷⁸ Неофициальная история России. – М.: Олма, 2006. С.39.

Такой «детинец», превращающий село в город, и был заложен над Москвой-рекой, на одном из семи холмов – Боровицком, где стоял густой сосновый бор»¹⁷⁹.

После 1453 года Москва стала центром не только русских земель, но и всего православного мира. Это историческое событие получает особый смысл после брака Ивана III с греческой царевной Софьей, что имеет серьезные политические последствия особенно в связи с захватом турками Константинополя – Царьграда. Рим был под властью католической церкви. Единственной православной столицей оставалась Москва, поскольку Киев после разорения его татаро-монголами утратил свое значение как христианского центра, к тому времени он находился под властью Речи Посполитой. В конце концов, после 1453 года Москва становится центром не только русских земель, но и всего православного мира. После брака Ивана III с греческой царевной Софьей к этому явились серьезные предпосылки. В это время внешняя геополитическая ситуация сложилась таким образом: Константинополь-Царьград был захвачен турками, а Рим - под властью католической церкви. Единственной православной столицей оставалась Москва, поскольку Киев после разорения его татаро-монголами утратил свое значение как христианского центра, к тому же он находился под властью Речи Посполитой.

В этой политической обстановке рождается идея «Москва- третий Рим». Об этом свидетельствует обширная переписка инок Псковского Елезаровского монастыря Филофея с жившим в Пскове царским дьяком Михаилом Мунехиным. В своем третьем послании, написанном в 1523 году, которое было передано государю московскому Ивану III, он обосновал свою концепцию превращения Москвы в Третий Рим: «Все христианские царства пришли к концу, и сошлись в едином царстве нашего государя, согласно пророческим книгам, и это – Российское царство; ибо два Рима пали, а третий стоит, а четвертому не бывать. Христианские царства затоплены неверными, и только одного государя нашего царство одно благодатью Христовой стоит»¹⁸⁰.

---

¹⁷⁹ Неофициальная история России. – М.: Олма, 2006. С.47.

¹⁸⁰ Неофициальная история России. – М.: Олма, 2006. С.84.

В определенном смысле слова идея монаха Филофея явилась историческим событием, стала частью *национальной идеи* молодой государственности, надолго определившей систему ценностей государственной политики России.

Историческому событию - организации Московского княжества в православное царство способствовало в 1454 году принятие московским княжеством *символики государственного герба Византии* – двуглавого орла, что означало преемственность религиозного и политического курса Москвы. Это событие было скреплено брачными узами: в 1472 племянница последнего византийского императора выходит замуж за московского Великого князя. Вслед за этим в 1497 году утверждается герб Москвы – Георгий Победоносец на груди двуглавого орла.

В 1495 году завершается строительство московского Кремля как цитадели государственности, в 1547 году происходит знаменательное событие – венчание на царство Ивана Грозного. В 1589 году Русь обретает своего Патриарха. Таким образом, Москва получила все права быть *объединительницей* не только всех русских земель, но и всех православных славян.

Попытки объединить все православные народы вокруг Москвы предпринимались неоднократно, но как-то не очень настойчиво. При Иване Грозном Русь едва преодолела раздробленность и боярскую вольницу. К тому же, молодой царь Иван был вынужден вести тяжелую борьбу с Казанским ханством, отражая исламскую экспансию. После смерти Ивана IV последовала смута.

Тем не менее, утвердилось мнение всего православного мира, что Москва – центр истинной веры и средоточие суверенной политики. Постепенно Москва сосредоточила в своих руках власть, используя право собирать дань для Золотой Орды.

В результате Москва город, объединившим не только все русские земли, *символом* объединения православных народов.

В глазах славян и всего православного мира, город Москва всегда была центром истинной веры и средоточием суверенной политики¹⁸¹.

Победа на Куликовом поле была победой политической, лишь над одним из «темников» - Мамаем.

Разгром Казанского и Астраханского ханств не только отодвинул угрозу исламской экспансии, но и присоединил к московскому государству обширные земли. Развитию городов, таких как «гарнизонные города» – Ливны, Курск, Царицын, Саратов, способствовало бегство крестьян от всякой власти, что происходило в двух направлениях: на Север и на Юг. Часть бежавших крестьян, стали казаками, они участвовали в покорении новых земель и охраняли границы. Так, возникают Тюмень, Тобольск, Березов, Сургут.

Завоевание Крыма привело к образованию трех новых губерний: Таврической, Херсонской и Екатеринославской. Стремление России продвигаться в Среднюю Азию привело к возникновению Оренбурга, как одного из форпостов империи. Раздел Польши расширил границы России, добавив ряд новых губерний. Но из многочисленных русских городов лишь Петербург и Одесса – строились и развивались по европейскому образцу. Вокруг крупнейших городов бурно развивалось дачное строительство.

Правление Петра Первого изменило геополитические, религиозные предпочтения и цели российского государства. «Петр Великий, - пишет в этой связи П.Я. Чаадаев, - «нашел у себя дома только лист белой бумаги и сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу»¹⁸².

Лотман Ю.М. так оценивал эпоху реформ Петра Первого: «XVIII век в истории русской культуры начинается Петровской эпохой. Лев Толстой в письме

---

¹⁸¹ Эти события означают, что говорить о развитии византийской идеи после падения Константинополя невозможно без точного понимания того, что отныне византизм стал государственной идеологией Московской Руси, оправдывающей ее внешнюю и внутреннюю политику». См.: Малер А.М. Духовная миссия третьего Рима. – М.: Вече, 2005. С. 136.

¹⁸² Чаадаев П.Я. Сочинения. – М.: Республика, 1989. С.14.

А. А. Толстой утверждал, что, «распутывая поток» исторических событий, он нашел именно в этой эпохе «начало всего»¹⁸³.

Безусловно, культурное значение эпохи базируется на личности, на ее вкладе изменения культурного текста, культурного поворота. Здесь немаловажную роль играет личность Петра Первого и поколения «птенцов гнезда Петрова». В этом смысле «личный труд Петра не был забавой, странной причудой — это была программа, утверждение равенства всех в службе. Государственная служба приобретала для Петра почти религиозное значение грандиозной, непрерывной литургии в храме Государства. Работа была его молитвой»¹⁸⁴.

Энтузиазм Петра Первого в создании новой державности, государства нового типа рождает новый культурный тип личности, отмеченной «одной общей чертой устремленностью к особому индивидуальному пути, специфическому личному поведению... ими руководит желание стать частью какого-либо единства, сделать его законы своими собственными правилами». Для них «характерны попытки найти свою судьбу, выйти из строя, реализовать свою собственную личность. Такая устремленность будет психологически обосновывать многообразие способов поведения. Желание совершить неслыханное оказывается порой сильнее религиозно-этических стимулов: оно будет толкать и к героическому поступку»¹⁸⁵. В то же самое время государство как образец регулярности в исполнении государственных установлений, проектировало свои цели и задачи на линию жизни и поведения общества.

С решительным поворотом политики Петра Первого к западноевропейской культуре, связано возникновение Санкт-Петербурга как столицы, символа

---

¹⁸³Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русской дворянства конца XVIII –XIX вв. Электронный ресурс: http://www.gumer.info/vivliotek_Vuks/History/Lotman/

¹⁸⁴Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русской дворянства конца XVIII –XIX вв. Электронный ресурс: http://www.gumer.info/vivliotek_Vuks/History/Lotman/

¹⁸⁵Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русской дворянства конца XVIII –XIX вв. Электронный ресурс: http://www.gumer.info/vivliotek_Vuks/History/Lotman/

великодержавной императорской власти. После взятия у шведов невского устья Петр выбрал место для будущей столицы, чрезвычайно удобное с геополитической точки зрения и чрезвычайно неудобное в градостроительном смысле для строительства нового города – топкие, изрезанные протоками берега Невы. Об этом событии с горечью пишет в своей книге «Петербург и Москва» славянофил И.С. Аксаков: «С Петра начинается Санкт-Петербургский период русской истории, в котором застаёт нас тысячелетие русского государства. Разрыв с народом, движение России по пути западной цивилизации под воздействием иного просветительского начала, измена прежним основам жизни, поклонение внешней силе, внешней правде; одним словом – вся ложь, все насилие дела Петрова, – вот чем окрещен был городок Петербурх при своем основании. Вот что легло во главу угла при созидании новой столицы»¹⁸⁶.

Противостояние двух столиц Москвы и Петербурга, местоположение которого означало гибельность («Петербургу пугу быть»), продолжается и в настоящем.

Москва в допетровский исторический период представляла собой типичный столичный город, предназначенный для обслуживания «государя». Городское пространство представляло собой концентрацию домов, улиц от Кремля, заселенные «челядь», боярские усадьбы. Стрельцы, живущие с семьями и занимающиеся хозяйственными делами и незаконной торговлей, постоянно служили объектом жалоб со стороны купцов и ремесленников.

Новая столица – Санкт-Петербург – превратилась в придворно-чиновный мир со своей иерархией. По мнению Ю.М. Лотмана «формы петербургской (а в каком-то смысле и всей русской городской) жизни создал Петр I. Идеалом его было, как он сам выражался, регулярное — правильное — государство, где вся жизнь регламентирована, подчинена правилам, выстроена с соблюдением геометрических пропорций, сведена к точным, однолинейным отношениям.

---

¹⁸⁶Аксаков И.С. Петербург и Москва [Электронный ресурс] / И.С. Аксаков. – Режим доступа: dugward.ru/library/aksakovy/iaksakov.

Проспекты прямые, дворцы возведены по официально утвержденным проектам, все выверено и логически обосновано. Петербург пробуждался по барабану: по этому знаку солдаты приступали к учениям, чиновники бежали в департаменты»¹⁸⁷. Таким образом, место-пространство города символизировало не только новый государственный уклад, но и образ жизни.

Москва в культурном контексте, в отличие от Петербурга, характеризовалась, одной стороны, приверженностью к патриархальным традициям, с другой - к университетской образованности. Манифест о вольности дворянства изменил традиционные привычки москвичей: летом Москва пустела и наполнялась энергией светской жизни зимой, когда из многочисленных дворянских усадеб съезжалась светское общество, «знать», элита. Положение кардинально изменилось после отмены крепостного права и обнищания дворянских усадеб, лишенных дармовых крепостных рук. В Москву стали переезжать помещики с крупными деньгами, полученными за землю, что привело к быстрому развитию торговли, индустрии развлечений, в том числе театров и ресторанного дела.

Нечто подобное происходит и в других крупных городах.

Мозаичная структура города с разбросанными дворянскими усадьбами и многочисленными бедными домишками уступает место новому городу с деловым центром и фабричными районами трех типов: один с малоэтажными домами в окружении садов, другой – по примеру стрелецких поселений – с прямыми улицами и доходными домами с семейными квартирами, третий, созданный по типу московской Хитровки – района, заселенного люмпенами и другим асоциальным элементом. Место-пространство Москвы отвечает образу жизни этого города.

Освоению новых земель и городов, в частности на Алтае, в Приморье и в Южной Сибири, способствовала Столыпинская реформа, в результате которой

---

¹⁸⁷Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русской дворянства конца XVIII –XIX вв. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/History/Lotman/

произошел «раскол» крестьянской общины. Столыпинские реформы привели к возникновению крупных «хуторских» или «кулацких» хозяйств. Развитию городов в XIX –XX вв. способствовало развитие капиталистического производства, рост промышленности, развитие промышленной инфраструктуры. В 1918 году Москва стала столицей советского государства.

Образ города в художественном произведении многозначен и не сосредоточен только на художественном описании городского пространства. Художественный образ города – это и определенные исторические и житейские события, в которые вовлечены герои повествования, и временная, историческая обусловленность происходящего и повседневная жизнь, разворачивающаяся в недрах городских улиц, площадей, домов и квартир. Образ города художественного произведения – это культурный текст, представляющий собой целостность культурного события (политической эпохи), восприятие этого события автором и концентрация материальных фактур (вещей, символики городского пространства, природного ландшафта и т.д.) вокруг этого события. Художественный образ высвечивает образ жизни, стиль и настроение

Именно такой целостный образ Москвы запечатлен в романе А. Толстого «Петр Первый». Ее изображение дается в нескольких планах: как первопрестольный град, как средоточие боярской власти в противовес Немецкой слободе с ее духом рациональной целесообразности, свободы, трудовой и творческой повседневности. Очевидно, что в Москве молодой царь Петр хочет, но не может «расправить крылья» под звон «сорока сороков» и неусыпным взором Патриарха и Боярской Думы.

Москва-столица, впечатляет крепостных крестьян, впервые приехавших в столицу, шумом, толкотней, людскою массой: «Гогот, хохот. свист... Переехали мост через Яузу, где на крутом берегу вертелись сотни небольших мельниц. Рысью вслед за санями и обозами проехали по площади вдоль белооблезлой стены с квадратными башнями и пушками меж зубцов. В Мясницких низеньких воротах – крик, ругань, давка, – каждому надобно проскочить первому, бьются

кулаками, летят шапки, трещат сани, лошади лезут на дыбы. Над воротами теплится неугасимая лампада перед темным ликом»¹⁸⁸.

Москва предстает перед деревенским жителем как *образ ада*, грязного и хаотичного, грубого и жестокого. Здесь «народ валом валил вдоль узкой навозной улицы. Из дощатых лавчонок перегибались, кричали купчишки, ловили за полы, с прохожих рвали шапки, – зазывали к себе. За высокими заборами каменные избы, красные, серебряные крутые крыши, пестрые церковные маковки. Церквей тысячи. И большие пятиглавые, и маленькие – на перекрестках – чуть в дверь человеку войти, а внутри десятерым не повернуться. В раскрытых притворах жаркие огоньки свечей. Заснувшие на коленях старухи. Косматые, страшные нищие трясут лохмотьями, хватают за ноги, гнусава, заголяют тело в крови и дряни... Проходим в нос безместные страшноглазые попы суют калач, кричат: «Купец, идем служить, а то – калач закушу... Тучи галок над церквушками...». Для деревенского жителя, неповоротливого и ошалевшего поговорки - «Москва бьет с носка» и «Москва слезам не верит» стали вполне ощутимыми: «Алешку исхлестали кнутами, потерял шапку, - как только жив остался! Выехали на Мясницкую... Вытирая кровь с носа, он глядел по сторонам: ох, ты!»¹⁸⁹. А Москва пошла кружить по улицам, мимо высоких и узких, в два жилья, бревенчатых изб. Везде – кучи золы, падаль, битые горшки, сплошное тряпье – все выкидывалось на улицу»¹⁹⁰.

В этой столице «все не свято», и «страшноглазые попы» вполне соответствуют и кучам золы на улицах, и купчишкам, ловящим покупателей за полы, и нищим, протягивающим свои культи, и тучам галок, роем закрывающим небо. Образ Москвы как эсхатологический образ соответствует духу эпохи, заточенной в покоях умирающего царя, где сияют жарко горящие свечи и темные лики святых: «В низкой, жарко натопленной палате, лампы озаряли низкий свод и темную роспись на нем: райских птиц, завитки трав. Под темными ликами

¹⁸⁸ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.31.

¹⁸⁹ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.33.

¹⁹⁰ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.32.

образов, на широкой лавке, уйдя хилым телом в лебяжьи перины, умирал царь Федор Алексеевич»¹⁹¹.

В этом образе – задан смысл всего романа о новой эпохи, эпохи Петра Первого, как *события смерти и наступления новой жизни*. Обозначен конец той эпохи, где «мужик с поротой задницей ковырял кое-как постылую землю. Посадский человек от нестерпимых даней и поборов был на холодном дворе. Стонало все мелкое купечество. Худел мелкопоместный дворянин. Истощалась земля... Торговлишка плохая. Своему много не продашь, свой – гол. За границу много не повезешь, – не на чем. Моря чужие. Все торги с заграницей прибрали к рукам иноземцы.... Что за Россия, заклятая страна, – когда же ты с места сдвинешься?»¹⁹².

В образе *города – ада* показана агония страны, погибающей от нищеты, которая ждала перемен. И перемены эти были связаны с именем нового царя. Дух упадка царит и в приказах, где решаются государственные дела: «В паникадилах горели свечи. Бояре сидели по скамьям... Легко стало боярам. Иные от облегчения пускали злого духа в шубу»¹⁹³. А решали они вопрос серьезный: где взять денег на новое войско для похода против Турции. «В этот день боярская Дума окончательно ничего не приговорила...», – пишет Толстой¹⁹⁴. «В сводчатых палатах Дворцового приказа – жара, духота – топор вешай. За длинными столами писцы, свернув головы, свесив волосы на глаза, скрипят перьями. В чернилах – мухи. На губы, на мокрые носы липнут мухи. Дьяк наелся пирогов, сидит на лавке, в дремоте»¹⁹⁵. «Патриарха ввели под руки. Благословляя старую царицу с братом и бояр, сурово совал в губы костяшками схимничьей руки. Царя Петра все еще не было. Иоаким сел на жесткий стул с высокой спинкой и низко склонился – клубок закрыл ему лицо... Жар шел от синей муравленой печи, пахло ладаном и

¹⁹¹ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С. 33.

¹⁹² Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С. 62-63.

¹⁹³ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.113.

¹⁹⁴ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.114.

¹⁹⁵ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.85.

воском. Было первым и важнейшим делом – так сидеть в благолепном молчании, хранить чин и обычай. Об эту незыблемость пусть разбиваются людские волны – суета сует. Довольно искушений и новшеств. Оплот России здесь, – пусть победнее будем, да истинны... А в остальном бог поможет...»¹⁹⁶. Время в Москве как бы замерло в экзистенциальном ожидании конца.

Иное ощущение жизни в Кукуе, в Немецкой слободе. Здесь и водяная мельница, которая делает несколько дел сразу, и зрительная труба, через которую видишь и море, и горы, диковинный музыкальный ящик, и даже младенец в спирту. В немецкой слободе другое ощущение времени, что впечатляет юного Петра, это – время труда, творчества, перспективы.

Петербург выростал из Потешной крепости – Прешбурга. Построенный по планам Франца Лефорта и Симона Зоммера, он являл неприступную крепость. Недаром закладка Петербурга началась со строительства Петропавловской крепости. Да и строительство гвардии, взамен ненадежных стрельцов, началось с потешных полков – Преображенского и Семеновского.

Москва продолжала хранить верность старому укладу. «У Спасских ворот, в глубоком рву, где надо льдом торчали кое-где сгнившие сваи, Роман Борисович увидел десятка два саней, покрытых рогожками. Понуро стояли худые лошаденки. Мужик на откосе лениво выкапывал пешней примерзший труп стрельца. День был серый. Снег – серый. По Красной площади, по навозным ухабам, брели сермяжные люди, повесив голову. Часы на башне захрипели (а, бывало, били звонко). Скучно стало Роману Борисовичу. Возок проехал по ветхому мосту у Спасских ворот. В Кремле, как на базаре, ходили в шапках. У изгрызанной лошадьми коновязи стояли простые сани...»¹⁹⁷. Толстой несколько раз дает читателю описание Кремля. И каждый раз подчеркивает одну и ту же сцену: серые тучи и труп. «По крутому берегу Неглинной, по кучам золы и мусора они добрались до Иверского моста, перешли его. Рассвело. Над городом

¹⁹⁶ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С. 184-185.

¹⁹⁷ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.318.

волоклись серые тучи. Вдоль стен Кремля пролегал глубокий ров. Торчали кое-где гнилые сваи от снесенных недавно водяных мельниц. На берегу его стояли виселицы – по два столба с перекладиной. На одной висел длинный человек в лаптях, с закрученными назад локтями. Опущенное лицо его исклевано птицами»¹⁹⁸.

Это – образ городского центра, центра государственной и политической власти – символ этой власти – Кремль, с надвинувшимися на него серыми тучами и трупом отчетливо диктует наступление исторического события – конец патриархальной Руси – начало новой молодой России.

На Руси закладывалась новая социальная общность «птенцов гнезда Петрова». Эта общность складывалась из людей дерзких, смелых, предприимчивых. Из людей, так необходимых новой России. А таким людям была нужна и новая столица.

Пушкин с детальной точностью рисует открывающийся перед Петром пейзаж. Действительно, в устье Невы были лишь бедные рыбацьи хижины – «приют убогого чухонца», да мшистые, топкие острова, на одном из которых была заложена Петропавловская крепость. Легенда гласит, что Петр штыком сам вырезал из дерна крест, и на этом месте был срублен из бревен первый форпост России на Балтийском море.

Строительство Петербурга шло в чудовищных условиях. Тысячи и тысячи крестьян со всех губерний России легли в болотистую землю. Может быть, поэтому лапландские колдуны предвещали городу скорую гибель. Сам Петр приезжал в город собственного имени довольно редко; всеми работами руководил Александр Данилович Меншиков. Но как бы то ни было: «Прошло сто лет, и юный град, полнощных стран краса и диво, из тьмы лесов, из топи блат вознесся пышно, горделиво; по оживленным берегам громады стройные теснятся дворцов и башен; корабли толпой со всех концов земли к богатым пристаням стремятся; в гранит оделася Нева; мосты повисли над водами; темно-зелеными садами ее

---

¹⁹⁸ Толстой А.Н. Петр Первый. – М.: Худ.лит-ра, 1981. С.43.

покрылись острова, и перед младшею столицей померкла старая Москва, как перед новою царицей порфиноносная вдова»¹⁹⁹. Наверное, никто не выразил так сильно свою любовь к городу - «Петра творенью», как это сделал Пушкин.

2.2. Хронотоп города в образах словесной культуры: культурно-исторический анализ. На материалах романа А.Белого «Петербург», «Москва», повести И.Шмелева «Лето Господне», В.А. Гиляровского «Москва и москвичи».

Цель: Целостный культурологический анализ *литературно-художественного хронотопа* на материалах романа А.Белого «Петербург», «Москва», повести И.Шмелева «Лето Господне», В.А. Гиляровского «Москва и москвичи»

Задачи: 1. Анализ понятия хронотопа в работах М.И. Бахтина как методологическое основание культурологического портрета городов Москвы и Петербурга в литературно-художественных произведениях различных жанров.

2. Определение соотношения пространства и времени как элементов хронотопа на материалах романа А. Белого «Петербург», «Москва».

3. Рассмотрение элементов повседневной культуры в произведении В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» в контексте ее пространственно-временной содержательности.

Иные смыслы Петербурга в известном роман «Петербург» Андрея Белого. «В самой острой форме роман «Петербург» противостоит «Медному всаднику» Пушкина и одновременно продолжает и развивает его идеи. Не случайно, Белый, сам поэт, отвечает Пушкину прозаическим произведением», – пишет в

---

¹⁹⁹ Пушкин А.С. Медный всадник // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 7-и т. – М.: Прогресс, 1988. – Т. 1. С. 85-86.

предисловии к роману Д.С. Лихачев²⁰⁰. «Петербург» пронизан духом Петра Великого. Образ Петра в романе неоднозначен: «С той чреватой поры, как примчался к невшскому берегу металлический Всадник, с той чреватой днями поры, как бросил коня на финляндский серый гранит – надвое разделилась Россия; надвое разделились и судьбы отечества; надвое разделилась, страдая и плача, до последнего часа – Россия»²⁰¹.

Россия неразрывно связана с именем Петра. Но эта связь неустойчива. Петр воздвиг Петербург по примеру западных городов – рационально. Но проектировали Петербург иностранцы. Если верить легендам, то многие проектировщики и архитекторы Петербурга были масонами, и значительное количество зданий носят на себе масонские знаки. Петербург не похож на остальные русские города. И это подчеркивает А.Белый: «Что есть русская империя?» – задает вопрос автор. И отвечает: «Русская Империя наша есть географическое единство... Русская Империя наша состоит из множества городов: столичных, губернских, уездных, заштатных; и далее: из первопрестольного града и матери градов русских. Град первопрестольный – Москва; и мать градов русских есть Киев»²⁰².

Пространственно город пронизан проспектами, прямыми улицами, кубами зданий. И самый важный – Невский проспект. «Невский проспект – немаловажный проспект в сем не русском – столичном граде. Прочие русские города представляют собой деревянную кучу домишек. И разительно от них всех отличается Петербург»²⁰³.

Петербург занимает *географическое место* между Востоком и Западом, поэтому в этом городе смешалась культура Востока и Запада. Власть, по мнению А. Белого сосредоточила в себе характерные черты как восточного деспотизма, так и «государственной регулярности» (Лотман Ю.М.).

²⁰⁰ Белый А. Петербург. – Л.: Наука, 1981. С.3.

²⁰¹ Белый А. Петербург. – М.: Республика, 1984. С.98.

²⁰² Белый А. Петербург. – Л.: Наука, 1981. С.5.

²⁰³ Белый А. Петербург. – Л.: Наука, 1981. С. 6.

Петр жестко и решительно совершил судьбоносный культурный поворот к западной культуре, оказавшимся незавершенным, незаконченным: «Ты, Россия, как конь!, - с горечью замечает А. Белый, - в темноту, в пустоту занеслись два передних копыта; и крепко внедрились в гранитную почву два задних»,²⁰⁴ проводя аналогию с «Медным Всадником»- главным архитектурным символом Петербурга. В романе «Петербург» четко проводится идея Петербурга как «концентрического города», города, являющегося оппозицией допетровской (деревянной) Руси, что выразилось в символике имени (Петр- камень), каменный город (Гришанин Н.В.).

Для А.Белого гибель Петербурга неминуема, писатель связывает это провидение с образом Петра. Поэт созерцает на улицах города образ «незнакомца», в котором ему чудится то ли восставший из мертвых Петр, то ли Дьявол. Рефреном в «Петербурге» звучит сравнение этого города с образом «Летучего Голландца», корабля, матросы которого – мертвы.

Петербург А. Белого - *геометрически сконцентрированное пространство*, где дома и улицы представляют собой четко расчерченное геометрически скупулезное сочетание линий, квадратов, параллелепипедов, треугольников и кубов, острова: «А там были – линии, Нева, острова. Верно в те далекие дни, как вставали из мшистых болот и высокие крыши, и мачты, и шпицы, пронизая зубцами своими промозглый, зеленоватый туман»²⁰⁵.

Это городское пространство состоит из островов, объединяющих город, построенных на зыбкой, болотистой земле. Один из них Васильевский остров. Здесь, на Линиях Васильевского острова, живут петербуржцы с зелеными, бледными лицами в огромных серых домах с черными, грязноватыми лестницами и дверями, дверями, дверями.. «Линии! Только в вас и осталась память петровского Петербурга. Параллельные линии на болотах провел Петр; линии те обросли то гранитом, то каменным, а то деревянным забориком... Лишь здесь,

²⁰⁴ Белый А. Петербург. – М.: Республика, 1984. С.98.

²⁰⁵ Белый А. Петербург. – Л.: Наука, 1981. С.16.

меж громадами, остались петровские домики; вон – бревенчатый; вон – зеленый; вот – синий, с ярко-красной вывеской «Столовая»... Оттуда вонзается Петербург и проспектными стрелами, и ватагою каменных великанов; ватага та великанов бесстыдно и нагло скоро уже похоронит на чердаках и в подвалах всю островную бедноту. Оттуда вставал Петербург; из волны облаков запылали там здания; там, казалось, парил кто-то злобный, холодный; оттуда, из воющего хаоса, уставился кто-то каменным взглядом, в туман выдавался черепом и ушами»²⁰⁶.

Петербург эфемерен, соткан из облаков и туманов. И живут там люди-призраки, пирующие в «адских кабачках». «На теневых своих парусах полетел к Петербургу оттуда Летучий Голландец из свинцовых пространств балтийских и немецких морей, чтобы здесь воздвигнуть обманом свои туманные земли и назвать островами волну набегающих облаков; адские огоньки кабачков двухсотлетие зажигал отсюда Голландец, а народ православный валил и валил в эти адские кабачки, разнося гнилую заразу... Поотплывали темные тени. Адские кабачки же остались. С призраком долгие годы бражничал православный народ: род ублюдочный пошел с островов – ни люди, ни тени, - оседая на грани двух друг другу чужих миров»²⁰⁷.

А.Белый провидчески чувствовал трагическую судьбу жителей Петербурга, жителей островов, «островитяне», как их называет Белый, считая их потомками тех неведомых строителей Петербурга, чьи кости гнили в его болотах. И «адские кабачки», которые заманивали людей, также, плод творения Петра...

Петр Первый изображен в романе как восточный деспот, который сам совершал самосуд, казнил и миловал. Россия – страна, привыкшая к «твердой руке», к деспотизму. Азиатский деспотизм Петра определяется его окружением: в этом плане, в романе один из главных персонажей - Аполлон Аполлонович Аблеухов – потомок мурзы Аб-Лая, сенатор и глава Учреждения. В этом образе как бы персонифицируется воссоединение России с Востоком и Западом.

²⁰⁶ Белый А. Петербург. – М.: Республика, 1984. С.19-20.

²⁰⁷ Белый А. Петербург. – Л.: Наука, 1981. С. 16.

Аполлон – имя западное, Аб-Лай – восточное. Город в романе персонифицирован: «Хмурился Летний сад». Даже в нем создается ощущение холода, смерти: «Летние статуи поукрывались под досками; серые доски являли в длину свою поставленный гроб; гробы обстали дорожки; в них ютились нимфы и сатиры, чтобы снегом, дождем и морозом не изгрызал их зуб времени, потому время точит на все железный свой зуб: а железный зуб равномерно изложет и тело, и душу, и даже самые камни... Сам Петр насадил этот сад...»²⁰⁸.

В романе на гибель обречено все, что связано с именем Петра. И неважно, от чего произойдет эта гибель: от революции или от терроризма, от бомбы, заключенной в коробку сардин. Холодом и смертью веет от романа. Как была «унижена» Москва в романе «Петр Первый», так и «унижен» Петербург в романе Белого.

Андрей Белый – писатель-модернист, выразитель идей современной ему эпохи, идеи же модернизма «носятся в воздухе», поэтому роман «Петербург» создается практически одновременно с «Улиссом» Д. Джойса. Эти романы похожи даже по стилистическим приемам: та же игра с цветом, со словами, с образами. Так же географически четко и достоверно прописан сам город. Тот же философский подтекст: «Петербург в «Петербурге» Белого не между Востоком и Западом, а Восток и Запад одновременно, то есть весь мир. Так ставит проблему России Белый впервые в русской литературе и именно благодаря этому роман Белого приобретает актуальнейшее значение» (Д.С. Лихачев)²⁰⁹.

Роман «Москва» Андрея Белого появляется после романа «Петербург». В отличие от холодного Петербурга с его геометрическими улицами и «островными» районами, в Москве есть красивые, широкие улицы с яркими вывесками, сияющей огнями рекламой: «Уже издали двигались, перегоняя друг друга, – с Петровки, с Мясницкой, с Арбата, с Пречистенки, Сретенки, - к месту, где все разливалось огнями, где мгла лиловатая, – таяла в свет, где отчетливая

²⁰⁸ Белый А. Петербург. – М.: Республика, 1984. С.144.

²⁰⁹ Белый А. Петербург. – Л.: Наука, 1981. С. 4.

таратора пролеток взрезалась бензинными урчами. Ясный Кузнецкий! ...Здесь квадратные, черные автомобили, зажатые током пролеток, стеснивши разлив, разрываются громко бензинными фырчами, не продвигаясь, стоят, разверзая огромные очи на белую палочку городского, давая дорогу – все тем же: кокоткам, купцам, спекулянтам, гулякам, порядочным дамам, актрисам, студентам. Не улица – ясный алмазник. А угол – букет цветов»²¹⁰.

Однако, они, как и вся Москва опутаны паучьей сетью кривых переулков, которые готовы, как метастазы, поглотить гармонию московского *пространства*. Образ московского городского пространства, с его концентричностью, не случаен, в определенной степени иносказателен. Московские переулки-сети как бы выражают путь Москвы в ее исторической ретроспективе, с движением вперед и назад. Москва того времени консервативна, она жирует и задыхается от бедности.

Купеческий и мещанский дух Москвы распространяется на все сферы жизни, это те «паучьи сети», от которых, по мысли А. Белого, гибнет Москва. Недаром раблезианский культ еды, как начала эры потребления, в изображении Гиляровского, является культовым в описании города. Ведь деструктивность духа ведет к гибели города. Поэтому «паучья сеть» переулков Москвы, есть выражение духажирующих монстров, гуляющих по Кузнецкому, Столешникову и Пассажу. Москва гибнет оттого, что профессорский город попал в жернова торжествующего мещанства, победивших дух университетской образованности и науки. Эта идея воплощается в описание неказистого московского пространства: «Дома, дома, домики, просто домчѐнки и даже домчѐночки... Тянулся шершавый забор, полусломанный; в слом же глядели трухлявые и излыселе земли; зудел свои песни зловещий мухач; и рос дудочник; пусто плешивилась пустошь; ... снова щербастый заборик, с домишкой; хозяин заохрился: желтышел на пропѐке; в воротах – пространство воняющего двора с желклой травкой; дом белый, с замаранным входом, подушками в окнах... Брошенный в лоб

---

²¹⁰Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993.С.87.

Табачихинский переулочек таков, граждане! Таким был и остался; нет, желтый дом – разобрали на топку»²¹¹.

Город пауков и паучьих сетей кривых переулочков определяет истинный облик Москвы, в ее центре сидит паук: «Вот «Москва» переулочков! Она же – Москва; точно есть паучья; в центре паук повисающий, – Грибиков; жалким кашею бессмертным; кругом – жужель мух из паучника; та паутина сплетений тишайшими сплетнями переплетала сеть нервов, и жутями, мглой, мараморохом в центре сознания являла одни лишь «пепёшки» и «пшишки»... Москва переулочков, подобных описанному, в то недавнее время была воплощенной «пепёшкой», опухолью, переплетенной сплошной переулочной сетью»²¹².

В Табачихинском переулочке в небольшом, старом домике живет «знаменитый профессор» Иван Иванович Коробков, воюет с мухами и плохо спит по ночам. Иван Иванович – член многочисленных академий и профессор Оксфордского университета – краса и гордость русской науки.

Белый противопоставляет Москву замшелую, грязную, косую Москве аристократической, богатой и наглой. И неизвестно, какая Москва ему ближе. По его мнению, ни в той, ни в другой человеку жить нельзя.

«Они отворили раздранную дверь, из которой полезло мочало; попали в кухню, где баба лицом источала своим прованское масло и где таракашки быстрешили, усатясь над краном; тут салился противень. Дом людовал, тараканил, дымил и скрипел; стекла мыли; и пол был заволглый, прикрытый дорожкой коврика с пятнами всяких присох»²¹³ – создает малопривлекательный образ старого московского дома и его обитателей Белый.

«Грибиков будет беззвучно из ночи смотреть, ожидая каких-то негласных свиданий, быть может – старуху, которая кувердилась чепцом из линялых кретончиков в черненькой кофте своей желтоглазой, которая к вечеру,

²¹¹Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993.С.23-24.

²¹²Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993.С.166.

²¹³Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993.С.143.

подраспухая, становится очень огромной старухой, вяжущей тысяченитийный и роковой свой чулок. Та старуха – Москва»²¹⁴.

На фоне гибнущей Москвы совсем по-другому воспринимаются описания природы. Это как глоток свежего воздуха в душной атмосфере человеческого паноптикума: «Вот и стала Москва-река. Салом омутилась, полуспособная течь: пропустила ледишко: и стала всей массой своей: ледостаем блистающим. Зимами весело! Крыты окошки домов Табачихинского переулка сплошной леденицею: массою валит охлопковый снег: обрастают прохожие им; лют-морозец обтрескивает все заборики, все подворотенки, крыши, подкидывая вертоснежину, щупая девушек, больно ущемливая большой палец ноги; и дымочком подкудрины трубы; обкладывается снежайшими морховатыми синий щепастый заборик; сгребается с крыш; снег отхлопывает от угольного пятиэтажного дома на весь табачихинский переулок: под хлопищем – сходбище желтых и рыжих тулупов – Стужайло пришел: холодай холодаевич»²¹⁵.

Следует сказать, что Андрей Белый оказал большое влияние на русский язык своей вычурной манерой, создавая экспрессивную картину обыденного, внося многоцветные краски в привычную картину: за причудливой вязью слов создается ощущение, и это ощущение каждый воспринимает по-разному. И такие пассажи о временах года раскиданы по всему тексту романа.

Говоря о традициях и преемственности, следует сказать, что в повести А.Белого очень сильны гоголевские традиции (С.И. Тимина).

У Москвы, в отличие от Петербурга, есть будущее, которое представляется А.Белому в образе коня с «ланьими глазами», что ассоциируется с образом России – птицы-тройки у Гоголя. Будущее России и Москвы связано с ее восхождением к Богу: «Москва! Разбросалась высокими, малыми, средними, золотоглавыми или бесколонными витоглавыми церковками очень разных эпох; под пылищи небесные встали – зеленые, красные, плоские, низкие или высокие крыши

²¹⁴Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993.С.48-49.

²¹⁵Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993.С.80.

оштукатуренных, или глазурью одетых или просто одетых в лохмотья опавшей известки домин, домков, домиков... – Люлюхинский и Табачихинский с первым, вторым, третьим, пятым, четвертым, шестым и седьмым Гнилозубовыми переулками».²¹⁶ Церкви неотделимы от этих «поленовских двориков», придающих Москве уют и своеобразие, но никак не вяжущиеся с образом столицы.

Любой большой художник – провидец. Роман был закончен в июле 1930 года перед началом грандиозной реконструкции Москвы, когда были уничтожены и церковки, и поленовские дворики, и многочисленные московские переулки. И как апофеоз варварского разрушения – был взорван Храм Христа Спасителя, и на его месте появился бассейн, вместо планируемого грандиозного Дворца Советов.

В отличие от мрачного образа Москвы и Петербурга в произведениях А.Толстого и А.Белого в художественных очерках И.С. Шмелева и В. А. Гиляровского Москва предстает в радужных, радостных красках. В рассказе «Москва» («Лето Господне») образ города пронизан солнцем, радостью, счастьем. Детские воспоминания о Москве праздничны. Кремль как центр Москвы священен, «светлый и тихий-тихий весь в воздухе. Никто не сторожит его. Смотрят орлы на башнях. Тихий дворец, весь розовый, с отблесками от стекол, с солнца. Справа – обрыв, в решетки крестики древней церковки, куполки, зубчики стен кремлевских. Москва и даль», а «дубовые ворота в башне всегда открыты – и день, и ночь»²¹⁷. Эти детские впечатления в воспоминаниях пожилого писателя – эмигранта в далекой Франции наполнены светлым религиозным чувством, также, как и у приезжих богомольцев, изображенных в рассказе: «У соборов со всей России собираются богомольцы. Хороши московские соборы: Успенский, Благовещенский, Архангельский. А Иван Великий – «такой великий, больно закинуть голову»²¹⁸. «Богомольцы все движутся. Пахнет дорогой, пылью. Видны леса. Солнце уже печет, небо голубовато-дымно. Там, далеко за ним, – радостное,

²¹⁶ Белый А. Москва. – М.: Советская Россия, 1993. С.24-25.

²¹⁷ Шмелев Н.А. Лето Господне. Избранное. – М.: Правда, 1989. С.245.

²¹⁸ Шмелев Н.А. Лето Господне. . Избранное. – М.: Правда, 1989. С.248.

чего не знаю, – Преподобный. Церкви всегда открыты. И все поют. Господи, как чудесно!..»²¹⁹. Москва представляется не центром уходящей эпохи, как это показано в романе А.Н. Толстого «Петр Первый», а святым городом, полным православных церквей. Поэтому Кремль священен, как символ власти державности и православия, как священна и вся Москва, стяжавшая славу объединения всех православных народов. Поэтому цвета Москвы «в распахнутых окнах галдарейки, и через разноцветные стекла – голубые, пунцовые, золотые: «Золотая Москва всех лучше»²²⁰.

Примечателен в этом рассказе образ «отца». Этот подрядчик, казалось бы, далек от поэзии, но он, любуясь с Воробьевых гор раскинувшейся под ним Москвой, что-то шепчет. Оказывается, он шепчет стихи Пушкина, посвященные второй столице, самому русскому из русских городов: «А теперь, на Воробьевке, на высоте, над раскинувшейся в тумане красавицей Москвой нашей, вдруг начал сказывать... – как же хорошо сказывал! С такой лаской и радостью, что в груди у меня забилося, и в глазах стало горячо»²²¹.

Читателю передается ощущение тихой грусти и одновременно радости, праздничности, ощущения чего-то неповторимого: «Долго стояли мы у окон галдарейки и любовались Москвой. Светилась она в тумане, широкая, покойная, чуть вдруг всплеснет сверканьем. Так бы и смотрел, смотрел... не нагляделся бы»²²².

Наверное, никто так красочно не изобразил Москву, как дядя Гиляй – Владимир Алексеевич Гиляровский. Его книга «Москва и москвичи» выдержала десятки изданий и остается любимым и правдивейшим произведением о Москве. Гиляровский – был не только превосходным журналистом, но и человеком, отличающимся феноменальной памятью, и великолепным рассказчиком, который смог передать дух времени, выразить характер изображаемой эпохи. Гиляровский

²¹⁹ Шмелев Н.А. Лето Господне. . Избранное. – М.: Правда, 1989. С.248.

²²⁰ Шмелев Н.А. Лето Господне. Избранное. – М.: Правда, 1989. С.607.

²²¹ Шмелев Н.А. Лето Господне. Избранное. – М.: Правда, 1989. С.611.

²²² Шмелев Н.А. Лето Господне. Избранное. – М.: Правда, 1989. С.613.

создал образ Москвы не только с позиций ее классового разделения, но с точки зрения *повседневной жизни* ее обитателей, показав *повседневную культуру* и быт москвичей.

Гиляровский приехал в Москву в октябре 1873 года, застав купеческую Москву в период ее расцвета. Но даже тогда ему бросилась в глаза разница в образе жизни бедных и богатых. Бедные ели объедки из мусорных баков, богатые – кулебяку в 12 ярусов, рябчиков и дупелей, двухаршинных стерлядей. Нищий люд группировался вокруг Хитровки, вокруг которой размещались «малины» и притоны. В кабаках, которые негласно делились на разряды, обитали «свои» посетители: в «Пересыльном» собирались бездомные, нищие и барышники, в «Сибири» – крупные воры и скупщики краденного, в «Обратнике» - вернувшиеся или бежавшие с каторги или из ссылки. Трактир «Каторга» служил местом буйного веселья и разврата для всех преступников и нищих. «Хитровка» напоминала Гиляровскому Лондон. Гиляровский мастерски описал клубную жизнь Москвы. Клубы находились на Большой Дмитровке, раньше так и называвшейся – «Клубная». Там располагались три клуба – Английский, Дворянский и Купеческий. Каждый из клубов отличался отличной кухней: стерляжья уха, балык в рассоле, банкетная телятина, расстегаи из стерляди и налимьей печенки. Вот далеко не полный перечень блюд Купеческого клуба. После обильного обеда завсегдатаи усаживались играть в карты или отправлялись догуливать в ресторан «Яр».

Одним из самых знаменитых клубов был «Охотничий». Поначалу он представлял почтенное заведение, жившее только за счет членских взносов, но их оказалось мало, и тогда основным источником доходов стала азартная игра – «железка». Клуб буквально «пух от денег» до тех пор, пока его не закрыли.

Самым почтенным и уважаемым был Английский клуб с мраморными львами перед входом. Члены клуба были под стать этим львам. Это, как пишет Гиляровский, был клуб Фамусовых, Скалозубов, Репетиловых и Чацких. Каждый член клуба был достоин пера Грибоедова или Пушкина. Клуб посещали

А.С. Пушкин, А.С. Грибоедов, создатель крымских виноградников князь Голицын, а Л.Н. Толстой проиграл там тысячу рублей на бильярде (сумма по тем временам неслыханная). Почетным старшиной клуба состоял генерал-губернатор князь Долгоруков. Неотъемлемой частью клуба, кроме глубоких кожаных кресел и великолепного винного погреба, был зал для азартных игр, где сначала играли «по маленькой», а после революции 1905 года «по-крупному». В советское время во дворце разместился Музей революции.

Интересен рассказ Гиляровского о московских банях. По мнению писателя «их в Москве было шестьдесят самых разнохарактерных, каждая по-своему, бань, и, кроме того, все они имели постоянное население, свое собственное, сознававшее себя настоящими москвичами»²²³.

Культурная жизнь Москвы определялась не только рынками или клубами, но и банями. Бани составляли важную часть гигиенической культуры столицы, ее повседневной жизни. Однако условия повседневной жизни были такими: «каждое сословие имело свои излюбленные бани. Богатые и вообще люди со средствами шли в «дворянское» отделение. Рабочие и беднота – в «простонародное» за пятак»²²⁴. В банях, замечает В.А. Гиляровский, «вода, жар и пар одинаковые, только обстановка иная. Бани как бани! Мочалка – тринадцать, мыло по одной копейке. Многие из них и теперь стоят, как были, и в тех же домах, как и в конце прошлого века, только публика в них другая, да старых хозяев, содержателей бань, нет, и память о них скоро совсем пропадет, потому что рассказывать о них некому»²²⁵.

Но самые известные были Сандуны. Это был действительно храм Гигиены.

В банях работали «мальчишки» и парильщики, не получавшие зарплаты, а жившие только на чаевые, половину из которых они вынуждены были отдавать начальству. Парильщики принимались на работу в бани из губерний, расположенных вокруг Москвы. «Так, Ярославская давала половых,

²²³ Гиляровский В.А. Москва и москвичи . – М.: Правда, 1979. С.167.

²²⁴ Гиляровский В.А. Москва и москвичи . – М.: Правда, 1979. С.169.

²²⁵ Гиляровский В.А. Москва и москвичи . – М.: Правда, 1979. С.167.

Владимирская – плотников, Калужская – булочников. Банщиков давали три губернии, но в каждой по одному-двум уездам, и не подряд, а гнездами. На Москву немного гнезд давал Коломенский уезд: коломенцы больше работают в Петербурге. Испокон века Москву насыщали банщиками уезды: Зарайский – Рязанский, Тульский – Каширский и Веневский. Так из поколения в поколение шли в Москву мужчины и женщины»²²⁶.

Одна из знаменитых бань была Сандуновская, которой владела Сандунова, бани располагались в Звонарном переулке, на берегу большого пруда. Бани были «с неслыханными до этого в Москве удобствами: с раздевальной зеркальной залой, с чистыми простынями на мягких диванах, вышколенной прислугой, опытными банщиками и банщицами. Раздевальная зала сделалась клубом, где встречалось самое разнообразное общество, – каждый находил здесь свой кружок знакомых, и притом буфет со всевозможными напитками, от кваса до шампанского «Моэт» и «Аи»²²⁷.

Лубянская площадь. Дом страхового общества «Россия» - где до сих пор размещается знаменитая спецслужба. На Лубянской площади продавались дрова, сено, и она была центральной базой извозчиков.

Охотный ряд. Он получил свое название оттого, что в нем разрешалось торговать дичью. Еще в конце позапрошлого века там можно было видеть охотников, обвешанных зайцами, дикими утками, тетеревами.

Охотный ряд весь состоял из лавок и «обжорок», где можно было купить и «первоклассный товар», и товар попроще и подешевле, и просто «тухлятину». В лавках продавали паленых поросят для жарки, и «белых» поросят в ваннах, наполненных ледяной водой, для заливного; на крюках висели розовые тушки барашков, телят, поенных молоком, а под потолком висели различные окорока – вареные, копченые, провесные.

²²⁶ Гиляровский В.А. Москва и москвичи . – М.: Правда, 1979. С .170.

²²⁷ Гиляровский В.А. Москва и москвичи . – М.: Правда, 1979. С .172.

Главными покупателями были повара из лучших ресторанов и трактиров, а также повара из «лучших» домов. Беднота покупала товар попроще – ребра, требуху и дешевую баранину-ордынку.

В Охотном ряду стоял и известный трактир Егорова с двумя залами. В зале первого этажа – «Низке» стояла огромная печь, в которой с утра до позднего вечера пеклись очень вкусные блины, которые с различными начинками – с белужиной или осетриной, с «пылу с жару» подавались посетителям. В зале второго этажа – для «чистой публики» подавались различные рыбные блюда – селянка из стерляди и прочие деликатесы, блины в счет не шли.

Обжорный переулок тянулся к Моховой и Манежу: «от Тверской, тянется узкий Лоскутный переулок, переходящий в Обжорный, который кривулил к Манежу и к Моховой»²²⁸. Это было «бойкое место», где находилось множество разнообразных продуктов, лавок торговцев и покупателей. «Впереди лавок, на площади, вдоль широкого тротуара, стояли переносные палатки и толпились торговцы с корзинами и мешками,- пишет В.А. Гиляровский, - наполненными всевозможными продуктами. Ходили охотники, обвешанные утками, тетерками, зайцами. У баб из корзин торчали головы кур и цыплят, в мешках визжали поросята, которых продавцы, вынимая из мешка, чтобы показать покупателю, непременно поднимали над головой, держа за связанные задние ноги. На мостовой перед палатками сновали пирожники, блинники, торговцы гречневиками, жаренными на постном масле»²²⁹.

Здесь было царство «обжорок», где продавали продукты, которые в другом месте продать было невозможно. Это были и своеобразные столовые. В них можно было купить за три копейки щи без мяса, а за пятак – лапшу, жареную или тушеную картошку.

Эти «столовые» или «дырки», располагались в «нижних этажах облезлых домов», его посетителями были рабочие, из которых: «кто впроголодь обедал в

---

²²⁸Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Правда, 1979 .С.89.

²²⁹ Гиляровский В.А. Москва и москвичи..С.93.

«пырках», а кто наскоро, прямо на улице, у торговок из глиняных корчаг – осердьем и тухлой колбасой. В обжорке съедались все те продукты, какие нельзя было продать в лавках и даже в палатках Охотного. Товар для бедноты – слегка протухший, «крысами траченный»²³⁰.

Но в Москве был и магазин, который был похож на музей – это был магазин Елисеева. В конце 1890-х годов миллионер Елисеев, у которого уже был роскошный магазин в Петербурге, купил дом на Тверской и затеял там перестройку, после чего открылся «Магазин Елисеева и погреб русских и иностранных вин». По случаю открытия был устроен торжественный молебен с приглашением архиепископа, был сервирован завтрак. Гиляровский описывает застолье как праздник чревоугодия: окорока разных видов – вестфальские, провесные, вареные и копченые, нарезанные тонкими, как бумага, ломтями. В серебряных ведрах посреди колотого льда стояла икра: севрюжья, осетровая, белужья. Казалось, что крупные остендские устрицы дышат на слое снега, покрывавшего блюда. Паюсная икра стояла огромными глыбами на столе. Запивалась все это изобилие редкостными винами. Еда в повествовании Гиляровского занимает особое место (см. подробнее 3.2).

Московских трактиры и рестораны Тестова, Егорова, Гурина, их меню стали нарицательными в культуре русской кухни. Трактир Тестова прославился «русским столом», знаменитой «гурьевской кашей», «откушать» которую приезжали из Петербурга даже великие князья. Среди постоянных посетителей трактира был миллионер Чижов, отличавшийся «раблезианскими» обедами. Гиляровский описывает меню такого обеда: «порция холодной белуги или осетрины с хреном, икра, две тарелки ракового супа, селянка рыбная или селянка из почек с двумя расстегаями, а потом жареный поросенок, телятина или рыбное, смотря по сезону. Летом обязательно ботвинья с осетриной белорыбицей и сухим тертым балыком. Затем на третье блюдо, неизменно, сковорода гурьевской каши. Иногда позволял себе отступление, заменяя расстегай байдаковским пирогом –

---

²³⁰ Там же. С.98.

огромной кулебякой с начинкой в двенадцать ярусов, где было все, начиная от налиమ్ей печенки и кончая слоем костяных мозгов в черном масле»²³¹. Но вот перед нами счет из трактира Тестова, отличающийся от счета господина Чиждова разве что набором водок и вин. «Моментально на столе выстроились холодная смирновка на льду, английская горькая, шустовская рябиновка и портвейн Лева № 50 рядом с бутылкой пикона. Еще двое принесли два окорока провесной, нарезанной прозрачно розовыми, бумажной толщины, ломтиками. Еще поднос, на нем тыква с огурцом, жареные мозги дымились на черном хлебе и два серебряных жбана с серой зернистой и блестяще-черной ачуевской паюсной икрой»²³². И это, не считая балыка, белорыбицы, жареного поросенка «по-расплюевски», селянки с осетриной и стерлядь, лососины и спаржи с маслом.

2.3. Темпоральность города в дискурсе повседневности в художественных образах словесной культуры: культурно-исторический анализ романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», повести Б. Ямпольского «Арбат - режимная улица», повести А.Трифенова «Другая жизнь»,

Цель: Культурологический анализ темпоральности феномена города в пространстве Москвы в рамках времени: 30-е – 80-е гг. XX века, в период сталинских репрессий в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», повести А.Трифенова «Другая жизнь», Б. Ямпольского «Арбат - режимная улица».

Задачи: 1. Представить художественный образ Москвы в контексте повседневной жизни.

2. Рассмотреть феноменологию места города в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», повести Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица» и его влияние на образ жизни;

---

²³¹ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Правда, 1979 . С.187.

²³² Там же. С.187.

3. Проанализировать соотношение темпоральности и повседневности города в городских повестях Ю. Трифонова

Роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», наверное, самый загадочный в русской литературе. Задуманный в 1929 году, роман был чрезвычайно дорог Булгакову. Он очень тщательно работал над ним. Осталось восемь полноценных редакций романа, и каждая не уступает окончательному варианту. Среди многочисленных названий нет одного, хотя оно напрашивается и есть в тексте романа – «Евангелие от Сатаны». Некоторые литературоведы считают именно Сатану, а не Мастера или Маргариту, главным героем романа.

Главное *сакральное событие*, которое случилось в Москве и изменило существование многих ее жителей, осталось незамеченным для них, живущих повседневной обыденной жизнью. Это - приход Сатаны, который обосновывается в «нехорошей квартире». Место этой квартиры имеет адрес: «Нехорошая квартира – Большая садовая, 10, №. 50, (Садовая, 303-бис): «в большом шестиэтажном доме, покоем расположенном на Садовой улице». «Надо сказать, что квартира эта – № 50 – давно пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией...; из этой квартиры люди начали бесследно исчезать», – замечает автор²³³. Подобный намек более чем красноречив. Слишком много квартир, из которых бесследно начали исчезать люди, стало в Москве в 30-е годы.

Воланд выбирает себе *место*, в тех домах, где в коммунальных квартирах живут москвичи коллективной коммунальной общественной жизнью. В Москве, как это замечает Воланд, в силу общественной коммунальной жизни идет яростная борьба за *место*.

В романе феноменология места, дома имеет важное значение. Место - Дом, которое всегда представляло собой, прежде всего, *личное пространство*, в «коммуналках» Москвы исчезло. Эта утрата личного пространства усугублялась

---

²³³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.60.

убогостью быта, вызванной бедностью и издержками коллективной собственности: «В громадной, до крайности запущенной передней, слабо освещенной : малюсенькой угольной лампочкой под высоким, черным от грязи потолком, на стене висел велосипед без шин, стоял громадный ларь, обитый железом, а на полке над вешалкой лежала зимняя шапка, и длинные ее уши свешивались вниз»²³⁴.

Все «общественные места», считались «ничьей» собственностью, и поэтому не убирались, а если и убирались, то крайне плохо: «На Ивана пахло влажным теплом, и при свете углей, тлеющих в колонке, он разглядел большие корыта, висящие на стене, и ванну, всю в черных страшных пятнах от сбитой эмали. Так вот в этой ванне стояла голая гражданка в мыле и с мочалкой в руках... Недоразумение было налицо, и повинен в нем был, конечно, Иван Николаевич. Но признаться в этом он не пожелал и, воскликнув укоризненно: «Ах, развратница!..» – тут же зачем-то очутился в кухне. В ней никого не оказалось, и на плите в полумраке стояло безмолвно около десятка потухших примусов. Один лунный луч, просочившись сквозь пыльное, годами не вытираемое окно, скупо освещал тот угол, где в пыли и в паутине висела забытая икона...»²³⁵.

Этот штрих - образ «забытой иконы», также как и в романе А.Н. Толстого «Петр Первый», символизирует отсутствие веры, Бога, духовной основы бытия в целом – отсюда соответствующий образ жизни, неустроенность, что с особой силой проявится в произведении Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица». Для поэта Бездомного, живущего в коммунальной квартире, икона – знак его будущего...

Образ жизни московской элиты отличается от быта коммунальных квартир. Московская элита живет в удобных квартирах, посещает театры «Варьете» (ныне сад «Аквариум»), рестораны, покупают лучшие товары и продукты в «Торгсине на Смоленском» (ныне «Гастроном № 2»), посещает ресторан в доме литератора,

²³⁴ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.41.

²³⁵ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.42.

²³⁵ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.42.

место которого особо выделено автором: «Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада, отделенного от тротуара... резною чугунной решеткой. Небольшая площадка перед домом была заасфальтирована, в зимнее время на ней возвышался сугроб с лопатой, а в летнее время она превращалась в великолепное отделение летнего ресторана с парусиновым тентом. Дом назывался «Домом Грибоедова»²³⁶. Образ булгаковского «Торгсина» впечатляет на фоне тотальной убогости «коммуналок»: «Сотни штук ситца богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали и шифоны и сукна фрачные. В перспективу уходили целые штабеля коробок с обувью, и несколько гражданок сидели на низеньких стульчиках, имея правую ногу в старой потрепанной туфле, а левую – в новой сверкающей лодочке, которой они топали озабоченно о коврик. Где-то за углом пели и играли патефоны»²³⁷. «Торгсины» сменили «Березки», и избранные москвичи вновь покупали там дефицитные товары, а на входе по-прежнему стоял швейцар и проверял, есть ли у входящих валюта.

В ресторанах можно было «откушать» «балычок особенный» и «филейчик из рябчиков». Маргарита живет вдвоем с мужем в прекрасном особняке, где они занимают целый этаж, а талантливейший Мастер ютится в подвале... Две Москвы существовали одновременно в разных плоскостях.

Поэтому вопрос изменились люди за две тысячи лет со дня рождения Христа и изменились ли вообще, неутешителен, так как с точки зрения Воланда – Сатаны: «они – люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было... ну легкомысленны... ну, что ж, и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... квартирный вопрос только испортил их»²³⁸.

Таким образом, Москва и москвичи также являются героями романа. И героями немаловажными. Прием, когда город и горожане становятся героями произведения, далеко не нов в литературе. Впервые «колорит места и времени»

²³⁶ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.43.

²³⁷ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.38.

²³⁸ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.101.

был обоснован Виктором Гюго в предисловии к драме «Кромвель» (1827). Данный прием усиливал правдивость детали в произведении. Видный литературовед и культуролог М.М. Бахтин ввел в научный оборот понятие «хронотоп», подчеркивающий взаимосвязь времени и пространства. С тех пор данный прием занял одно из ведущих мест в литературе. Париж для многих писателей стал местом сосредоточения событий и героев. Нечто подобное произошло и с другими писателями. Петербург для Достоевского, Лондон для Диккенса, Прага для Кафки, вымышленные места – округ Йокнопатофа для Фолкнера, Уайнсбург для Шервуда Андерсона, Zenit для Льюиса, Гиббсвилл для Джона О’Хары, хутор Татарский для Шолохова стали той «маленькой почтовой маркой», тем «космосом романиста», на который указывал Уильям Фолкнер.

Таким местом стала для Булгакова Москва. Но не вся Москва, а Москва, ограниченная с одной стороны Тверской, а с другой – Кропоткинской набережной, Садовым и Бульварным кольцом.

Ритм, темпоральность времени усиливается с началом сакрального события – вхождения Воланда и его свиты в Москву. Тихое место на Патриарших прудах становится началом усиления ритма, движения, началом странных событий в городе, ввергнувших его жителей в водоворот хаоса. Событие вмешательства Сатаны в повседневную жизнь москвичей обусловлено местом, тихим и спокойным: «Однажды весной, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина»²³⁹.

Это были председатель правления МАССОЛИТа Берлиоз и поэт Иван Бездомный. Встреча венчалась разговорами о значении религии, Иисусе Христе. Это – мистическое место, где «Аннушка разлила масло», где трагически погиб Берлиоз, как бы в отместку за неверие и популизм, инцидент, положивший начало всем странным случаям в Москве: «Трамвай накрыл Берлиоза. И под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скотившись с откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной. Это была

---

²³⁹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.3.

отрезанная голова Берлиоза»²⁴⁰. Это место и событие – смерть Берлиоза – начало усиления темпоральности, внесения в жаркий томительный, весенний вечер новых ритмов, ритмов погони Ивана Бездомного за «иностранцем», которого он подозревает как главного виновника смерти Берлиоза: «Тройка мигом проскочила по переулку и оказалась на Спиридоновке. Сколько Иван не прибавлял шагу, расстояние между преследуемыми и им ничуть не сокращалось. И не успел поэт опомниться, как после тихой Спиридоновки очутился у Никитских ворот, где его положение ухудшилось. Тут была толчея. Иван налетел на кой-кого из прохожих, был обруган. Злодейская же шайка к тому же решила применить излюбленный бандитский прием – уходить врассыпную.

Иван увидел серый берет в гуще в начале большой Никитской или Герцена... И двадцати минут не прошло, как после Никитских ворот Иван Николаевич был ослеплен огнями Арбатской площади... Опять освещенная магистраль – улица Кропоткина, потом переулок, потом Остоженка и еще переулок, унылый, гадкий и скупо освещенный»²⁴¹.

Странные события в Торгсине, в «Варьете», в Доме литератора создают ритмику действия, расширяя пространство действия, доводя его ритмы до истерики и аритмии.

Москва, несмотря на убогость, политическую ангажированность жизни все же остается в понимании автора городом великим и святым. Это ощущает Маргарита в своем «полете Валькирии», поднимаясь все выше и выше над Арбатом: «Третий переулок вел прямо к Арбату. ... Маргарита летела беззвучно, очень медленно и невысоко, примерно на уровне второго этажа. Но и при медленном лете, у самого выхода на ослепительно освещенный Арбат, она немного промахнулась и плечом ударилась в какой-то освещенный диск, на котором была нарисована стрела... Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуарам, как казалось сверху Маргарите,

---

²⁴⁰ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.37.

²⁴¹ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.40-41.

плыли реки кепок. От этих рек отделялись ручейки и вливались в огненные пасти ночных магазинов... Она пересекла Арбат, поднялась немного повыше, к четвертым этажам, и мимо ослепительно сияющих трубок на угловом здании театра проплыла в узкий переулок с высокими домами»²⁴². «По прошествии нескольких секунд далеко внизу, в земной черноте, вспыхнуло новое озеро электрического света и подвалилось под ноги летящей... – Города! Города! – прокричала Маргарита»²⁴³.

Москва выглядит прекрасным городом ночью, когда не видно ни коммунальных квартир, ни обшарпанных стен, ни людской сутолоки.

Маргарита покидает Москву и летит по ночному весеннему небу, с ощущением абсолютной свободы и счастья. Эти ощущения не случайны, так как события финала романа совершаются в знаменательные дни, дни пасхальной недели. Это дни – дни Вознесения Христа введены Булгаковым не случайно. Это – время Возрождения, прощения грехов и обид, время освобождения...

Именно в это время происходит прощание героев с Москвой: «Грозу унесло без следа, и, аркой перекинувшись через всю Москву, стояла в небе разноцветная радуга, пила воду из Москвы-реки. На высоте, на холме, между двумя рощами виднелись три темных силуэта. Воланд, Коровьев и Бегемот сидели на черных конях в седлах, глядя на раскинувшийся за рекой город с ломаным солнцем, сверкающим в тысячах окон, обращенных на запад, на пряничные башни Девичьего монастыря»²⁴⁴. Именно тогда происходит перевоплощение героев, и они приобретают свой истинный облик.

Москва в романе Булгакова – один из главных образов. Москва, конечно, соответствует архетипу Града Земного, с его проблемами, грехами, повседневной жизнью... В романе проходит параллель сравнения Москвы со славным городом Ершалаимом, который максимально достоверно воспроизведен автором, что подтверждается многими историческими источниками: например, А. Эдершейм

²⁴² Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.188-189

²⁴³ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.194.

²⁴⁴ Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. – М.: Прогресс, 1987.С.302.

«Жизнь и время Иисуса Мессии», Г. Гретц «История евреев», А. Ревиль «Иисус Назарянин», «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, а в статье И.Л. Галинской «Ершалаим и его окрестности» представлены топографические источники, которые использовал М. Булгаков при изображении Иерусалима. Писатель не мог изобразить столицу Иудеи «топографически точно», вопреки мнению ряда исследователей, так как ни карт города, ни достоверных сведений о расположении многих объектов не сохранилось, как известно, Иерусалим был полностью уничтожен римлянами в 70 году н.э.

Ершалаим - великолепный город, залитый праздничными огнями, с окнами, ярко освещенными пламенем светильников, и людьми, сидящими за нарядно убраным «столом, на котором лежало мясо козленка и стояли чаши с вином меж блюд с горькими травами». Это – город мечты, наполненный ароматами трав, розового масла... Но - это город, место, пространство, в котором произошло *событие* космического масштаба – казнь Сына Божиего... Это событие неподвластно времени, оно неуничтожимо, оно остается в памяти, проникает в потустороннее бытие, это событие вечно, оно вне времени. Поэтому Ершалаим – проклятый город, град Земной, но, одновременно, в нем есть черты архетипа Иерусалима – Иерусалим Град Небесный, который остается нетленным и святым.

Эту «проклятость» города ощущает Понтий Пилат, прокуратор Иудеи его раздражает все и ароматы города, люди, постоянно враждующие сдруг другом, покорные и смиренные, но дышащие презрением и ненавистью к завоевателям, что исторически проявится в восстании евреев и сожжении римлянами славного города. Понтий Пилат не может не ощущать этой ненависти, как не может не почувствовать запах розового масла, вызывающего у прокуратора нестерпимую головную боль, которая является знаком, провозвестником непреходящей вины за вынесенный смертный приговор Иисусу...

Во всяком случае, сравнение Ершалаима и Москвы, по заключению В.Н. Топорова заключают в себе два определения «город прославленный и город проклятый» - места, где происходят события, имеющие непреходящее значение в

истории, где пространство расширяется, а время сгущается, спрессовывается и смыкается с Вечностью.

Булгаков задается вопросом: города (места обитания) или люди являются «вместилищем пороков». Такой же вопрос задавал Данте в своей Божественной комедии». У Данте не только люди являются носителями и олицетворением пороков, но и места их обитания, – города.

Так, *Сиена* – место и город мотов и кутил, а сиенцы –беспутные и тщеславные (*vanagloriosi*).

Пистойя– символизирует порок зверства и именуется «логовом зверя» и «сосудом скверны».

Падуя – рассадник ростовщичества, поскольку оттуда родом «князь ростовщиков» – Джиованни Буйамонте, «превзошедший в ростовщичестве всех своих современников» (Бенвенуто да Имола).

Болонья – столица «скупых от природы» (Лана Болонский) и алчных. Болонский гвельф Венедико Каччианемико, продавший (ради наживы) свою сестру, «прекрасную Гизелу» в рабство, жалуется Данте:

Не первый я болонец плачу тут;
Их понабилась здесь такая кipa,

Немудрено: мы с алчностью своей
До смертного не расстаемся хрипа». («Ад», XVIII, 58- 60;
62–63)²⁴⁵

Лукка – символ взяточничества и казнокрадства, а его жители особенно отличались своею продажностью. Хроники города (*Annales Lucensis urbis*, Vol. I. P. 320), сообщают что уже в 1225 г. началась распродажа родовых замков

---

²⁴⁵ Данте Алигьери. Божественная комедия . М.: Зарубежная классика, 2013.

луккских дворян враждебно настроенным иноземцам, за что многие были отрешены от своих должностей.

Генуя – символ предательства друзей и гостей. Ее грех настолько вопиющ, что души грешников отправляются в Ад, раньше, чем умирает тело.

О, генуэзцы, вы, в чьем сердце минул
Последний стыд и все осквернено,
Зачем ваш род еще с земли не сгинул?

С гнуснейшим из романцев заодно
Я встретил одного из вас, который
Душой в Коците погружен давно,

А телом здесь обманывает взоры («Ад», XXXIII, 151-157)²⁴⁶

Но, конечно, исчадием всех пороков для Данте является *Флоренция*:

Гордись, Фьоренца, долей величавой!
Ты над землей и морем бьешь крылом,
И самый Ад твоей наполнен славой! («Ад», XXVI, 1-3)²⁴⁷.

Нет такого порока, который бы не процветал во Флоренции. Это и содомия (известно, что в Германии содомитов называли «флорентинцами»: в разговорном немецком того времени слово *florenzer* было синонимом содомита), и воровство:

Я пять таких в собранье воровском
Нашел сограждан, что могу стыдиться,
Да и тебе немного чести в том (XXVI, 4-6)²⁴⁸.

²⁴⁶ Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Зарубежная классика, 2013.

²⁴⁷ Там же.

Данте упрекает Флоренцию в надменности, спеси, гордыне – (orgoglio) и неумеренности, распущенности – (dismisura):

«Ты предалась беспутству и гордыне,
Пришельцев и наживу обласкав,
Флоренция, тоскующая ныне!» («Ад», XVI, 73 – 75)²⁴⁹.

Данте не раз с презрением называет флорентинцев «фьезоланским отродьем», восклицая: «О злосчастнейшее племя фьезоланцев!» По преданию, город Фьезоле, после того как его осадил Юлий Цезарь, был разрушен римлянами, основавшими невдалеке новый город, который был заселен римлянами и уцелевшими жителями Фьезоле. Данте считал, что его род происходит от римлян. Брунетто Латини говорит, обращаясь к Данте:

Но этот злой народ неблагородный,
Пришедший древле с Фьезольских высот
И до сих пор горе и камню сродный,
За все добро врагом тебя сочтет:
Среди худой рябины не пристало
Смоковнице растить свой нежный плод.

Слепыми их прозвали изначала;
Завистливый, надменный, жадный люд;
Общенье с ним тебя бы запятнало («Ад», XV, 61-69)²⁵⁰

Характерно, что Данте даже более гневлив по отношению к городам – гнездам и рассадникам пороков, – чем по отношению к самым отъявленным

---

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Зарубежная классика, 2013.

²⁵⁰ Там же.

грешникам. Он постоянно прибегает к проклятьям порочных городов (подобным проклятью Содому и Гоморре):

Сгори, Пистойя, истребись дотла!

Такой, как ты, существовать не надо!

Ты свой же корень в скверне превзошла! («Ад», XXV, 10-12)²⁵¹»

Исходя из такой трактовки, можно сделать вывод, что не только люди являются олицетворением зла, но и особая энергетика места способствует укоренению и «совершенствованию» того или иного порока. В этом смысле город как место обитания представляет собой не только «топос» (топографическое место обитания), но и «этос» - место, которое связано с нравственными характеристиками как места, так и его обитателей.

Повесть Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица» и повесть Ю. Трифонова «Другая жизнь» повествуют о разных периодах жизни Москвы. Это – 40-е 50-е годы, изображенные в романе Б.Ямпольского, 60-е 70-е годы прошлого столетия - в повести Ю.Трифорова. Однако они объединены тем, что создают образы *советского времени* на разных этапах культурного развития страны. *Темпоральность* этого времени определяется повседневной жизнью героев этих произведений в условиях «сталинского режима», «хрущевской оттепели», «брежневского застоя».

Темпоральность, согласно М. Хайдеггеру, - *качественность времени* (в немецком языке: «время» – Zeit, «временной» – zeitlich, «темпоральность» – Zeitlichkeit, Keit - «качество»)²⁵². Время характеризуется ритмом,

²⁵¹ Там же.

²⁵² Поэтому «время не выстраивается рядом с процессом, фиксируя последовательность и длительность его событий и этапов, а задаётся выбором пути, реализацией определённой возможности развития из множества возможностей, "вырисовывая" данную ритмику данного процесса в данных условиях». См.: Штомпель, Л. А. Время :культурно.-исторический. смысл. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора филос. н . Ростов-на –Дону, 1998.[Электронный ресурс]. Режим доступа: www.dissertat.

периодичностью. Повседневное, являясь основой городской жизни и жизни героев Б. Ямпольского и Ю. Трифонова, связано с определенной регуляцией и рационализацией жизни имеет свою ритмику. Эта ритмика фиксируется темпоральностью (темпом, в данном случае смысловой рациональностью).

Повседневное, как категория жизненного процесса, фиксируется в ритмике настоящего времени, характеризующегося *регулярностью повторяемости* циклов. Настоящее время имеет смысл только тогда в повседневности, когда связано с будущим, учитывает опыт прошлого. Нарушение равновесия во временных периодах, заиклинность только на настоящем, превращает действия повседневного в *стереотип* действия (привычное), когда делается выбор человека на привычный образ жизни. Ритмика темпорального лишается *осмысленности*, превращаясь механическую *повторяемость* действия в профанацию повседневного. Это происходит еще и потому, что механическая ритмика действия, процесса жизни лишена *смысла*, следовательно, и темпоральности.

Экзистенциальное событие (смерть в повести Ю.Трифопова) является той «пограничной» ситуацией, которая прерывает процесс повседневности, обусловленный механической ритмикой бессмысленной регулярности, выходит за рамки стереотипов в понимании смысла жизни в настоящем и будущем, значимости своего существования в прошлом. Жизненная темпоральность обнаруживает свое «присутствие» в повседневной жизни, обозначая ее скрытый сакральный смысл.

Арбат – старинная улица в повести Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица» является местом обитания главного героя этой повести. Образ Арбата в повести Б. Ямпольского – это образ места, где ничего *не происходит*, но это место где даже окна домов «проинвентаризированы», где «всегда за углом кто-то прячется, следит за тобой и дожидается», а вдоль Арбата - сотрудники спецслужб, в одинаковых пальто и костюмах – «молчаливая цепочка на Арбате», ведь по этой улице проезжал Сталин по пути на ближнюю дачу.

Страх и ожидание – основные ощущения героя повести, бывшего солдата войны, фронтовика, поселившегося в старинном арбатском доме. Эти дома «давят и гнетут, и впереди кто-то прячется за выступами и ждет; весь город кажется одной серой, сплошной громадой, из которой никуда нельзя удрать, и куда ни пойдешь, куда ни свернешь, будет то же низкое, желтое, гаснущее небо, те же серые безнадежные стены». Арбат этого времени представляется герою «режимным объектом», который «жил не видной глазу, скрытной, режимной жизнью, где каждый дом, каждый подъезд, каждое окно заинвентаризовано, за всеми следят, всех курируют»²⁵³.

Эта «режимность» существования усугубляется неприглядностью погодных состояний: «низкие грязно-желтые тучи, из которых по временам внезапно сыпался сухой, жесткий снег, желтые фонари, и желтые смутные окна домов, и желтые замерзшие окна проезжающих троллейбусов, низко метущая поземка – все заколдовывало такой гнетущей, такой беспросветной сумасшедшей тоской, что только и сил было идти и идти, не глядя куда, лишь бы идти, не останавливаться, не думать, чем это кончится».

Арбат – одна из улиц Москвы, но все улицы этого города «вовлечены» в сумеречность «режимного» существования, тотального контроля и «древний город, существующий века, приспособился: он стал сумрачным, его вымирающие к десяти часам вечера улицы, мрачные, с оранжевыми муляжами витрины, тускло освещенные кино с одной и той же по всему городу единственной кинокартиной "Чижик", стенды с серыми, похожими друг на друга газетами, тысячи тысяч раз повторяющийся один и тот же каменный портрет, мертвеющий, затухающий, как у бесконечно больного человека пульс, приводят в отчаяние»²⁵⁴.

В повести Б.Ямпольского образ города заточил в себе дух *безвременья и безнадежности*. Без сомнения с физической точки зрения, город жив, это – место, где слышится «звон переполненных трамваев, сирены красных пожарных

²⁵³ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица . – М.: Вагриус, 1997.С.20.

²⁵⁴ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица . – М.: Вагриус, 1997.С.184.

автомобилей, цоканье пролетов, бестолковые крики пирожниц, мороженщиков, квасников, визг мальчишек с ирисками на лотках – от всего этого кружилась голова». Живой поток машин на Садовой улице, грохот и скрежет движения напоминает о том, что город, его тело живы, но неожиданно «в живом потоке, то и дело проносился засыпанный снегом грузовичок с черным крепом на кумаче по борту. Он пролетал с серебряным глазированным гробом и неживыми цветами венков, а вокруг на стульчиках, расставленных, как в зале заседаний, сидели скорбящие, глазели на окружающее, разговаривали и смеялись. И сразу же впритык, без границы жизни и смерти, автоцистерна – "Живая рыба"»²⁵⁵.

Автор иронизирует, подчеркивая отсутствие экзистенциального состояния в городском пространстве, это естественно, ведь город больше мертв, чем жив. И вовсе не потому что «по Садовой, через Смоленскую проходит великий московский похоронный путь к Зубовской, а там правый поворот на Пироговку, мимо особняков, мимо медицинских корпусов к краснокирпичным стенам Новодевичьего, в тупик», в силу чего «грузовичок с черным крепом на борту весь день мелькает в общем потоке»²⁵⁶.

Похороны «одни и те же кружатся, кружатся по городу в этот темный, желтый день». Этот – образ похорон напоминает об исчезновении *сакрального города* на фоне *видимость* жизни, ее ритма и наполненности, потому что душа улетела из «тела» города, оставив мертвую оболочку, в виде похожих друг на друга домов «серых, тошных», от которых «исходил запах казарменный, помойный», которые «всплывали, как клякса на промокашке». Отсутствие души, духовной наполненности лишает город его идентичности, поэтому «весь город кажется одной серой, сплошной громадой», пустотой из которой «выкачан воздух», от пустотной безвременности «никуда нельзя удрать... это налетает, как вихрь».²⁵⁷ Город, лишенный самоидентификации, безвременный и бездушный – аллюзия, театральная декорация «после окончания спектакля, никому не

²⁵⁵ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С. 185.

²⁵⁶ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С. 187.

²⁵⁷ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С.180.

интересная и не нужная... в покойницком свете люминисцентных ламп... независимо от меня и не для меня»²⁵⁸.

Улицы города мертвы. Таково впечатление от улицы Кузнецкий Мост, во все времена фешенебельной и шумной: «сейчас он был мертв, тяжелые дома с кариатидами нависали над узким ущельем улицы и давили меня, и лишь легкие, изящные куклы в высоких зеркальных витринах Дома моделей легкомысленно оживляли грустную кладбищенско-пустынную улицу, говоря о тщете этой жизни и превращении всего на свете, в конце концов, в кукольную комедию»²⁵⁹.

Темпоральность города - аллюзия, которая связана с исчезновением творческого духа его создателей, вложивших в архитектурные ансамбли городского пространства духовную силу своего гения, своего таланта. Поэтому мертв барский особняк, куда вселяется наш герой, его исковерканный коммунальными «изысками» вид, напоминает изувеченного операциями инвалида, которому неловко за свое уродство. Ведь невозможно себе представить, чтобы в роскошном бывшем барском особняке сквозь крохотное окно безнадежно сочился серый линиялый свет. Оно «не было никогда окном, не было задумано тем далеким архитектором, кто вдохновенно некогда рисовал на красивой картинке барский особняк, а было просто дырой в глухой стене, прорубленной кем-то из поселившихся тут до меня, так же случайно и дико, по слепой воле, и застекливших эту дыру».

Пространство арбатского дома «замерзшего, заматерелого встретил нас молчанием. Мы шли длинным пустым коридором, кто-то за дверьми в комнатах возился. Оказывается, это шуршали мыши»²⁶⁰.

Дом и время в этом доме мертвы. Это – переделанное под коммунальные нужды пространство кухни «с огромной, как волейбольная площадка, плитой», «крохотный, темный затхлый коридор». Комната героя представляет собой «узкую, вытянутую кишкой комнату, серую, потерянную, с каменным холодом и

²⁵⁸ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.185.

²⁵⁹ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.195.

²⁶⁰ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.63.

плесенью всех военных зим», в которой «стояла никелированная семейная кровать с пробитым матрасом и выскочившими пружинами, некрашеный самодельный топорный посудный шкафчик с щербатыми, набитыми пылью чашками, кривая этажерка со старыми книгами и брошюрами по налоговым вопросам и с пауками, которые неизвестно чем живы были в этой мертвой, оплаканной комнате»²⁶¹.

Перед героем предстал образ мертвого дома «ледяной морг, где лежал труп времени – того, прожитого, мне незнакомого и чуждого и навсегда ушедшего времени, у которого, однако, были свои юность и молодость, свое счастье, прекрасные солнечные утра и тихие вечера, и ночи, и боль, и расставанья, и неутрачиваемая вера в бессмертие»²⁶².

Создается впечатление, что дом этот стоит в ледяной пустыне, хотя находился в самом центре Москвы с окошками «на самую шумную в городе площадь». Единственное, что возвращает чувство жизни в безжизненном пространстве дома, под окном неожиданно возникший перед глазами героя, «снежный тополь», и от этого «на какую-то секунду, пролетело и коснулось, и вольно дохнуло на меня давнее, праздничное детское чувство зимнего рассвета, снежного чуда, чистого белого праздника»²⁶³.

Эта контрастность жизни и смерти возвращает герою чувство времени, *времени прошлого*, он ясно ощущает эти «чужие каменные стены, говорящие о неизвестных жизнях, прожитых в них», в настоящем времени пространство дома и города «с его мышами, с его тенями, тоской и необратимостью». Поэтому ритм жизни, ее темпоральность только в прошлом, в *настоящем* же, как начале жизни в этом доме для нашего героя, лишь *констатация прошлого* времени: «не пыль, а прах лежал на всем, толстый слой серого, ужасного праха истлевших бумаг,

---

²⁶¹ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С.64.

²⁶² Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С.63.

²⁶³ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С.64.

вещей, летних сумеречных бабочек, может быть, ногтей и эпидермы живших тут некогда людей»²⁶⁴.

Единственное напоминание о действительности жизни у К., так именует Б. Ямпольский своего героя, - это экзистенциальное *чувство страха и вины*. Этот страх вполне вписывается в казарменно-учрежденческий тип города. Он тотален также, как и чувство вины за содеянное и несодеянное. Это чувство страха «за сказанное слово и несказанное, за все, что только подумал и даже не подумал, а мог подумать, за мнимые ошибки твои и не только твои, а твоего товарища, и даже не товарища, а знакомого, родственника ближнего и дальнего, родственника, которого ты даже никогда не видел и никогда не знал, что он существует, потому что уехал он в Буэнос-Айрес или на мыс Горн еще в прошлом веке, и там у него родились сын и дочь, и тому сыну или дочери вдруг вздумалось написать тебе письмо как двоюродному брату. Странно, что все это в моей жизни, именно в моей жизни». Поэтому «все время как-то беспокойно, отчего-то тревожно, чувствуешь вину без вины виноватого и ждешь наказания. Наказание неминуемо. Рано или поздно оно придет. Каждое утро – только отсрочка»²⁶⁵.

Эти чувства усугублены собраниями как главными событиями городской жизни, которая «проходила от собрания к собранию, от кампании к кампании, и каждая последующая была тотальнее, всеобъемлющее, беспощаднее и нелепее, чем все предыдущие, вместе взятые. И все время нагнетали атмосферу виновности, всеобщей и каждого в отдельности виноватости, которую ничем никогда не искупить. Надо все время чувствовать себя виноватым, и виноватым, и виноватым, и покорно принимать все наказания, все проработки, все приговоры. И постепенно это ощущение постоянной, неисчерпаемой, исступленной виноватости и страх перед чем-то высшим стал вторым я, натурой, характером. Проснувшись, ты уже чувствовал себя виноватым в чем-то, чего ты еще не знал и не ведал.

²⁶⁴ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.64.

²⁶⁵ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.105.

Кто– то не выполнил плана, где-то случился недород, пропажа зерна, крушение, обвал, гнойник, двурушничество... Читая об этом, ты чувствовал, будто это ты просмотрел, проглядел, прозевал, допустил и тоже лил воду на мельницу. И был под постоянным напряжением, в постоянной бдительности, в постоянной готовности искупить эту виноватость, заслужить доверие. Но доверия, ни полного, ни неполного, все равно никогда не было и не могло быть, и никогда ты не чувствовал себя в порядке, и безопасном благополучии, всегда в любую минуту, днем и ночью, с тобой могла приключиться самая большая, страшная и уже непоправимая, необратимая беда. И ты жил, вздрагивая при каждом косом взгляде, ожидая напасти при каждом повороте, зигзаге, случае»²⁶⁶.

Собрания были следствием бюрократической машины, которая называлась государством и определяла направление деятельности не только Москвы как столицы, но и всей страны. Центральные улицы города выдержаны в сдержанном казарменном стиле: здесь и «Министерство угля, и Министерство нефти, и Министерство черной металлургии, и Министерство цветной металлургии, и различные главки, и все, все было освещено, и пылало, и, казалось, жужжало, как пчелиный улей»²⁶⁷.

Москва послевоенного времени – это уже не «поленовские дворики» или яркие раблезианские «торговые развалы» В.Гиляровского или стены Кремля с разноцветными витражами галерок Н. Шмелева. Это – город-казарма с улицами учреждений с «комендантскими будками с окошечками, как в тюрьме или лагере», где «со звоном открывались железные ворота, и выезжали машины или мотоциклеты с фельдъегерями». Здесь, на этих улицах, когда-то веселого, беспечного и сытого города «бесконечной чередой тянулись темные, мертвые окна бесчисленных министерств и ведомств, расплотившихся, отпочковавшихся друг от друга, разделенных, и вновь соединенных, и вновь раздробленных, разбухших, страдающих водянкой, разных добровольных обществ, за которыми

---

²⁶⁶ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.105.

²⁶⁷ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997.С.106.

не было никакого общества – одна вывеска, одно штатное расписание, одна печать»²⁶⁸.

«Учрежденческий водоворот» вовлек в себя старинные московские улочки и переулки, «подворья, пассажи, боярские палаты, извозчичьи кабаки, кадетские корпуса, бордели, дворцы, иллюзионы, рестораны, гостиницы, танцклассы, вникших в древние стены, башни и башенки китайгородской стены, в подвалы и подземелья Маросейки, Варварки, Солянки...». Он сливается с «черным потоком людей на тротуарах», которые струйками выливались со всех проходных и служебных подъездов. Они «как ошпаренные выскакивали из всех дверей и ворот и, подхваченные вечерней рекой, неслись дальше, плотной кассой, огибая вдруг возникающие на пути у маленьких магазинчиков водовороты» очередей в магазины, на остановках «в длинные, змеящиеся, перегораживающие тротуар, мгновенно меняющие конфигурацию очереди, и когда подходила машина, сбивались в толпу и, держа над головой авоськи с молочными бутылками, жали вперед, отпихивая друг друга локтями, сумками, портфелями, вскакивая на подножку, цепляясь на ходу, впихиваясь»²⁶⁹...

Этот сумасшедший ритм Москвы в «часы пик», после окончания трудового дня, Б. Ямпольский объясняет подсознательным желанием горожан более значимой, светлой жизни, поэтому в этой бешеной темпоральности города, тихо тлеет надежда «побыстрее убежать с этой улицы, и если тут с ними ничего не случится, там, на других улицах будет счастье».²⁷⁰ В этом «старом, усталом городе, все пережившем, все претерпевшем» реален только ритм погони, замешанном на страхе и безнадежности, в остальном город мертв и обездвижен.

Но все же есть и другая улица, она как последняя надежда огромного города, находится здесь, вдали от шумных центральных, там, где творится молитва: «в темном и пустом Борисоглебском переулке. В церкви Бориса и Глеба

---

²⁶⁸ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С. 132.

²⁶⁹ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С. 134.

²⁷⁰ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.

шла служба. В мутном свете переулочных фонарей все притихло... Ах, какая снежная глухомань!»²⁷¹

Темпоральность времени в московских повестях Ю. Трифонова связана с началом «эпохи застоя» конца 60-х начала 70-х годов прошлого столетия, времени, когда заканчивается оттепель 60-х годов, местом действия является Москва – город-мегаполис. Это – период времени бурных новостроек столицы, когда ее границы переходят «через линию окружной, через овраги, поля, громоздит башни за башнями, каменные горы в миллионы горящих окон»²⁷². Новая Москва предстает перед читателем как оазис, белеющий «громадными домами на горизонте». В повестях обозначены места, где живут герои – центр Москвы – Суцеская улица, улица около площади Восстания, Хорошево-Мневники, ГУМ, «улица, которая сейчас не существует», «дом, крепкий, пятиэтажный, построенный в стиле дешевого модерна начала века»... Однако темпоральность времени, развитие Москвы, ее новые районы, транспортные узлы и развязки не связаны с «внутренними» часами, временем, по которому живут герои повести «Другая жизнь».

Повесть «Другая жизнь», которой завершается цикл «Городских повестей» Ю. Трифонова, как бы подытоживает философскую многозначность всех остальных произведений этого цикла. Главные герои повести – семья москвичей, их соседи, друзья и враги.

Центром *экзистенциального события* в этой повести – смерть, вначале отчима Ольги Васильевны, главной героини повести, а затем ее мужа Сергея. Это «рубежное событие» на грани смерти и жизни, повседневности и исчезновения из этой повседневной привычной жизни, дает возможность героине увидеть другую сторону своей жизни, прикоснуться к «другой жизни».

В этой реальности «другой жизни» Ольга Васильевна обнаруживает в знакомых местах города и незнакомых людях новые черты и особенности.

²⁷¹ Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. – М.: Вагриус, 1997. С.175-176.

²⁷² Трифонов Ю.В. Другая жизнь. - М.: Известия, 1979. С.378.

Неожиданно для себя она обнаруживает *ритмы суеты* как проявления *темпоральности повседневности*. Ритмы повседневности регулярны, но суетны. Суета - отмечена как тщетные хлопоты, излишняя торопливость, то, что мудрец Соломон назвал суетой сует. Потому что все забудется и ничего не останется.

Так, в магазине, в суетной толчее повседневных покупок, продуктов, Ольга Васильевна вдруг неожиданно для себя обнаруживает, что люди, стоящие в очереди в кассу, в принципе *не должны этого делать*. Их втянула в этот водоворот суеты привычка, они не должны находиться в этом *месте*, все как «будто забежали сюда по ошибке. Вечерние посетители, озабоченные далекими отсюда мыслями. Продавщицы двигались медленно. На их лицах, как тяжелый грим, лежала дневная усталость». В действительности они «опаздывали домой, в этот час обыкновенно они сидели у телевизоров в домашних туфлях, или занимались мелкою стиркой в ванной, или гладили школьную форму на кухне, постелив на стол старое, в желтых пятнах от утюга байковое одеяльце, все это им еще предстояло, но они не торопились»²⁷³. Это *другое сакральное* видение бессмыслицы обыденной повседневной суеты было неосознанным открытием для Ольги Васильевны той *другой жизни*, в которой жил ее умерший муж: люди в магазине *должны* суетиться и торопиться домой, но они *не торопятся*, потому что суета *не имеет смысла*. Темпоральность жизни должна быть обусловлена *смыслами ритмов*, как бы между текстом обращается к читателю автор.

В повести монологичная исповедальность героини повести раскрывает обыденность ее жизни: детство, юность, институтские годы, связанные с главным событием в ее жизни – встречей с Сергеем, замужество, рождение дочери... Это, как ей кажется, «долгая жизнь, необозримая памятью», пролетевшая «быстро и кратко». Но эта темпоральность жизни обманчива, она есть видимость, фикция: «то, что было долгим, теперь похоже на миг, а нынешний миг тянется без конца, без смысла». Обыденность и повседневность жизни граничит с определенными заведенными порядками, регулярностью этих порядков, их ранжированностью.

---

²⁷³ Там же. С. 388.

Повседневность есть высшее проявление обыденности, ведь культура повседневности создает упорядоченный, регулируемый, рациональный мир. Темпоральность повседневного заключает в себя настоящее, исключая прошлое и будущее, которое заточено в настоящем. Обыденность как ценностное качество жизни определяет ее как свойство определенной унификации и стандартизации. Обыденности – серости, предсказуемости, противопоставляется необычность – яркость, непредсказуемость, повседневности – профанность – неповседневности – сакральность.

Жизнь Ольги Васильевны после смерти мужа была наполнена ритмами повседневности, обыденности: привычные подъемы утром, завтраки, работа, возвращение домой, походы по магазинам. Вся повседневная жизнь, день за днем убивала однообразием. «Будильник звонил в семь. Врывал из вязкого, опустошающего забытья. И так продолжалось много дней, похожих один на другой, хотя временами было солнечно, а то шел дождь или снег, но однажды она проснулась раньше будильника и, босая, подошла к окну, откинула занавеску и посмотрела в сторону парка: там над деревьями, над зубчатым, из крыш и труб, темным окоемом выкатывался в слабо светящееся небо красный шар солнца. Она распахнула форточку. Ветер, летевший со стороны парка, обнял ее усталую кожу, и грудь напряглась от холода. Босыми ногами она почувствовала, как дрожит пол от неясного подземного гула»²⁷⁴.

Это пробуждение Ольги Васильевны симптоматично на фоне раннего восхода солнца, природы московского парка как осознания, как и то, что человек, с которым она прожила много лет, был из той «другой жизни», которую после его смерти тщетно пытается осмыслить героиня повести.

Смыслы темпоральности жизни непосредственны выплескиваются из сердца нашей героини неожиданными воспоминаниями, они высвечиваются отчетливо и ясно, вдруг, когда не ожидаешь, как луч света, радуга, потому что была любовь, счастье, все, что остается в памяти навсегда. Поэтому внезапно

---

²⁷⁴ Трифонов Ю.В. Другая жизнь. - М.: Известия, 1979. С.390.

знакомые московские места вызвали в героине давно забытые воспоминания: «Вчера ездила по делам на Ново-Басманную, вышла из метро «Лермонтовская», и сразу — укол в сердце, вспомнила, как зимою, в сильный мороз, бежали отсюда по Садовой вниз, в гости к кому-то. Седьмой месяц, но легче не делается»²⁷⁵.

Трифонов – мастер недосказанности, загадки, он не претендует на собственные авторские оценки. Это – автор, который предельно объективно излагает события, переживания героев, рисует их поступки и жизненные мотивации. Он обращается к читателю, понимая, что каждый человек раскроет для себя его недосказанность по-своему.

На наш взгляд, Ю.Трифонов рисует образ Москвы, огромного города, сакральный смысл которого определяют *москвичи*, люди, которые своей жизнью формируют его облик, духовный стержень города *как места*. В этом плане Москва – *жизнь* одного человека и многих других людей, проживших в ней определенный период времени, оставивших здесь след своего творчества, характера, эмоциональных воспоминаний, всего того, что выделяет этот город от других мест обитания, придает его образу нравственно-эстетическую значимость.

«*Другая жизнь*» Ольги Сергеевны возникает в экзистенциальном поле противопоставления жизни-смерти. Смерть Сергея переворачивает ее миропонимание: «Понять себя, боже мой, для начала! Нет, не хватает сил, не хватает времени или, может быть, недостает ума, мужества... Вот она, к примеру, биохимик, заведует лабораторией, на хорошем счету, получает премии и прибавки к зарплате, но истинное ее предназначение здесь ли? Сама говорила: как жалею, что не пошла в прикладное искусство! Так люблю что-то делать руками, лепить, вырезать»²⁷⁶. В ее позитивистское мироощущение жизни закрадывается сомнение: «И вот он исчез. Его нет нигде, он присоединился к бесконечности, о чем говорил когда-то легко, куря сигарету. Боже мой, если все начинается и

²⁷⁵ Трифонов Ю.В. Другая жизнь. - М.: Известия, 1979. С.392.

²⁷⁶ Трифонов Ю.В. Другая жизнь. - М.: Известия, 1979. С.395.

кончается химией — отчего же боль? Ведь боль не химия? И их жизнь, померкшая внезапно, как перегоревшая лампа, разве была соединением формул? Человек уходит, его уход из мира сопровождается эманацией в форме боли, затем боль будет гаснуть, и когда-нибудь — когда уйдут те, кто испытывает боль, — она исчезнет совсем. Совсем, совсем. Ничего, кроме химии... Химия и боль — вот и все, из чего состоит смерть и жизнь»²⁷⁷.

Сомнения рождают мысли о том, какая она «другая жизнь», но в каком опыте она возможна: «Откуда, бог ты мой, возьмется другая жизнь? Переехать из дома в дом? Купить новый портфель? Начать ходить вместо той конторы в эту? Ведь, в сущности, повсюду одно и то же»²⁷⁸.

«Просто жизнь, хорошая ли, не очень хорошая, плохая, скверная, не имело значения, жизнь — этим все сказано. Жизнь есть, и жизни нет, промежуточного не существует. Все в мире относится туда или сюда, и, может, в этом в единственном скрыто не только вечное ее, Ольги Васильевны, страдание, но и надежда. Тогда она этого не понимала, теперь лишь догадывается, и то смутно»²⁷⁹.

Неповседневное, необычное — то, что составляло сущность характера Сергея, главного героя повести, мужа Ольги Васильевны. Другая жизнь Сергея — это определение своего места в историческом потоке времени. Смысл истории и человеческой жизни — в общем потоке времени, ведь «человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и — по нему определить многое». Это — главный предмет научных поисков героя повести, его бескомпромиссности в отстаивании своих убеждений и принципов. Это — человек, который исследует смыслы, он из «другой» неповседневной, профанной жизни, поэтому его поступки непонятны окружающим: они нестандартны и не укладываются в рациональную схему повседневности.

---

²⁷⁷ Там же. С.396

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. С.399.

Человек причастен к вечности своими генами, своим родом, поэтому он «никогда не примирится со смертью: в нем заложено ощущение «бесконечности нити, часть которой он сам. Не бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду...».

Поэтому *темпоральность профанного повседневного* – это *настоящее, которое не переходит в вечность. Сакральность повседневного* – ощущение *настоящего, переплетенного с вечным*. Профанность повседневного не только в отсутствии смысла в человеческой деятельности, это *разрыв настоящего с вечным*.

Настоящее в сопряжении с вечным заключено в том, чтобы история как «магическое зеркало времени по которому можно угадывать будущее», оно только тогда возможно, когда есть силы «проникнуть в другого, отдать себя другому, исцелиться пониманием, эта песня безумно долга...». Поэтому «мы удивляемся: отчего не понимаем друг друга? отчего не понимают нас? Все зло отсюда, кажется нам. О, если бы нас понимали! Не было бы ссор, войн... Парасихология — мечтательная попытка. Но куда же мы, бедные, рвемся понять других, когда не можем понять себя? Понять себя, боже мой, для начала! Нет, не хватает сил, не хватает времени или, может быть, недостает ума, мужества...». ²⁸⁰Потому что, «если думать о себе, которому эти хитроумнейшие и ничтожные уловы нужнее всего, тогда, может быть, есть смысл продолжать закидывать свои крючочки, но так скучно думать о себе. Однажды становится дико скучно. И вдруг сверкнет как догадка, как слабая заря за стволами — другая жизнь...»²⁸¹.

Этот долгий путь героев повести, перемешиваясь с воспоминаниями, снами, будничной повседневной жизни заостряется на одном из них, который представляет собой образ долгой дороги к Храму.

²⁸⁰ Трифонов Ю.В. Другая жизнь. - М.: Известия, 1979. С.402.

²⁸¹ Там же. С.404.

Герои повести, блуждая по лесу, по болотцу, как прообразам жизни всего народа, с трудом взбираются по крутой лестнице на колокольню сельской церквушки, где перед ними простирается Москва, их город, город их жизни.

Москва «уходила в сумрак, светились и пропадали башни, исчезали огни, все там синело, сливалось, как в памяти, но если напрячь зрение, она могла разглядеть высотную пластину Гидропроекта недалеко от своего дома, а он мог отыскать туманный колпак небоскреба на площади Восстания, рядом с которым жил. Наверху был ветер, вдруг ударило резким порывом. Она потянулась к нему, чтоб заслонить, спасти, он ее обнял. И она подумала, что вины ее нет. Вины ее нет, потому что другая жизнь была вокруг, была неисчерпаема, как этот холодный простор, как этот город без края, меркнувший в ожидании вечера»²⁸².

---

²⁸² Там же. С.403.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ:

1. В результате культурно-исторического анализа исторических документов, выдержанных в духе строгой регламентации документированных исторических фактов, событий и культурологических исследований (Глазычев В.Н., Лотман Ю.М.) нами была определена роль *города* в становлении и развитии *российской государственной державности*.

2. Выявлено, что города Киев – Москва – Санкт Петербург определяли историю российского государства как *историческоекультурное событие*, выражающего смысловой контекст российского государства в целом. Данные города в культурно-историческом развитии российского общества и государства выражают *символы* государственности в определенные периоды истории.

3. *Киев* – первопрестольный град русской державности – Киевской Руси – *символ* праматери городов русских, *город-защитник* и *город-герой* символизирует *начало российской державности*, связанной с *принятием христианства*, *символом объединением русских городов*.

4. *Москва*- Третий Рим – явилась *символом православия*, в деле укрепления *государства и объединения православных народов*.

5. *Петербург (Санкт-Петербург)* – *символ* русской *императорской державности*, нового *культурного поворота* в государственной и культурной жизни.

6. В феноменологии города важным элементом является его образное изображение, например, *образ* Москвы, как *символа упадка государственности* в начале царствования Петра Первого. Этот образ вбирает в себя идею не только нового курса державности государства, но и необходимость *реформирования столицы* как *нового пространства (места)*, в контексте исторического культурного поворота страны.

7. В данном параграфе на основе образного изображения Петербурга и Москвы как «второй столицы» российского государства предреволюционного времени 1917 года в произведениях А. Белого, Н. Шмелева, В. Гиляровского

представлен портрет *повседневной культуры города*. Культурологический портрет по своему содержанию - хронотоп как своеобразное «застывшее» *единство пространства и времени*, которое в нашем исследовании обозначено в различных жанрах: поэтическом А. Белого, эссеистском И.Шмелева, В. А.Гиляровского.

8. Петербург и Москва в интуитивно- поэтическом восприятии А. Белого запечатлен как образ концентрации городского пространства геометрически правильных линий, островов, которые ассоциируются как эфемерность места, зиждящегося на неустойчивой основе – болотистой местности, топи, не предназначенной для строительства, возведения державной культуры на эфемерности, туманности, неопределенности. Поэтому пространство Петербурга, на взгляд поэта, будет поглощено временем, которое «осмысливает и измеряет пространство» (Бахтин М.М.). Москва, в отличие от Петербурга, своим «паучьим» пространством поглощает его, провозглашая консерватизм времени.

9. Черты Москвы, ее образные приметы представлены у И. Шмелева сквозь пространство и время, в период эмиграции, вдали от родины, в его ностальгической повести «Лето Господне». Здесь город как «пространство осмысливается и измеряется временем» (Бахтин М.М.), Москва – религиозна и свята, ее консервативность определяет ее достоинство.

10. В. А. Гиляровский вносит черты *повседневности* в облик Москвы, подчеркивая ее пространственно-временную содержательность, рисуя *«телесный» облик* Москвы, ее «раблезианскую» *повседневную культуру*.

11. В повести Б. Ямпольского «Арбат - режимная улица» образ города в тисках тотального контроля, слежки, всеобщей унификации, подчиненной непререкаемым стандартам и правилам представлен как *город-тюрьма*, лишенный самоидентификации и своеобразия. Режим тюремной жизни предполагает отсутствие свободного волеизъявления, страха и неизбежности наказания. Этот эмоциональный дискурс городского пространства определяет *безжизненность и безвремяе* города и его жителей как единого целого.

12. Темпоральность времени городского пространства в романе проявляется в ритмике городского движения, которое ощущается героем романа как образ погони, нагнетаемый страхом и наказанием, желанием обрести душевное равновесие и счастье.

13..События в образе «режимного города» Б. Ямпольского заточены на коллективных собраниях, усугубляющих вину и наказание ни в чем неповинных.

14. В повести представлен образ городского пространства как «пустота», декорация, лишенная смысла. Город лишен своей сакральности, того духовного смысла, который скрыт в символике его пространства, заточенной в духовном стержне его истории, духовном творчестве создателей. Пространство (место), лишенное сакрального смысла лишено и темпоральности, которое в режимном городе - только в прошлом, в *настоящем* времени ритмы темпоральности есть лишь *констатация прошлого*.

15. В повести Ю. Трифонова «Другая жизнь» главное экзистенциальное *событие*, разрушающее повседневность, обыденность сущего – смерть героя повести. Экзистенция события обнаруживается в соотношении профанности и сакральности (повседневного – внеповседневного) в контексте темпоральности времени.

16. Повседневность жизни эпохи советского застоя в образах Москвы и москвичей в повести Ю.Трифопова изображена как привычная, обыденная жизнь в рамках существующих принятых правил и стереотипов, что представляется главному герою Сергею *профанацией* повседневного существования. Бунт против этого заканчивается его смертью. Город как пространство (место) обитания героев не является фактором влияния на темпоральность событий их жизни. Город как пространство фиксирует *необходимость* жизненных перемен в моральном выборе героини повести, включая ее в сакральные ритмы темпоральности.

17. В повести Ю. Трифонова «Другая жизнь» повседневность как стереотип лишена темпоральности как качественной (смысловой) характеристики времени.

Здесь размывается соотношение сакрального и профанного, заключенного в стереотипы повседневного существования. Экзистенциальное событие – смерть героя повести - манифестирует «выход» за пределы привычного, внеповседневного, когда темпоральность вновь обретает свою смысловую определенность.

ГЛАВА 3. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГОРОДА В ОБРАЗАХ СЛОВЕСНОЙ КУЛЬТУРЫ

3.1. Город как тело. Мужскость и женственность в образах Лондона (П. Акرويد «Лондон. Биография»)

Цель: Представить культурологический анализ биографического образа Лондона по работе П. Акроида «Лондон. Биография», обозначив гендерные признаки города в контексте его семиосферы.

Задачи:

1. Рассмотреть город (Лондон), как образ живого существа, обладающего пространственной телесностью, гендерными чертами;
2. Представить семиосферу города (Лондон) в контексте мужскости;
3. Выделить черты мужскости Лондона, такие как самостоятельность, суверенность, свирепость, суровость и др.;
4. Определить гастрономическую идентичность города в его гендерном проявлении;
5. Рассмотреть сакральную реальность Лондона в дискурсе «гения места» как синтез его материальных и духовных ресурсов.
6. Раскрыть архетипические черты Лондона как города-ада, «земного града».

Питер Акرويد (Peter Ackroyd) практически все свое литературное творчество обращал к биографиям. Он посвятил свой роман «Большой лондонский пожар» (1982) Ч. Диккенсу, «Завещание Оскара Уайлда» (1993) – биографии знаменитого поэта, а также написал биографии Т.С. Элиота, У. Блейка, У. Шекспира.

В биографии Лондона П. Акرويد в строгой документальной форме обозначил город как *живое существо*. Его переулки и улицы – вены и капилляры, а парки – легкие. И сам Лондон – темно-красный, как человеческое тело без кожи.

По замечанию хирурга У. Гарвея, шланги пожарных выталкивают воду толчками, подобно артериям. «Так бьется жаркое сердце Лондона», – восклицает Акройд²⁸³.

Питер Акройд был не первым писателем, кто сравнил город с живым существом. В этой связи достаточно вспомнить М. Горького, его памфлет «Город Желтого Дьявола» (1906) и Дж. Джойса «Улисс» (1921). Но он был первым, кто сравнил Лондон с человеком и чудищем одновременно. Повествование Акройда перемежается цитатами «визионеров» – известных людей, живших в Лондоне и писавших о Лондоне. Название Лондона происходит от « Llyn-don – город или крепость (don) на озере или реке (Llyn), – но тут пахнет скорее средневековым валлийским, чем кельтским. Возможно, название происходит от Laindon, «долгий холм», или от кельтского lunnd, «болото». Одна из наиболее интересных догадок с учетом склонности лондонцев к насилию, ставшей позднее общеизвестной, – происхождение этого названия от кельтского прилагательного londos, означающего «свирепый». В книге приводится легенда, взятая из «Истории Британии» Д. Мильтона, согласно которой основателем города был правнук полумифического Энея Брут, основавший Новую Трою. Происхождение имени «Лондон», Акройд связывает с именем «Луд», короля, правившего Лондоном до пришествия римлян. Лондон всегда был главным торговым городом страны, независимо от правителей страны.

Имя имеет большое значение для характеристики сакрального смысла города. В этом плане происхождение имени, согласно легенде, указывает на *мускулинность* характеристики города, его семиосферы.

Мускулинность Лондона определялась, прежде всего, с его *самостоятельностью* и отстаиванием своей *суверенности*. Такими же были его прародители, отличавшиеся упрямыми, свирепыми и жестокими нравами. Культурным символом силы и власти города Лондона, его основанием считается камень, который был глубоко почитаемым. По легенде здесь было место, где

---

²⁸³ Акройд, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акройд. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.1

совершались друидские обряды и закалываемые жрецами жертвы «испускали на Лондонском камне громкие стоны». «Когда на Лондон напал знаменитый мятежник Джек Кейд, - подчеркивает П. Акроед, - он и его сторонники отправились к этому камню; Кейд коснулся его своим мечом и воскликнул: «Теперь Мортимер, – так он себя называл, – станет повелителем сего города!» Первым мэром Лондона в конце XII столетия был Генри Фицэйлуин де Лондонстоун, тезка Лондонского камня. Поэтому представляется вероятным, что этот древний камень стал каким-то образом символизировать силу и власть города»²⁸⁴.

Лондон до XI в. был независимым городом, перетерпевшим множество нападений и войн, затем отошел под юрисдикцию короля.

Мускулистый характер Лондона всегда отличали *сложные отношения с королевской властью*. Лондон всегда стремился к *независимости и самостоятельности*. Однако, сохраняя самостоятельность и суверенность, город все же не мог игнорировать власть короля: это касается всех верховных правителей Британии, начиная с Альфреда Великого.

Акроед постоянно подчеркивает *свирепость и ненасытную тягу к истреблениям* Лондона и его обитателей. Так «в 60 году н. э. королева древнебританского племени иценов Боудикка с ее свирепыми воинами опустошила город огнем и мечом, мстя тем, кто пытался продавать в рабство иценских женщин и детей». Лондон пережил в своей истории немало таких эпизодов. Именно поэтому П. Акроед с горечью говорит об «обратном бумеранге» судьбы, которая не избавила Лондон и лондонцев от многочисленных пожаров и бедствий. Красные следы окиси железа в слое жженой глины, дерева и золы – следы сожжения и крови. Именно поэтому «цвет Лондона – красный, это цвет пламени и разрушения», но, скорее всего, его роль была менее мрачной.

---

²⁸⁴Акроед, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акроед. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.15.

П. Акرويد рассматривает «одушевленность» Лондона, что связано с его ростом и влиянием. *Genius loci*, гений места (П. Вайль) – это, по мнению Акроида мускулистый Лондон, это – реальность, вобравшая в себя мускулистые творческие и материальные силы географического места, характера, нравов и творческого потенциала его обитателей. В этом своеобразная «одушевленность» Лондона: как одушевленное существо, Лондон рос и распространял вокруг свое влияние, как материальное, так и духовное.

Лондон *рационален в своей повседневности*. Эта черта проявляется в ранжировании в трудовой деятельности. Торговля и ремесленничество распределялось по «кланам». Перепродажей поношенной одежды занимались евреи, пекарями были шотландцы, подсобными рабочими – ирландцы. В то время как более квалифицированными строителями или «кирпичниками» были коренные лондонцы. Торговля также распределялась по выходцам из регионов: молочники были из Уэльса, торговцы льняным товаром – из Манчестера и т.д. Рабочая «стратификация» была свойственна всей торгово-ремесленной жизни Лондона.

В XI веке изменяется *управление города*. К этому времени уорд, во главе – олдермен становится основной территориальной единицей, который одновременно являлся и военачальником. Таким образом, «уорд был не просто сообществом горожан, управляющих своими собственными улицами и лавками, но еще и военной единицей: в середине лета проводился ежегодный смотр, когда, согласно одному официальному документу эпохи Генриха VIII, «каждый олдермен выводил свой уорд в поля и проверял у людей оружие, следя, чтобы у всякого были меч и кинжал, и те, кому не способно быть лучниками, отправлялись в копейщики». Вплоть до XIV века Лондон в документах именуется «республикой», с хорошо вооруженной армией. Самостоятельность города выражалась в том, что вынуждено была издана «Хартия», согласно которой лондонцам разрешалось жить по законам, которые устанавливал сам город. В XII веке в городской летописи «*Liber Albus*» («Белая Книга»), власть

города переходит к мэру, которого «знать града Лондона будет ежегодно избирать из своих рядов мэра... при условии, что ее избранник непременно будет представлен Его Величеству королю, а в отсутствие короля – его юстициарию». Мэр и совет *прові номінес* (честных людей) из олдерменов «получили официальный и весьма высокий статус. Честь быть первым мэром Лондона выпала Генри Фицэйлуину оф Лондонстоуну, который оставался на этой должности двадцать пять лет, до самой своей смерти в 1212 году»²⁸⁵. Этот факт узаконил Лондон как важный административный центр, дальнейшее развитие которого было связано с возникновением целого ряда муниципальных образований. Лондон стал центром Англии, в кровавых событиях, отражавших борьбу за власть («кто владеет Лондоном, тот владеет властью») и происходившим в этом городе, отразилась вся история страны.

Нравы Лондона этого времени отражают *свирепость и кровожадность* этого мускулиного города. П. Акرويد подчеркивает: «люди были вспыльчивы, и жизнь ценилась очень дешево». Так, он приводит документальные факты, свидетельствующие о том, что «Генри де Бук убил ножом некоего ирландца, мастера по кладке черепицы, на Флит-Бридж-стрит, и спрятался в церкви Сент-Мэри-Саутуорк. Он признал свою вину и... отрекся от подданства. Никакого имущества у него не было»²⁸⁶. Ссора троих мужчин в трактире на Милк-стрит привела к трагедии: на одного из них напали с «ирландским ножом» и «мизерикордом» (кинжалом, которым «милосердно» добивали поверженного врага); смертельно раненный человек добрался до церкви Сент-Питер на Чипсайде, причем никто из свидетелей драмы не предложил ему помощь»²⁸⁷.

Портрет Лондона был бы неполным, если не подчеркнуть его внешнюю атрибутику. Характерными, только Лондону, присущими чертами были *необычные шумы, звуки и лондонская грязь и пыль*. «На улицах звонили колокола, грохотали телеги, перекрикивались торговцы, лаяли собаки, хлопали на ветру

²⁸⁵ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.45.

²⁸⁶ Там же. С.58.

²⁸⁷ Там же. С.60

вывески», пишет Акройд²⁸⁸. «Но был и еще один звук, относительно непривычный для лондонцев более поздних поколений, – а именно журчание воды. В XVI столетии по городу бежали ручьи и речки. Звук воды, льющейся из пятнадцати трубопроводов, смешивался с шумом Темзы и плеском ее волн, слышными на всех улочках и дорогах, ведущих к реке. Вода из Темзы перекачивалась в маленькие деревянные трубы с помощью огромных колес, и их бесконечный скрежет тоже вплетался, в и без того, оглушительный шум города». Причем «шуметь – это привилегия лондонцев; следовательно, шум есть органическое и неизбежное условие существования города. Например, лишить уличных торговцев и разносчиков права кричать значило бы обречь их на гибель»²⁸⁹.

Шум, похожий на львиный рык («слово«рев» намекает на присутствие гигантского зверя (П. Акройд)»), характеризует Лондон во все времена его существования. Этот «тот трудноописуемый, но постоянный далекий рокот», переходящий из шум а– рокота - в рев подчеркивает, по мнению автора, что Лондон – *живое существо, гигантский зверь*²⁹⁰, а шум - это кровь Лондона, которая «стремительно бежит по тысяче его сосудов, – явление, впрочем, отнюдь не досаждающее коренному лондонцу, как не досаждал дикарю-индейцу, ютящемуся у подножия водопада, его вечный гул». Это –естественная стихия Лондона – живой нерв «гения места», это и образ лондонцев «неукротенных и неукротимых».

---

²⁸⁸ Акройд, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акройд. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.78.

^{289 289} Акройд, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акройд. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.170.

²⁹⁰В каждом случае, хотя порой и с известной тревогой, отмечается присутствие некоего живого существа; это одна гигантская жизнь, Шум голосов, без которого прежде нельзя было представить себе городские улицы, нынче почти совсем с них вытеснен – разве что иногда раздастся одинокий голос человека, отвечающего по мобильному телефону более громко и отрывисто, чем это бывает в обычном разговоре.

«Звуковой ландшафт» города подтверждается манерами поведения его жителей, которые, по свидетельству автора, «отличались от своих современников тем, что говорили громче их, почти кричали, – и теперь весь Лондон превратился в один сплошной нескончаемый крик». Эхо также является приметой города, которое возникает на его узких улочках. Это- «эхо торопливых шагов», которые «раздавались в самом центре Сити в течение многих сотен лет, и возможно, что истинно лондонским звуком является именно эхо шагов случайного прохожего, лучше всего передающее постоянство и переменчивость этого великого города».²⁹¹

Характерным атрибутом лондонского городского пространства - угольная пыль и грязь, которые сопровождали его жителей повсеместно. Это была еще одна культурная примета города: дома лондонцев нуждались в обогреве, но не было соответствующих дымовых коммуникаций, поэтому угольная пыль, исходящая из труб каминов, буквально пропитывала все лондонское пространство. Темный и давящий покров, по свидетельству автора, - создается «немногими дымоходами и трубами, принадлежащими лишь *пивоварам, красильщикам, обжигальщикам извести, солеварам, мыловарам* и некоторым иным частным промышленникам, из чьих *отдушин* всякая в одиночку заражает воздух сквернее, чем все дымоходы Лондона, взятые вместе». Грязь была, также, «особого рода» - жирная и черная» во все времена года, за что Лондон, получил прозвище «*Lordo [Грязный], чем Londra [Лондон]*»²⁹².

Грязный Лондон – это типичный образ города в средние века, что осталось в наименованиях улиц, которых «насчитывалось почти два десятка Грязных переулков, Грязных холмов и Грязных улиц; не обошлось без Чернильного тупика, Поганого переулка и Мертвецкой площади. Ломбард-стрит в Сити – в

---

²⁹¹ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.175.

²⁹² Там же. С. 119.

самом центре капиталистического империализма – была улицей чрезвычайно мрачной»²⁹³.

Грязь, пыль и копоть в Лондоне была обычным делом на протяжении многих столетий. П. Акرويد подчеркивает этот факт: «даже в середине XIX века, согласно журналу «Куортерли ревью», в Лондоне не было ни одного мужчины и ни одной женщины, «чьи кожа, одежда и ноздри не были бы с неизбежностью в той или иной степени загрязнены смесью гранитной пыли, копоти и веществ еще более тошнотворных»²⁹⁴. Образ «черного пронзительного города», «безнадежного города без единого просвета в свинцовом пологе его небес», черных улиц как образа «черного сердца» Лондона находит свое отражение в романах Диккенса в XIX веке.

Это «адское и гнетущее облако УГОЛЬНОГО дыма» лондонского пространства рождает ассоциативные образы с «гиблым местом», «адам на земле», который «разъедает само железо и портит всякую мебель и прочую движимость, оставляет копоть на всякой вещи, коей касается, и так губительно действует на легкие горожан, что кашель и чахотка не щадят никого»²⁹⁵.

Город как ад с его звуковым ландшафтом, разноцветным смогом, разнородными толпами спешащих людей ассоциируется у Ф.М. Достоевского с Вавилоном, «исчезнувшим» городом. П. Айкрод приводит в этой связи впечатления Достоевского в 1863 году, после поездки в Лондон: «Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться... и не обоготворить Ваала». Но «Ваал царит и даже не требует покорности, потому что в ней убежден... Бедность, страдание, ропот и отупение массы его не тревожат нисколько». Рабски служащие и поклоняющиеся ему язычники бессильны, когда с началом каждого дня «тот же гордый и мрачный дух снова царственно проносится над исполинским городом»²⁹⁶.

²⁹³ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.204.

²⁹⁴ Там же. С.211.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.219.

Особенность Лондона – это знаменитые лондонские туманы, которые придают городу странный фантастический колорит: от черного до бутылочно-зеленого, коричневого и желтого цветов. Туман был настолько устым и насыщенным, что уличное движение останавливалось и «нечем было дышать». Туман «пронизывал дневной свет, порой перемешивались клубы двух разных цветов. Чем ближе к сердцевине города, тем темней становились эти оттенки, вплоть до «туманной черноты» в некой мертвой точке».

Этот лондонский смог был результатом работы дымовых труб, городские испарения и канализация. Сумрачность Лондона усугублялась копотью, которая покрывала «самые ценные наши строения тонким налетом копоти... вскоре они превратились в темные, сумрачные массы... вся игра светотени пропала». Поэтому строения города облицовывали «ярко-красным кирпичом и блестящей терракотой», чтобы архитектура Лондона сохранилась.

Каждый город имеет свою цветовую гамму. Лондонский цвет – красный, поэтому «черепица римского Лондона была красной, в красные одежды одевались и чиновники Лондона, в красный цвет были окрашены некоторые учреждения города, позднее телефонные будки и автобусы стали красного цвета. А еще цвет пожара – красный». Пожары сопровождали Лондон повсеместно и были самыми свирепыми и сокрушительными.

Еще одна черта Лондона – его *ритмы*. Ритмы города соответствуют той деловитости и рациональности, которая была ему свойственна. *Рациональная повседневность* вполне вписывается в мускулистый образ этого города. Прежде всего – это *регулярность*, которая является смыслом повседневной жизни. Это – четкий, подчиненный традиционности ритм: «открывается и закрывается биржа, наполняются клиентами и пустеют банки Ломбард-стрит, вспыхивают и гаснут огни магазинов»²⁹⁷.

---

²⁹⁷ Акройд, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акройд. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.248.

Тело Лондона – это не только его архитектура и инфраструктура, это толпа, поддерживающая его темпоральность, ритмику сердца этого огромного организма, которую «поезда и omnibus доставляли из пригородов в центр громадные множества пассажиров. То, что город всасывает утром, он извергает вечером – его ..извечная пульсация людской энергии и массы». «Сити глубоко волнует, - замечает Шарлотта Бронте, - «Сити намного серьезнее; его бизнес, его быстрота, его шум – все это такие серьезные явления, виды, звуки... Вест-Энд развлекает, Сити – глубоко волнует». Ритмика города замирает «и прилив сменяется отливом... по тысячам улиц горожане возвращались в свои дома».

«Город – это одна исполинская людская масса», – пишет он.²⁹⁸ Постоянное движение людей будоражит человека. Человек в толпе приобретает несвойственные ему качества. Он становится агрессивен и безответственен. Толпа провоцирует и расовые беспорядки. На свойства толпы указывали еще Горький («Моб») и Ризмен («Толпа одиноких»). Тоска и скука – вот главные катализаторы толпы. Именно они провоцируют толпу на агрессию.

Акройд пишет, что «город притягивает как магнит»²⁹⁹. Это действительно так. Но Лондон вытягивает из людей жизнь, энергетику. Это – город-вампир. Так по числу самоубийств город занимает одно из первых мест в Европе. Он приводит карикатуру, на которой изображены два человека. Один – изможденный и потерянный бредет из Лондона; другой – полный жизненных сил и энергии направляется в город и спрашивает первого: «Правда, что в Лондоне мостовые вымощены золотом?».

Люди в Лондоне разобщены даже в толпе. Это некий «маскарад маньяков», «парад призраков». Громадное тело Лондона как бы поглощает людей, временность и тщетность их бытия очевидна, поэтому «усталость и апатия, написаны на многих лондонских лицах тех лет. Если город постоянно напоминает

---

²⁹⁸ Акройд, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акройд. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.373.

²⁹⁹ Там же. С.257.

тебе, что одна человеческая жизнь мало чего стоит, что она лишь слагаемое общей суммы, у тебя может возникнуть ощущение тщеты»³⁰⁰.

Желанием отгородиться от огромного «всепоглощающего тела» Лондона, можно объяснить обособленность их жизнеустройства. «Домовладельцы отгораживались от соседей каменными стенами; нечто подобное наблюдалось в тавернах, где устанавливались деревянные перегородки, «дабы сидящие за одним столом не видели, что делается за другим». Это было желание «защитить свою частную жизнь», что является характерной чертой жителей Лондона.

Гастрономическая культура Лондона, также, демонстрирует черты *мускулинности*.

Лондонцы всегда предпочитали *мясную пищу* во всех ее кулинарных особенностях. Мясная пища – это, прежде всего пища мужчины, которому она необходима для поддержания силы. Говядина, свинина и баранина всегда были в изобилии. Мясо было доступно не всем, а только зажиточным лондонцам. Бедняки ели в основном хлеб. Причем, нехватка хлеба довольно часто вызывала голодную смерть. Средний ежедневный заработок разнорабочего составлял шесть пенсов, в то время как пирог с мясом стоил – семь. Довольно часто можно было увидеть бедняков, сидящих вокруг решетки с раскаленным углем и жарящих на ней ломти хлеба. Так появились первые «тосты», пища бедняков.

Распространенным видом мяса была дичь, благо в окрестностях Лондона она водилась в избытке. Оленина, кабанятина, куропатки, дрозды были обычной пищей для зажиточных лондонцев. Овощи были не в почете, хотя «спелая спаржа с курицей» часто продавалась прямо на улице. Дешевой пищей считались «дары моря» – устрицы, крабы, миноги, угри.

Издавна в Лондоне существовали «пункты общественного питания» - харчевни. Они представляли собой довольно затрапезное зрелище, но популярное среди всех слоев населения. В них подавались жареные каплуны, оленина, лебеди,

---

³⁰⁰ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.181.

осетры, не считая различных видов мяса – типа ягнятины и «требухи» – почек, рубца, запеченных и вареных голов. Ростбиф и устрицы считались знаком общественного статуса.

С XVII века в Лондоне появились «кофейни». Первая кофейня была открыта в 1652 году. В «Топографии Лондона» приводится «меню» таких кофеен: «Турецкий напиток – кофе, другой напиток – чай, третий напиток – шоколад – чрезвычайно сытный»³⁰¹.

Во второй половине XIX века различные «snor-houses» («котлетная») и «beef-houses» («бифштексная») уступают место «Dining-halls» первым ресторанам. Если «dining - halls» существовали при гостиницах и новых отелях, то «refreshment-rooms» («буфеты») – при железнодорожных вокзалах. Постепенно в рестораны стали допускать женщин и в них зазвучала музыка. Но большинство этих заведений не могло похвастаться качеством еды. Лишь рестораны в Сохо выдерживали достойный уровень пищи, видимо сказывалось влияние кухни других стран – в первую очередь, французской и итальянской, а также китайской. С XIX века в Лондоне появляются заведения с «быстрой едой» – провозвестники современной fast-food – «Сэндвич-хаусы». В них, кроме сэндвичей, продавались «fish&chips», печеная картошка, можно было выпить чашку чая или кофе.

Питейные заведения заполнили весь Лондон. Простолюдины пили в неумеренном количестве пиво или эль, люди побогаче – виски и вино. Но и те, и другие пили джин. Джин буквально захлестнул город.

На «базе» питейных заведений возникли лондонские клубы. Они выросли из харчевен и кофе-хаусов. Первоначально в этих заведениях собирались люди «по интересам», а также представители разных профессий для встреч со своими клиентами. Затем эти люди стали объединяться и организовывать свои собственные «ведомственные» заведения. Слово «клуббинг» появилось еще в XVII веке. Правда, исследователь ничего не говорит об аристократических

---

³⁰¹ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.271.

клубах, расположенных на улицах Pall-Mall и St. James, но нетрудно предположить, что их происхождение то же.

Таким образом, пища являлась способом *гастрономической идентификации* не только личности, но и сословий, определяла их гендерные (мускулинные) проявления.

«То, что огромный город пожрал, то он должен неизбежно извергнуть в виде отбросов и экскрементов», – пишет Акройд³⁰². Состояние городских свалок и канализации всегда было огромной проблемой для Лондона. В римские времена эта проблема не выходила за рамки других городов, во времена англо-саксов на нее просто не обращали внимания. Но, по мере развития цивилизации, она превратилась в острейший вопрос. В 1349 году Эдуард III обратился к мэру Лондона с письмом, в котором он указывал на недопустимое количество нечистот в городе. Мэрия отозвалась на это послание строительством первой общественной уборной на Лондонском мосту через Темзу. По сути дела, практически все отхожие места располагались по берегам рек и речек, так как они представлялись, как тогда думали, идеальной природной канализацией. Это продолжалось до тех пор, пока воды Темзы не приобрели кофейный цвет. Вода в Темзе стала источником холеры. Только тогда в середине XIX века в Лондоне появилась первая канализация.

Акройд рассматривает лондонское пространство как театр, который «словно по волшебству меняющий декорации», на его сцене разыгрываются «драмы живых людей», эта «громкая сцена», эти «публичные спектакли» и участвующие в них актеры, возможно, как раз и выявляют подлинное лицо Лондона». Театральность проявляется в «экстравагантности в жестах, выражении лица, одежде», из-за которой люди на больших и малых улицах становятся «подвижными картинами»; даже стоящий на тротуаре нищий повесил на грудь плакат, где изложена история его жизни». Этот драматизм городского

---

³⁰² Акройд, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акройд. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.288.

пространства выразился в семиотике города, в его художественных живописных полотнах, в его театрах.

Лондон не без оснований называют городом-театром. Многочисленные балаганные представления – неперенная характеристика города. День казни – праздник города. Для населения Лондона казнь – это незабываемое зрелище, привлекающее многочисленных зрителей. На пути приговоренных к смерти лежал приход святого Джайлса. Именно у церкви Сент-Джайлс выпивали «последнюю кружку» идущие на виселицу. У этого прихода сосредотачивалась и «нищая братия».

В елизаветинскую эпоху в Лондоне стали появляться первые стационарные театры. Конечно, этому способствовала творческая деятельность двух великих драматургов – Кристофера Марло и Уильяма Шекспира. Вначале театры строились вне города – «Театр» в полях Шордича, в котором ставились «Доктор Фауст» Марло и «Гамлет» Шекспира, затем был построен театр «Куртина», переименованный позднее в «Зеленый занавес». Но и в самом городе появились театры – шекспировский «Глобус», «Лебедь», «Фортуна». Но лондонцы не довольствовались одними театрами, в городе продолжали устраиваться петушиные бои, травля собаками медведей и быков, а на подмостках театров проходили выступления акробатов.

Лондон представляется П. Акرويدу огромным телом, которое все больше разрастается, возводя новые здания, мосты, транспортные узлы и развязки, различные коммуникации. Это – огромное тело, пространство остается верным старым традициям, поэтому «ни один камень не покидает Лондона, что все они, попав сюда, потом раз за разом используются, группируясь по-новому и внося лепту в огромное каменное скопление, на котором покоится город»³⁰³. Лондон не забывает о прошлом. Именно в этом видит писатель «парадокс Лондона в сочетании непрерывной изменчивости и скрытой глубинной неизменности; именно оно, это сочетание, служит источником антикварной страсти к постоянно

³⁰³ Акرويد, П. Лондон. Биография [Текст] / П. Акرويد. – М.: Из-во Ольги Морозовой, 2007. С.358.

преображающемся и расширяющемся городу, который тем не менее остается своего рода эхо-камерой блуждающих воспоминаний и неисполненных желаний»³⁰⁴.

Тело нового Лондона, разрастаясь, не расстается со своей «старой физической тканью». Но это новое тело – чужое, оно появляется «как призрак из тумана, ...некий чужой город. И призрак этот преобразал все, к чему прикасался». Это уже «исполинский город» с широкими улицами, с громадными памятниками, с новыми музейными и судебными зданиями, с новыми крупными артериями, связывающими разные части столицы», он создает впечатление бесконечности, «бесконечного города». Поэтому Лондон «выходит за любые рамки, нарушает любые правила. Он заключает в себе каждое желание или мнение, когда-либо высказанное, каждое телодвижение или действие, когда-либо совершенное, каждое грубое или благородное чувство, когда-либо нашедшее выражение. Он не имеет границ. Это – Бесконечный Лондон».

3.2. Гастрономическая культура города в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», повести И. Шмелева «Лето Господне».

Цель: определить ценностные параметры гастрономической культуры, ее место и значение в семиотике города в образах русской словесной культуры (в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», повести И. Шмелева «Лето Господне»)

Задачи:

- выделить феномен еды как один из основных факторов гастрономической культуры, ее ценностные параметры, такие как культурная идентификация, культурный диалог, коммуникативность;

---

³⁰⁴ Там же. С.359.

- определить культурные (Леви-Стросс) и религиозные (П. Флоренский) смыслы еды как *гастрономической культуры*; проанализировать современные исследования, выделив коннотативные аспекты понятия гастрономической культуры;

- рассмотреть историю развития гастрономической культуры, этапы ее развития в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи»;

- выделить основные параметры гастрономической культуры, такие как *гастрономические продукты и условия их хранения, рынки сбыта гастрономических продуктов, еда и условия ее приготовления, значение рецептуры* в процессах приготовления еды, *культура* принятия пищи, *культура застолий* в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи»;

- выделить процессы *институализации гастрономической культуры* (развитие магазинного и ресторанного дела) в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», в повести П.Д. Боборыкина «Китай-город»;

- рассмотреть процессы *профанизации еды* (степени профанизации таинства о. П. Флоренский) в контексте развития гастрономической культуры в повести И. Шмелева «Лето Господне» (*молитвенное вкушение в семье*); П.Д. Боборыкина «Китай-город» в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи» *пиршество (безмолитвенное, но благословенное вкушение яств в душе) – обжорство (чревоугодие и гурманство) , пиршество (безмолитвенное, но благословенное вкушение яств в душе) .*

Феномен еды является неперенным атрибутом повседневности. Еда (пища) является одним из факторов *гастрономической культуры*, которая в культурологических исследованиях рассматривается как «культурно специфическая система норм, принципов и образцов, воплощающаяся в (а) способах приготовления пищи, (б) наборе принятых в данной культуре продуктов

и их сочетаниях, (в) практике потребления пищи, а также (г) рефлексии над процессами приготовления и принятия пищи».³⁰⁵

В православной христианской традиции литургическая этика определяет возможности трансформации функций греховной человеческой природы в добродетели человеческого естества, добродетели «усии». О. Павел Флоренский рассматривает таинства как «первофункции человеческого существа, в своих типических и коренных начатках, введенные в сферу безусловного». Выделяются ступени профанизации таинства и соответственно – нравственной деградации «ипостасиса»: таинство евхаристии имеет следующий нисходящий ряд функций: «причащение» – вкушение артоса (освященной просфоры) – «трапезование» (монастырская трапеза) – «стол» (молитвенное вкушение в семье) – «пиршество» (безмолитвенное, но благословенное вкушение яств в душе) – «обжорство», ведущее к чревоугодию и гурманству (чревобесию и гортанобесию).

Нарушение таинств вносит в функции человеческого организма изменения, повреждения и разрушения, ведущие к физическим, духовным и нравственным болезням. Отпадение от таинств с семью смертными грехами:

- отпадение от таинства евхаристии ведет к чревоугодию;
- от таинства крещения – к гневу;
- от таинства миропомазания – к тщеславию;
- от таинства покаяния – к унынию;
- от таинства венчания – к блуду;
- от таинства соборования – к печали;
- от таинства священства – к сребролюбию³⁰⁶.

---

³⁰⁵ Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX-XX века) Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии Екатеринбург - 2010) Режим доступа [Электронный ресурс]: <http://cheloveknauka.com/fenomen-gastronomicheskoy-kultury>

³⁰⁶ См.: Назаров В.Н. История этических учений. М.: Гардарики.,2008.

В современных культурологических исследованиях феномен еды рассматривается как *код культуры* (Сохань И.В.), еда как *концепт культуры* (Марушкина Н.С.), *гастрономическое тело культуры* (Капкан М.С.).

Феномен еды как код культуры рассматривается в срезе культурного генезиса еды в ее гендерном значении в контексте национальной культуры, «кулинарного тела» как части гастрономической культуры (Сохань И.В.).

Феномен еды, также, проанализирован в диссертационном исследовании Марушкиной Н.С., в котором еда анализируется в дискурсе культурного диалога. В этом контексте феномен еды рассматривается как модель, имеющая многосложные признаки, основным из которых является *коммуникативный* признак. Исходя из этого, автор представляет данную модель концепта еды в контексте концептосферы цивилизации (пища, продукты питания – общечеловеческая) и национальной концептосферы (наименования продуктов питания, характерных для той или иной национальной общности, наименования напитков, наименования готовых блюд, а также национальная традиция питания в целом, религиозные представления о пище, обряды и обычаи).

Таким образом, феномен еды рассматривается как антропологическая и культурологическая проблема, в ее онтологическом и культурно-коммуникативных срезах.

В нашем диссертационном исследовании феномен еды будет рассмотрен как *элемент* города как концепта культуры в художественных и документальных произведениях русской словесной культуры. В связи с этим феномен еды коннотируется с темпоральностью повседневности, выделяется профанный и сакральный смысл еды в городском пространстве.

Формирование гастрономической культуры России связано с процессами ее институализации, наиболее бурно развивающиеся с 60-х годов XIX – начала XX века, что наиболее ярко воплотилось в образах русской словесной культуры в очерках бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», повести И. Шмелева «Лето Господне».

В этих произведениях отражена история развития гастрономической культуры, формы ее *институализации* (В.А. Гиляровский), процессы *профанизации* еды как основного содержания гастрономической культуры.

Важным фактором гастрономической культуры, на наш взгляд, являются не только *продукты*, и их *приготовление*, составляющие содержание еды, но и факторы гастрономической идентификации личности и диалога, не только с обществом, другими людьми, где еда выступает непосредственным мотивом, но и с *пространством* – города, ощущениями и образами *места*.

В очерках бытописания Москвы В.А. Гиляровского в его книге «Москва и москвичи» представлена феноменология гастрономической культуры того времени, раскрыта история ее *институализации*, которая тесно связана с культурными, экономическим и политическим развитием России (см. «Купцы», «Среды художников», «Чрево Москвы», «История двух домов», «Трактиры» и др.) В свете профанизации еды, как фактора гастрономической культуры, в культурном пространстве города, в параграфе рассмотрены повести И. Шмелева «Лето Господне», П.Д. Бобрыкина «Китай – город».

В очерках Н. Гиляровского, который описывает повседневность Москвы, ее быт, показана история развития гастрономической культуры, которая бурно развивается в пореформенную эпоху конца XIX века, получая дальнейшее продолжение вплоть до 1923 года, периода возникновения нэпа в советской России.

Рассматривая, в своих очерках, факты, исторического развития гастрономической культуры, Гиляровский связывает их, во-первых, с экономическими и политическими российскими реформами, развитием внешнего и внутреннего рынков, во-вторых, как следствие, с расширением ресторанного и магазинного дела, которое обозначает *институализацию* гастрономической культуры в пространстве города.

Процессы *институализации* гастрономической культуры представлены в следующих очерках В.А. Гиляровского: а) развитие *внешних и внутренних*

рынков (см.: очерки «Сухаревка», «Чрево Москвы»); б) *ресторанного и магазинного дела* (см.: очерки «Булочники и парикмахеры», «Трактиры»). *Организация различных клубов*, объединяющих его членов по принадлежности к тому или иному *сословию*: «Английский клуб», «Купеческий клуб» (см. очерки «Купцы», «Трактиры», «Львы на воротах»). Организации по *интересам*: «Общество любителей художеств», «Артистический кружок», «Литературно-художественный кружок», «Охотничий клуб» (см. очерки: «Среды художников», «Два кружка», «Охотничий клуб»). Соответственно интересным представляется факт географии гастрономической культуры в городском пространстве, представленных в очерках В.А. Гиляровского.

Бытописание Москвы в очерках В.А. Гиляровского представляет интерес с точки зрения *фактологии* развития гастрономической культуры в городском центре России в конце XIX века начале XX вв.

Анализируя всплеск развития гастрономической культуры в это время, В.А.Гиляровский констатирует следующее: «Первая половина шестидесятых годов была началом буйного расцвета Москвы, в которую устремились из глухих углов помещики проживать выкупные платежи после «освободительной» реформы». Поэтому деньги, которые появляются у помещиков в результате реформы крепостного права, вкладывались в предметы роскоши и увеселений, следствием чего «владельцы магазинов «роскоши и моды» и лучшие трактиры обогащались; но последние все-таки не удовлетворяли изысканных вкусов господ, побывавших уже за границей, — живых стерлядей и парной икры им было мало. Знатные вельможи задавали пиры в своих особняках, выписывая для обедов страсбургские паштеты, устриц, лангустов, омаров и вина из-за границы за бешеные деньги»³⁰⁷.

С появлением «легких» денег в Москве на местах, где была «непроездная площадь», «квакали лягушки и неслись вопли ограбленных» вырос *французский*

³⁰⁷Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Текст предоставлен издательством «АСТ» http://www.litres.ru/pages/biblio_воок/?art=171956: Олимп, АСТ; Москва; 2006. – 221.С.88. ISBN 5-17-010907-5, 5-8195-0625-1, 5-17-037515-8.

ресторан «Эрмитаж Оливье», «засверкали огнями окна дворца обжорства, перед которым стояли день и ночь дорогие дворянские запряжки, иногда еще с выездными лакеями в ливреях». Ресторан имел «неслыханный успех. Дворянство так и хлынуло в новый французский ресторан, где, кроме общих зал и кабинетов, был белый колонный зал, в котором можно было заказывать такие же обеды, какие делал Оливье в особняках у вельмож. На эти обеды также выписывались деликатесы из-за границы и лучшие вина с удостоверением, что этот коньяк из подвалов дворца Людовика XVI, и с надписью «Трианон».

Набросились на лакомство не знавшие куда девать деньги избалованные баре...»

Постепенно в связи с развитием экономических отношений, частной собственности, ростом экономических предприятий, развитием предпринимательства в ресторанных местах появляются иностранные коммерсанты, дельцы, а «за ними и русское купечество, только что сменившее родительские сибирки и сапоги бураками на щегольские смокинги, и перемешалось в залах «Эрмитажа» с представителями иностранных фирм». Так, в начале 90-х гг. XIX столетия публика в ресторане Эрмитаж становится разношерстной. По мнению В.А. Гиляровского заканчивался «первый, барский» период «Эрмитажа», когда столбовое дворянство чуралось выскочек из чиновного и купеческого мира. Те пировали в отдельных кабинетах»³⁰⁸.

История «Эрмитажа» продолжилась, когда его перекупили «мебельщик Поликарпов, рыбник Мочалов, буфетчик Дмитриев, купец Юдин. Народ со смекалкой, как раз по новой публике». Дизайн ресторана был изменен: были построены шикарные номерные бани и новый дом под номера свиданий. «Эрмитаж» увеличился «стеклянной галереей и летним садом с роскошными отдельными кабинетами эстрадами и благоуханным цветником...». Еда подавалась прямо в номера: «зернистая икра в серебряных ведрах, аршинных

³⁰⁸Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Текст предоставлен издательством «АСТ»http://www.litres.ru/pages/biblio_воок/?art=171956: Олимп, АСТ; Москва; 2006. – 221.С.89. ISBN 5-17-010907-5, 5-8195-0625-1, 5-17-037515-8.

стерлядей на уху приносили прямо в кабинеты, где их и закалывали... И все-таки спаржу с ножа ели и ножом резали»³⁰⁹.

Рестораны в значительном количестве появляются после русско-японской войны, даже «исконный тестовский трактир переименовал вывеску: *«Ресторан Тестова»*.

Главные изменения, которые происходят с трактирами, переименовавшихся в рестораны, – это изменение эстетического вида, они становятся более привлекательными, угощение, еда разнообразнее. В дальнейшем развивается сеть ресторанов по всей Москве, расширяется «гастрономическая география». Открывается сеть *небольших ресторанов «Италии», «Ливорно», «Палермо» и «Татарского»* «в Петровских линиях, впоследствии переименованного в гостиницу «Россия». В них было очень дешево и очень скверно», вводились дешевые «дежурные блюда» по типу современных «бизнес-ланчей», меню были опубликованы в газетах³¹⁰. *Немецкие рестораны, «Альпийская роза» на Софийке, «Билло» на Большой Лубянке, «Берлин» на Рождественке, Дюссо на Неглинной*, где хорошо кормили и «подавалось кружками настоящее пильзенское пиво», хотя они не были достаточно популярными в Москве.

Наиболее роскошный *и фешенебельный ресторан «Славянский базар»* с дорогими номерами, где останавливались петербургские министры, и сибирские золотопромышленники, и степные помещики, владельцы сотен тысяч десятин земли, и... аферисты, и петербургские шулера, устраивавшие картежные игры в двадцатирублевых номерах». Здание «Славянского базара» с «круглый двухсветным залом со стеклянной крышей очень красиво». Здесь были популярными завтраки, которые длились с двенадцати до трех часов дня»³¹¹.

Московские трактиры, некоторые из которых перешли в разряд ресторанов, например, как старейший русский *трактир «Саратов»* в Охотном ряду, а другой

³⁰⁹ Там же. С.90.

³¹⁰ «Сегодня, в понедельник – рыбная селянка с расстегаем. Во вторник – фляки... По средам и субботам – сибирские пельмени... Ежедневно шашлык из карачаевского барашка». Там же. С.198

³¹¹ Там же. С. 198.

в доме миллионера Патрикеева, на углу Воскресенской и Театральной площадей, один из которых перешел в собственность Тестова и стал именоваться рестораном, другой перестроили в гостиницу.

Трактир Тестова был знаменит своими блюдами поэтому «петербургская знать во главе с великими князьями специально приезжала из Петербурга съесть тестовского поросенка, раковый суп с расстегаями и знаменитую гурьевскую кашу, которая, кстати сказать, ничего общего с Гурьинским трактиром не имела, а была придумана каким-то мифическим Гурьевым».³¹² Кухня тестовского ресторана привлекала, преимущественно национальными блюдами, фирменными меню, т.е. *особенным приготовлением блюд*.

Показательно меню, выделенное В.А. Гиляровским. Это – «порция холодной белуги или осетрины с хреном, икра, две тарелки ракового супа, селянки рыбной или селянки из почек с двумя расстегаями, а потом жареный поросенок, телятина или рыбное, смотря по сезону. Летом обязательно ботвинья с осетриной, белорыбицей и сухим тертым балыком. Затем на третье блюдо неизменно сковорода гурьевской каши ...или байдаковским пирогом – огромной кулебякой с начинкой в двенадцать ярусов, где было все, начиная от слоя налиమ్ьей печенки и кончая слоем костяных мозгов в черном масле».³¹³

Каждый трактир имел свое особенное «фирменное блюдо»: блины, рыбные расстегаи³¹⁴ (*трактир Егорова*). Свой эстетический вид: «Нижний зал трактира

---

³¹² Там же. С.188.

³¹³ Там же. С.188.

³¹⁴ «круглый пирог во всю тарелку, с начинкой из рыбного фарша с вязигой, а середина открыта, и в ней, на ломтик осетрины, лежит кусок налиమ్ьей печенки. К расстегаю подавался соусник ухи бесплатно. Ловкий Петр Кирилыч первый придумал «художественно» разрезать такой пирог. В одной руке вилка, в другой ножик; несколько взмахов руки, и в один миг расстегай обращался в десятки тоненьких ломтиков, разбежавшихся от центрального куска печенки к толстым румяным краям пирога, сохранившего свою форму. Пошла эта мода по всей Москве, но мало кто умел так «художественно» резать расстегаи, как Петр Кирилыч, разве только у Тестова – Кузьма да Иван Семеныч. Это были художники!». Там же. С.98.

«Низок» – с огромной печью. Здесь посетителям, прямо с шестка, подавались блины, которые у всех на виду непрерывно пеклись с утра до вечера. Толстые, румяные, с разными начинками – «егоровские блины».

В этом зале гости сидели в шубах и наскоро ели блины, холодную белужину или осетрину с хреном и красным уксусом. В зале второго этажа для «чистой» публики, с расписными стенами, с бассейном для стерлядей, обедались селянками и разными рыбными блюдами богачи – любители русского стола, – блины в счет не шли»³¹⁵.

Трактир Лопашова, на Варварке, с меню национальной кухни с дизайном «русская изба» со столом посередине, «с шитой русской скатертью и вышитыми полотенцами вместо салфеток. Сервировался он старинной посудой и серебром: чашки, кубки, стопы, стопочки петровских и ранее времен». Посетители – богатые иностранцы и русские промышленники, для которых предлагалось особое меню: «Обед в стане Ермака Тимофеевича», и в нем значилось только две перемены: первое – закуска и второе – «сибирские пельмени». Никаких больше блюд не было, а пельменей на двенадцать обедавших было приготовлено 2500 штук: и мясные, и рыбные, и фруктовые в розовом шампанском... И хлебали их сибиряки деревянными ложками...³¹⁶,

Трактиры «Лондон» в Охотном, «Коломна» на Неглинной, в Брюсовском переулке, в Большом Кисельном и самый центральный в Столешниковом, были излюбленными трактирами извозчиков, где у них был свой зал.

Трактир у «Арсентьича» в Черкасском переулке меню – русская кухня, фирменное блюдо – ветчина, осетрина и белуга подавались на закуску к водке с хреном и красным хлебным уксусом, щи с головизной «у «Арсентьича» были изумительные и Гл. И. Успенский, приезжая в Москву, никогда не миновал ради

---

³¹⁵ Там же. С.189.

³¹⁶ Там же. С.193.

этих щей «Арсентьича»³¹⁷. По свидетельству В.А. Гиляровского – это был «самый степенный из всех московских трактиров, кутежей в нем не было никогда».

Трактир Егора Капкова на Большой Грузинской, в доме Харламова, где собирались официанты загородных ресторанов, «кончившие свою трудовую ночь, приезжали кутнуть в своем кругу: попить чайку, выпить водочки, съесть селяночку с капустой»³¹⁸.

Важным элементом гастрономической культуры являлись *половые или официанты* («белорубашечники», «половые», «шестерки»). Половые набирались из деревень Московской, Тверской, Рязанской в подростковом возрасте, проходили обучение в Москве, в трактире, сначала посудомойщиком, затем – обучение в подаче кушаний, запоминании их названий, только потом – назначалась стажировка полового. Работа полового, по замечанию В.А. Гиляровского достаточно сложна, ведь «в некоторых трактирах работали чуть не по шестнадцати часов в сутки», «носясь по залам, с кухни и на кухню, иногда находящуюся внизу, а зал – в третьем этаже», лавируя половой «между пьяными столами, вывертываясь и изгибаясь, жонглируя над головой высоко поднятым подносом на ладони, и на подносе иногда два и семь – то есть два чайника с кипятком и семь приборов»³¹⁹.

Особенно трудна была служба в «простонародных» трактирах, где подавался чай – пять копеек пара, то есть чай и два куска сахара на одного, да и то заказчики экономили. И «на чай» посетители, требовавшие только чай, ничего не давали, разве только иногда две или три копейки, да и то за особую услугу».³²⁰

Клубы Москвы: Клубы Москвы представляли собой часть гастрономической культуры Москвы. Здесь собирались представители различных сословий и интересантов. Клубы существовали либо за счет пожертвователей, меценатов, либо за счет самих членов клуба. Клубы располагались в

---

³¹⁷ Там же. 190.

³¹⁸ Там же. С. 199.

³¹⁹ Там же. С.191.

³²⁰ Там же. С. 191.

великолепных дворцах (Английский клуб), в доме графа Шереметева на Воздвиженке (Охотничий клуб), за Нарышкинским сквером, на углу Малой Дмитровки, против Страстного монастыря, в старинном барском доме (Общество любителей художеств); голицынском дворце (*Литературно-художественный кружок*).

Английский клуб – имел сословный характер, объединял своих членов по их отношению к дворянскому сословию. По свидетельству В.А. Гиляровского местонахождения дворца «в вековом парке в несколько десятин, между Тверской и Козьим болотом. Парк заканчивался тремя глубокими прудами, память о которых уцелела только в названии «Трехпрудный переулок». Дворец этот был выстроен во второй половине восемнадцатого века поэтом М. М.Херасковым, и в екатерининские времена здесь происходили тайные заседания первого московского кружка масонов: Херасков, Черкасский, Тургенев, Н. М. Карамзин, Енгальчев, Кутузов и «брат Киновион» – розенкрейцеровское имя Н. И. Новикова.... Самый же дворец с его роскошными залами, где среди мраморных колонн собирался цвет просвещеннейших людей тогдашней России, остался в полной неприкосновенности, и в 1831 году в нем поселился Английский клуб». ³²¹

Клуб был интересен торжественными вечерами и ужинами, которые В.А. Гиляровский называл «праздниками обжорства».

«В ярком блеске «храм праздности» представлялся в дни торжественные обеды. К шести часам в такие праздники обжорства Английский клуб был полон. Старики, молодежь, мундиры, фраки... Стоят кучками, ходят, разговаривают, битком набита ближайшая к большой гостиной «говорильня». А двери в большую гостиную затворены: там готовится огромный стол с выпивкой и закуской...» ³²².

Интересно то, что гастрономические продукты, подаваемые на торжественных ужинах, соответствовали *сезонам*: «Когда устрицы

---

³²¹ Там же. С. 139.

³²² Там же. С.147.

флексбургские, когда остендские, а когда крымские. Когда лососина, когда семга... Мартовский белорыбий балычок со свежими огурчиками в августе не подашь!». Новый год: «с Урала везут багряную икру зернистую и рыбу – первым делом ее пробуют в Английском клубе. Настойки тоже по сезону: на почках березовых, на почках черносмородинных, на травах, на листьях, – и воды разные шипучие – секрет клуба...»³²³.

В праздник обжорства «Толпы окружают закусочный стол. Пьют «под селедочку», «под парную белужью икорку», «под греночки с мозгами» и т. д. Ровно час пьют и закусывают. Потом из залы-читальни доносится первый удар часов – семь, – и дежурный звучным баритоном покрывает чоканье рюмок и стук ножей. – Кушанье поставлено! Блестящая толпа человек в двести движется через «говорильню», «детскую» и «фруктовую» в большую столовую, отделенную от клуба аванзалом»³²⁴.

Купеческий клуб был создан основе сословной и профессиональной деятельности его членов и объединял в своих рядах купцов различных гильдий и сословных кланов.

По свидетельству В.А. Гиляровского место, которое занимал Купеческий клуб, было на улице Большая Дмитровка, в доме фельдмаршала и московского главнокомандующего графа Салтыкова. В 40-е годы XIX века на улице Большая Дмитровка стояли дома известных и богатых дворян: «Долгорукие, Долгоруковы, Голицыны, Урусовы, Горчаковы, Салтыковы, Шаховские, Щербатовы, Мятлевы... Только позднее дворцы стали переходить в руки купечества, и на грани настоящего и прошлого веков исчезли с фронтонов дворянские гербы, появились на стенах вывески новых домовладельцев: Солодовниковы, Голофтеевы, Цыплаковы, Шелапутины, Хлудовы, Обидины, Ляпины...». На большой Дмитровке (Клубная) «В помещались три клуба: Английский клуб в доме Муравьева, там же Дворянский, потом переехавший в дом Благородного

---

³²³ Там же. С.147.

³²⁴ Там же. С.147.

собрания; затем в дом Муравьева переехал Приказчиный клуб, а в дом Мятлева – Купеческий». Таким образом, - замечает В.А. Гиляровский – «барские палаты были заняты купечеством, и барский тон сменился купеческим, как и изысканный французский стол перешел на старинные русские кушанья»³²⁵. В Купеческом клубе популярными были «вторничные обеды». Они привлекали членов Купеческого клуба разнообразием богатых яств, например, на столе «вторничного обеда» были предложены: «стерляжья уха; двухаршинные осетры; белуга в рассоле; «банкетная телятина»; белая, как сливки, индюшка, обкормленная грецкими орехами; «пополамные растегаи» из стерляди и налиминых печенок; поросенок с хреном; поросенок с кашей». Причем, продукты для обеда были отменные: так, «поросята на «вторничные» обеды в Купеческом клубе покупались за огромную цену у Тестова, такие же, какие он подавал в своем знаменитом трактире, причем, Тестов «откармливал их сам на своей даче, в особых кормушках, в которых ноги поросенка перегораживались решеткой: «чтобы он с жирку не сбрыкнул!» — объяснял Иван Яковлевич. Каплуны и пулярки шли из Ростова Ярославского, а телятина «банкетная» от Троицы, где телят отпаивали цельным молоком»³²⁶.

В Купеческом клубе была изобретена кулебяка, которая приготавливалась только в Купеческом клубе и у Тестова, и заказывалась за сутки. Она представляла собой кулинарное «сооружение» в «двенадцать ярусов, каждый слой — своя начинка; и мясо, и рыба разная, и свежие грибы, и цыплята, и дичь всех сортов»³²⁷.

«Вторничные обеды» были многолюдными, шумными, часто заканчивались лихими загулами в других ресторанах, куда «неслись по ухабам Тверской, иногда с песнями, загулявшие купцы. Молчаливые и важные лихачи на тысячных рысаках перегонялись с парами и тройками.

---

³²⁵ Там же. С.65.

³²⁶ Там же. С.65.

³²⁷ Там же. С. 65.

– Эгей-гей, голубчики, гrrрабб-ят! – раздавался любимый ямщицкий клич, оставшийся от разбойничьих времен на больших дорогах и дико звучащий на сонной Тверской, где не только грабителей, но и прохожих в ночной час не бывало»³²⁸.

Другой забавой Купеческого клуба - были фантазии о кулинарных изысках клубных гурманов, которые, «вернувшись после отдыха на мягких диванах и креслах гостиной, придумывали и обдумывали разные заковыристые блюда на ужин, а накрахмаленный повар в белом колпаке делал свои замечания и нередко одним словом разбивал кулинарные фантазии, не считаясь с тем, что за столом сидела сплоченная компания именитого московского купечества. А если приглашался какой-нибудь особенно почтенный гость, то он только молча дивился и своего суждения иметь не мог»³²⁹.

Из *напитков*, которые для каждого члена клуба были избирательными, по его вкусу подавались «ароматная листовка: черносмородинной почкой пахнет, будто весной под кустом лежишь; кому вишневая — цвет рубина, вкус спелой вишни; кому малиновая; кому белый сухарный квас, а кому кислые щи. — напиток, который так газирован, что его приходилось закупоривать в шампанки, а то всякую бутылку разорвет...». Также были вина и шампанское, «которых истреблялось море, особенно шампанского», Купеческий клуб прославился «квасами и фруктовыми водами, секрет приготовления которых знал только один многолетний эконом клуба — Николай Агафоныч»³³⁰.

«Вторничные обеды» были, своего рода отдушиной для богатого, делового купечества. Это были – обеды чревоугодия и обжорства, обусловленные потребностью, своего рода «гастрономической свободой», без ограничений. Потому что в другие дни недели купцы «обедали у себя дома, в Замоскворечье и на Таганке, где их ожидала супруга за самоваром и подавался обед, то постный,

---

³²⁸ Там же. С.66.

³²⁹ Там же. С.66.

³³⁰ Там же. С.65.

то скромный, но всегда жирный — произведение старой кухарки, не любившей вносить новшества в меню, раз установленное много лет назад»³³¹.

Или те, кто «питался всухомятку в своих амбарах и конторах, посылая в трактир к Арсентьичу или в «сундучный ряд» за горячей ветчиной и белугой с хреном и красным уксусом, а то просто покупая эти и другие закуски и жареные пирожки у разносчиков, снующих по городским рядам и торговым амбарам Ильинки и Никольской»³³².

Охотничий клуб объединял московских охотников, любителей охоты. Был написан устав, в клубе устраивались выставки, охотничьи обеды и ужины, семейные вечера и др. Наибольшего расцвета Русский охотничий клуб достиг с переездом в новое здание, на Воскресенскую площадь. Клуб был основан в трактире на Неглинном проезде, рядом с Трубной площадью и «собачьим рынком». По свидетельству Гиляровского «Охотники и любители птиц наполняли площадь, где стояли корзины с курами, голубями, индюками, гусями. На подставках висели клетки со всевозможными певчими птицами. Тут же продавались корм для птиц, рыболовные принадлежности, удочки, аквариумы с дешевыми золотыми рыбками и всех пород голуби»³³³.

«Общество любителей художеств» расположился за «Нарышкинским сквером, на углу Малой Дмитровки, против Страстного монастыря, в старинном барском доме», нем устраивались «Периодические выставки». Фактически клуб самоокупался, потому что картины художников были востребованы. В клубе рисовали, играли на рояле, пели, читали стихи, вечера оканчивались скромным ужином. На вечерах «присутствовали только корифеи художества: Маковский, Поленов, Сорокин, Ге, Неврев и члены Общества – богатеи-меценаты П. М. Третьяков, Свешников, Куманин». Затем вечера «пятничные» превратились в «субботние», благодаря художник-любителю К. С. Шиловскому, который «на последние рубли в своей небольшой, прекрасно обставленной квартире угощал

³³¹ Там же. С.67.

³³² Там же. С.66.

³³³ Там же. С.134.

своих гостей ужинами с винами – художники стали стесняться бывать и ужинать на чужой счет, да еще в непривычной барской обстановке»³³⁴.

«Субботы» плавно перетекли в «Среды» Шмаровина, затем «Субботы» и «Среды» объединились.

Они «были демократичны. Каждый художник, состоявший членом «среды», чувствовал себя здесь как дома, равно как и гости. Они пили и ели на свой счет, а хозяин дома, «дядя Володя», был, так сказать, только организатором и директором-распорядителем. На «средах» все художники весь вечер рисовали акварель: Левитан – пейзаж, француз баталист Дик де Лонлей – боевую сценку, Клод – карикатуру, Шестеркин – натюрморт, Богатов, Ягужинский и т.д. – всякий свое. На рисунке проставлялась цена, которую получал художник за свою акварель, – от рубля до пяти. Картины эти выставлялись тут же в зале «для обозрения публики», а перед ужином устраивалась лотерея, по гривеннику за билет. Кто брал один билет, а иной богатенький гость и десяток, и два – каждому было лестно выиграть»³³⁵.

Таким образом, атмосфера в «Обществе» царила творческая. «Отворяется дверь в зал с колоннами, весь увешанный картинами... Посредине стол, ярко освещенный керосиновыми лампами с абажурами, а за столом уже сидит десяток художников – кто над отдельным рисунком, кто протокол заполняет... Кругом стола ходили гости, смотрели на работу... Вдруг кто-нибудь сел за рояль. Этот «кто-нибудь» обязательно известность музыкального мира: или Лентовская, или Аспергер берет за виолончель – и еще веселее работает под музыку. Входящие не здороваются, не мешают работать, а проходят дальше, или в гостиную через зал, или направо в кабинет, украшенный картинами и безделушками. Здесь, расположившись на мягкой мебели, беседуют гости... Лежат бубен, гитары, балалайки... Через коридор идут в столовую, где кипит самовар, хозяйка угощает чаем с печеньем и вареньем. А дальше комната, откуда

---

³³⁴ Там же. С.77.

³³⁵ Там же. С.77.

слышатся звуки арфы, – это дочь хозяина играет для собравшихся подруг...Позднее она будет играть в квартете, вместе со знаменитостями, в большом зале молчановского особняка»³³⁶.

«Артистический кружок» и «Литературно-художественный кружок» были организованы в 40-х годах XIX века. Они объединяли актеров и актрис в творческое собрание. Клуб был расположен на Большой Дмитровке старинном барском особняке. Здесь организовывались «исполнительные собрания с участием знаменитостей, симфонические вечера, литературные собеседования, юбилеи писателей и артистов с крупными именами», Литературно-художественный кружок объединял более 700 членов и насчитывал 54 875 посещений в год³³⁷. Это было место встречи актеров и антрепренерами на предстоящий сезон. Здесь присутствовали артисты Большого и Малого театров, весной 1898 года состоялось учредительное собрание, выработан был устав, а в октябре 1899 года, в год столетия рождения Пушкина, открылся литературно-художественный кружок. Атмосфера Кружка была достаточно творческая: «Роскошные гостиные, мягкая мебель, отдельные столики, уголки с трельяжами, камин, ковры, концертный рояль... Уютно, интимно... Эта интимность Кружка и была привлекательна. Приходили сюда отдыхать, набираться сил и вдохновения, обменяться впечатлениями и переживать счастливые минуты, слушая и созерцая таланты в этой не похожей на клубную обстановке. Здесь каждый участвующий не знал за минуту, что он будет выступать. Под впечатлением общего настроения, наэлектризованный предыдущим исполнителем, поднимался кто-нибудь из присутствовавших и читал или монолог, или стихи из-за своего столика, а если певец или музыкант – подходил к роялю. Молодой еще, застенчивый и скромный, пробирался аккуратненько между

---

³³⁶ Там же. С.78.

³³⁷ Там же. С.133.

столиками Шаляпин, и его бархатный молодой бас гремел: Люди гибнут за металл...»³³⁸.

Это был наиболее востребованный и модный клуб в Москве. Однако его содержание поддерживалось, свидетельству В.А. Гиляровского картежными играми³³⁹, проходившими тогда, «когда зал этот освобождался к двум часам ночи, стулья перед сценой убирались, вкатывался десяток круглых столов для «железки», и шел открытый азарт вовсю, переносившийся из разных столовых, гостиных и специальных карточных комнат. Когда зал был занят, игра происходила в разных помещениях»³⁴⁰.

В «большой двухсветный зал, ..были перенесены из верхних столовых ужины в свободные от собраний вечера. Здесь ужинали группами, и каждая имела свой стол. Особым почетом пользовался длинный стол, накрытый на двадцать приборов. Стол этот назывался «пивным», так как пиво было любимым напитком членов стола и на нем ставился бочонок с пивом. Кроме этого, стол имел еще два названия: «профессорский» и «директорский». Завсегдатаи стола являлись после десяти часов и садились закусывать»³⁴¹.

Рынки: Охотный ряд - один из знаменитых рынков Москвы «был застроен с одной стороны старинными домами, а с другой – длинным одноэтажным зданием под одной крышей», трактиром, двумя жилыми домами, остальное место рынка было отдано под лавки. Описывая Охотный ряд, В.А. Гиляровский подчеркивает, что «все лавки Охотного ряда были мясные, рыбные, а под ними

---

³³⁸ Там же. С. 133.

³³⁹ Но членских взносов оказалось мало. Пришлось организовать карточную игру с запрещенной «железкой». Члены Охотничьего клуба, избранные и сюда, сумели организовать крупную игру, и штрафы с засидевшихся за «железкой» игроков пополняли кассу. Штрафы были такие: в 2 часа ночи – 30 копеек, в 2 часа 30 минут – 90 копеек, то есть удвоенная сумма плюс основная, в 3 часа – 2 рубля 10 копеек, в 3 часа 30 минут – 4 рубля 50 копеек, в 4 часа – 9 рублей 30 копеек, в 5 часов – 18 рублей 60 копеек, а затем Кружок в 6 часов утра закрывался, и игроки должны были оставлять помещение, но нередко игра продолжалась и днем, и снова до вечера. Там же. С.130.

³⁴⁰ Там же. С.131.

³⁴¹ Там же. С.132.

зеленные подвалы. Задние двери лавок выходили на огромный двор – Монетный, как его называли издревле. На нем были тоже одноэтажные мясные, живорыбные и яичные лавки, а посередине – двухэтажный «Монетный» трактир. В задней части двора – ряд сараюшек с погребами и кладовыми, кишевшими полчищами крыс»³⁴². Подвалы Охотного ряда издавали запах тухлятины, хотя «товар лежал на полках первосортный. В рыбных – лучшая рыба, а в мясных – куры, гуси, индейки, поросята»³⁴³.

Задние дворы Охотного ряда полны нечистот. В.А. Гиляровский дает подробное описание бойни мелкого скота: «Запекшаяся кровь толстым слоем покрывает асфальтовый пол и пропитала некрашенные стены. «Все помещение довольно обширной бойни, в которой убивается и мелкий скот для всего Охотного ряда, издает невыносимое для свежего человека зловоние. Сарай этот имеет маленькое отделение, еще более зловонное, в котором живет сторож заведующего очисткой бойни Мокеева. Площадь этого двора покрыта толстым слоем находящейся между камнями запекшейся крови и обрывков внутренностей, подле стен лежит дымящийся навоз, кишки и другие гниющие отбросы. Двор окружен погребами и запертыми сараями, помещающимися в полуразвалившихся постройках»³⁴⁴.

Основные покупатели - «повара лучших трактиров и ресторанов, а затем повара барские и купеческие, хозяйки-купчихи и кухарки». Особенностью Охотного рынка, его торговым кредо было - «не обманешь – не продашь».

Поэтому торгующие толпы «толклись, торговались, спорили из-за копейки, а охотнорядец рассыпался перед покупателем»³⁴⁵. На рынке был постоянный торг «хлопочут, расхваливают товар и бесперебойно врут приказчики в заса ленных долгополых поддевках и заскорузлых фартуках». Покупатели были разного сословия: «к лавкам подъезжали на тысячных рысаках расфранченные купчихи, и

---

³⁴² Там же. 93.

³⁴³ Там же. С.93.

³⁴⁴ Там же. С. 94.

³⁴⁵ Там же. С.93.

за ними служащие выносили из лавок корзины и кульки с товаром и сваливали их в сани. И торчит, бывало, из рогожногочулька рядом с собольей шубой миллионерши окорок, а поперек медвежьей полости лежит пудовый мороженный осетр во всей своей красоте»³⁴⁶. Люд по-беднее покупает «в палатках и с лотков у разносчиков последние сорта мяса: ребра, подбедерок, покромку, требуху и дешевую баранину-ордынку. Товар лучших лавок им не по карману»³⁴⁷.

Оптовые лавки являлись формой оптовой торговли в Москве. Одна из таких крупных оптовых предприятий коммерсанта Ромейко находилась в Лубянском проезде. Это было место в «выходящем на проезд доме», где «помещался трактир Арсентьича, задний фасад которого выходил на огромнейший двор, тянувшийся почти до Златоустовского переулка». Здесь располагались оптовые лавки, которые «торговали сезонным товаром: весной – огурцами и зеленью, летом – ягодами, осенью – плодами, главным образом яблоками, а зимой – мороженой рыбой и круглый год – живыми раками, которых привозили с Оки и Волги, а главным образом с Дона, в огромных плетеных корзинах». Покупатели – уличные разносчики, лотошники. Однако «в начале девяностых годов это огромное дело прекратилось, владения Ромейко купил сибирский богатей Н. Д. Стахеев и выстроил на месте сломанного трактира большой дом, который потом проиграл в карты»³⁴⁸.

Магазинное дело

Филипповские булочные были очень популярны в Москве. Это – было место, как считает бытописатель Москвы В.А. Гиляровский, одно из самых посещаемых мест города, причем народа самого разного.

«Булочная Филиппова, - пишет он, - всегда была полна покупателей. В дальнем углу вокруг горячих железных ящиков стояла постоянная толпа, жующая знаменитые филипповские жареные пирожки с мясом, яйцами, рисом, грибами, творогом, изюмом и вареньем. Публика – от учащейся молодежи до старых

³⁴⁶ Там же. С.93.

³⁴⁷ Там же. С.94.

³⁴⁸ Там же. 106.

чиновников во фризových шинелях и от расфранченных дам до бедно одетых рабочих женщин. На хорошем масле, со свежим фаршем пяточковый пирог был так велик, что парой можно было сытно позавтракать»³⁴⁹.

Основатель булочной Иван Филиппов, был известен калачами, сайками и черным хлебом. Хлебные изделия, испеченные по его особому рецепту, были известны далеко за пределами Москвы. Булочник изобрел способ доставки хлеба горячим. Вот как об этом пишет В.А. Гиляровский: «железных дорог тогда еще не было, – по зимам шли обозы с его сухарями, калачами и сайками, на соломе испеченными, даже в Сибирь. Их как-то особым способом, горячими, прямо из печи, замораживали, везли за тысячу верст, а уже перед самой едой оттаивали – тоже особым способом, в сырых полотенцах, – и ароматные, горячие калачи где-нибудь в Барнауле или Иркутске подавались на стол с пылу, с жару»³⁵⁰.

Привлекательность булочных Филиппова состояла в особом вкусе черного хлеба. Черный хлеб изготовлялся по особой рецептуре, которая заключалась в особом сорте муки и качестве воды. Филиппов так объяснял «простой» рецепт хлеба: «У меня покупной муки нет, вся своя, рожь отборную покупаю на местах, на мельницах свои люди поставлены, чтобы ни соринки, чтобы ни пылинки... А все-таки рожь бывает разная, выбирать надо. У меня все больше тамбовская, из-под Козлова, с Роминской мельницы идет мука самая лучшая. И очень просто!»³⁵¹. Причем качество воды было не менее важным, чем качество муки. Именно поэтому петербургский царский двор был постоянным покупателем хлеба и саяк, производимым хлебопекарнями Филиппова³⁵². Но не только качество воды или муки были главными в хлебопекарном деле Филиппова. Булочник, по

---

³⁴⁹ Там же. С. 115.

³⁵⁰ Там же. С. 117.

³⁵¹ Там же. С. 117.

³⁵² «старик Филиппов доказывал, что в Петербурге такие калачи и сайки не выйдут – Почему же? – И очень просто! Вода невяская не годится!». Там же.

свидетельству В.А. Гиляровского, был предельно честным человеком в своей профессии, не старался выгадать прибыль из своей профессиональной деятельности. Так в своей благотворительной деятельности в пользу арестантам и тюремным заключенным, находящимся в тюремных больницах, он, в отличие от других булочников, старавшихся выгадать побольше прибыли и отправлявших в тюрьмы «заваливающую» продукцию, Филиппов как правило посылал туда «свежие калачи и сайки; во-вторых, у него велся особый счет, по которому видно было, сколько барыша давали эти заказы на подавание, и этот барыш он целиком отвозил сам в тюрьму и жертвовал на улучшение пищи больным арестантам. И делал все это он «очень просто», не ради выгод или медальных и мундирных отличий благотворительных учреждений»³⁵³.

Таким образом, в очерках бытописания московской жизни В.А.Гиляровского представлена жизнь города в пореформенный период развития России. Очерки интересны тем, что в них объединились наблюдательность, характерная для журналистского жанра и художественная образность, выражающая писательский талант автора. Единство фактологического и образно-интуитивного постижения реальности в очерках Гиляровского позволил ему отразить жизнь города в ее реальном фактуальном и образно-художественных смыслах.

Гастрономическая культура московского быта того периода запечатлена не только в фактах развития ее отдельных отраслей, но и в сочных образных натюрмортах еды как основного «фигуранта» пиршеств, застолий различных сословий. Гиляровский В.А. рисует факты *пиршеств* купечества, как обжорства и гурманства («Купцы»), творческие ужины художественной интеллигенции («Среды» художников), где еда представляет собой незначительный атрибут творческого процесса, гурманство и сословный снобизм «Английского клуба» («Львы на воротах»). В очерках содержатся образы города: рынков продажи и сбыта продуктов, шикарных магазинов, ресторанов, трактиров, гостиниц.

---

³⁵³ Там же. С.121.

Рынки Москвы представлены в очерках как гигантская, вызванная потребностями экономического развития города, клоака ее «внутренней», а не внешне-показной жизни города: с грязью, нечистотами, суетой, обманами как единственным средством выживания, голодом, всего того, чего не видно за фасадом фешенебельных ресторанов, блестящих витрин магазинов, изысканной кухни клубов («Чрево Москвы», «Хитров рынок»). В то же самое время в очерках достаточно ясно прослеживаются тенденции развития гастрономической культуры города. Это то, что связано с развитием промышленного и торгового капитала в России, товарно - денежных отношений, когда вопросы прибыли и выгоды имеют главенствующее значение в системе общественных отношений. Это меняет облик и содержание гастрономической культуры, так как с развитием рынка продуктов, меняется рынок услуг: разнообразие продуктов изменяет культуру их потребления. В.А. Гиляровский концентрирует внимание на переломной фазе развития гастрономической культуры в русском обществе, которое в своей целостности не осознало значимости культурных ограничений, а религиозная нормативность признается архаичной. На этом фоне представлены степени *профанизации* еды как центральной части гастрономической культуры, такие, например, как пиршество (с молитвой в душе) – творческие ужины художников («Среды» художников); чревоугодие-гурманство - объедение (обжорство) в очерках «Купцы», «На Трубе», «Трактиры».

Продолжение развития темы развития деловых торговых отношений и их влияния на развитие гастрономической культуры предстает в образе города в повести Л.Д. Боборыкина «Китай – город»³⁵⁴.

---

³⁵⁴ Согласно свидетельствам В.А. Гиляровского «постройка Китайской стены, отделяющей Китай-город от Белого города, относится к половине XVI века. Мать Иоанна Грозного, Елена Глинская, назвала эту часть города Китай-городом в воспоминание своей родины – Китай-городка на Подолии. В начале прошлого столетия, в 1806 году, о Китайгородской стене писал П. С. Валуев: «Стены Китая от злоупотребления обращены в постыдное положение. В башнях заведены лавки немаловажных чиновников; к стенам пристроены в иных местах неблаговидные лавочки, в других погреба, сараи, конюшни... Весьма много тому способствуют и фортификационные укрепления земляные, бастион и ров, которых в древности никогда не было. Ими заложены все из города стоки. Нечистоты заражают

В ней обозначен образ Москвы и ее обитателей не как образ святой Москвы, а как город «золотого тельца», Москвы деловой и Москвы купеческой. Автор рисует «рыночный» срез образа купеческой Москвы, места, где «возы и обозы наполняли воздух всякими испарениями и запахами — то отдаст москательным товаром, то спиртом, то конфетами. Или вдруг откуда-то дольется струя, вся переполненная постным маслом, или луком, или соленой рыбой. Снизу из-за биржи, с задов старого гостиного двора поползет целая полоса воздуха, пресыщенного пресным откусом бумажного товара, прессованных штук бумази, миткалю, ситцу, толстой оберточной бумаги».

В этом уголке Москвы бурлит деловая жизнь. Здесь «нет конца телегам и дрогам. Везут ящики кантонского чая в зеленоватых рогожках с таинственными клеймами, везут распоровшиеся бурые, безобразно пузатые тюки бухарского хлопка, везут слитки олова и меди. Немилосердно терзает ухо бешеный лязг и треск железных брусьев и шин. Тянутся возы с бочками бакалеи, сахарных голов, кофе. Разом обдадут зловонием телеги с кожами. И все это облито солнцем и укутано пылью. Кому-то нужен этот товар? «Город» хоронит его и распределяет по всей стране». Это — центр распределения товаров, центр распределения денежных средств, где царствует один бог — бог наживы. Поэтому «деньги, векселя, ценные бумаги точно реют промежду товара в этом рыночном воздухе, где все жаждет наживы, где дня нельзя продышать без того, чтобы не

воздух. Такое злоупотребление началось по перенесении столицы в Петербург... Кругом всей стены Китай-города построены каменные и деревянные лавки». После этого, как раз перед войной 1812 года, насколько возможно, привели стену в порядок. С наружной стороны уничтожили пристройки, а внутренняя сторона осталась по-старому, и вдобавок на Старой площади, между Ильинскими и Никольскими воротами, открылся Толкучий рынок, который в половине восьмидесятых годов был еще в полном блеске своего безобразия. Его великолепно изобразил В. Е. Маковский на картине, которая находится в Третьяковской галерее. Закрыли толкучку только в восьмидесятых годах, но следы ее остались, — она развела трущобы в самом центре города, которые уничтожила только Советская власть. Это были лавочки, пристроенные к стене вплоть до Варварских ворот, а с наружной — Лубянская площадь с ее трактирами-притонами и знаменитой «Шиповской крепостью». см.: Гиляровский В. А.. Под Китайской стеной //Москва и москвичи: Олимп, АСТ; Москва; 2000.- 221с. С.42.

продать и не купить». Еда здесь – наслаждение, несмотря на то, что вокруг облака пыли и грязи, а воз, на котором «покачивается парень без шапки, с желтыми плоскими волосами, красный, в веснушках, в пестрядинной рубаше с расстегнутым воротом, открывающим белую грудь и медный тельник. Глаза его жмурятся от солнца и удовольствия», а в руках кусок папушника «с желтой икрой, перемешанной с кусочками крошеного лука, промозгло-соленая, тронутая теплом. Но глаза парня совсем закатились от наслаждения. Он облизывается и вкусно чмокает, а тем временем незаметно сползает все по скользкой и смрадной рогожке. С воза обдаёт его гнилью и газами разложения. Зубы щелкают, щеки раздулись; он обедает сладко и в досталь». Еда как *наслаждение*, а не вкушение, запечатлена автором на фоне движущего обоза в Москве, «снизу от Ножовой линии, сбоку из Черкасского переулка, сверху от Ильинских ворот». Это «ползет товар, и над этой колышущейся полосой из лошадей, экипажей, возов, людских голов стоит стон: рубль купца, спина мужика поют свою нескончаемую песню...»

Город живет своей новой жизнью, которая меняет его облик. «Кругом мальчишки выкрикивали уличный товар. Куски красного арбуза вырезывались издали. А там вон, на лотках, – золотистые кисти винограда вперемежку с темно-красным наливным крымским величиной в добрую сливу и с подрумяненной антоновкой. Разносчики газет забегали с тротуара на середину площади и совали прохожим под нос номера листков с яркими заглавными карикатурами. Парфюмерный магазин с нарядным подъездом и щеголеватой вывеской придавал нижнему этажу монументального дома богатых монахов европейский вид. На углу купол башни в новом заграничном стиле прихорашивал всю эту кучу тяжелых, приземистых каменных ящиков, уходил в небо».

Новая архитектура города с ее купеческой вычурностью, купидонами и башнями в подражании европейскому вкусу напоминала о том, что «старые времена прошли, пора пускать и приманку для глаз, давать архитекторам хорошие деньги, чтобы весело было господам купцам платить за трактиры и лавки». Узкие улочки и переулки упирались в площадь, которая как бы «улыбалась, точно

ядренная купчиха, надевшая все свои кольца и серьги; только на волосах уней «головка», а остальное все по моде, куплено у немца и дорогой ценой». И только, затерявшаяся среди новых домов и переулков церковь, «с старинными очертаниями глав и ребер крыши выглядывала сбоку» этого нового архитектурного великолепия, как, например, этот «дом, сдавленный, четырехэтажный, по цвету как будто из цельного камня», который бы «не испортил бы и лондонский Sneapside или гамбургский Jungfer-Stieg».

Герою повести Пирожкову Москва кажется «пузатой и сочной», где все есть, все можно достать, в отличие от Петербурга, ведь в Петербурге «физически невозможно так себя чувствовать! Глаз притупляется. Везде линия – прямая, тягучая и тоскливая. Дождь, изморось, туман, желтый, грязный свет сквозь свинцовые тучи и облака. Едешь – вся те же дома, тот же «прешпект». У всех геморрой и катар. В ресторане – татары в засаленных фраках, в кабинетах темно, холодно, пахнет вчерашней попойкой; еда безвкусная; облитые диваны. Ничего характерного, своего, не привозного. Нигде не видно, как работает, наживает деньги»³⁵⁵.

Деловая купеческая Москва характерна своими ресторанами, кабаками, трактирами, квасными лавками, в которых ведутся деловые переговоры, приезжают туристы «местного масштаба», посетить достопримечательности. Это – место, где встречаются, завтракают, обедают, ужинают, устраивают застолье. В определенном смысле – ресторанный жизнь Москвы – это *гастрономическое событие* для города и ее жителей, привыкших к тихой патриархальной жизни. Это событие открывает новую страницу общественного питания, своего рода *институализацию* еды, ее отчуждения от домашнего приготовления. В этом смысле архитектурный замысел ресторана «Славянский базар», в повести П.Д. Боборыкина, имевший целью поразить «приезжих из провинции, да и москвичей, кто в ней редко бывал» имел успех. Так, «в одной из ниш два купца-рыбопромышленника крестились, вставая из-за стола. Каждый дал лакею по

---

³⁵⁵ Боборыкин, П.Д. Китай –город . М.: Директ –Медиа, 2015. С.14.

медному пятаку. Они потребовали одну порцию селянки по-московски и выпили по три рюмки травнику. Купидоны им понравились»³⁵⁶.

Ресторанный зал, переделанный из трехэтажного базара, «своим простором, светом сверху, движеньем, архитектурными подробностями» напоминал зал огромного дворца, с «чугунными выкрашенными столбами и помостом, выступающим посредине, с купидонами и завитушками, наполняли пустоту огромной машины, останавливали на себе глаз, щекотали по-своему смутное художественное чувство даже у заскоружлых обывателей откуда-нибудь из Чухломы или Варнавина». А, «идущий овалом ряд широких окон второго этажа, с бюстами русских писателей в простенках, показывал и изнутри драпировки, обои под изразцы, фигурные двери, просветы площадок, окон, лестниц». Посредине был «бассейн с фонтанчиком прибавлял к смягченному топоту ног по асфальту тонкое журчание струек воды. От них шла свежесть, которая говорила как будто о присутствии зелени или грота из мшистых камней. По стенам пологие диваны темно-малинового трипа успокаивали зрение и манили к себе за столы, покрытые свежим, глянцеви́то-выглаженным бельем. Столики поменьше, расставленные по обеим сторонам помоста и столбов, сгущали трактирную жизнь»³⁵⁷.

Купеческую роскошь «Славянского базара» дополнял «черный с украшениями буфет под часами, занимающий всю заднюю стену, покрытый сплошь закусками, смотрелся столом богатой лаборатории, где расставлены разноцветные препараты».

Эта огромная «лаборатория» еды являла собой роскошь купеческой Москвы, как бы доказывая: «большими деньгами дышал весь отель, отстроенный на славу, немного уже затоптанный и не так старательно содержимый, но хлесткий, бросающийся в нос своим московским комфортом и убранством». Деловые встречи героев повести Калалуцкого и Палтусова состоялись за

³⁵⁶ Боборыкин, П.Д. Китай –город . М.: Директ –Медиа, 2015. С.18-19.

³⁵⁷ Там же. С.20.

завтраком в ресторане «Славянский базар». Встречу «сопровождала» еда: паровая севрюжка, котлеты из пулярды с трюфелями и разварные груши с рисом, красное вино, как *посредник диалога* двух дельцов. Содержание разговора касалось строительства, воровства, причем в разговоре каждый старался иметь собственную выгоду³⁵⁸.

В этом образе ресторанной встречи еда лишена значимости, поэтому «за закуской Калакуцкий выпил разом две рюмки водки, забил себе куски икры и белорыбицы, засовал за ними рожок горячего калача и потом больше мычал, чем говорил. Но он ел умеренно. Ему нужно было только притупить первое ощущение голода»³⁵⁹.

Другой посетитель «седой высохший старик с желтым лицом и плотно остриженными волосами – из Петербурга, большой барин. Он ел медленно и брезгливо, вино пил с водой и, потребовав себе полосканье, вымыл руки из графина. Лакей говорил ему «ваше сиятельство».

Портрет большого дворянского семейства, приехавших из провинции запечатлен П.Д. Боборыкиным как портрет провинциалов – прообразов будущих туристов: «отец при солдатском Георгии на коричневом пиджаке, с двойным подбородком, мать – в туалете, гувернантка, штук пять подростков, родственница-девица, бойкая и сердитая, успевшая уже наговорить неприятностей суетливому лакею, тыча ему в нос местоимение «вы», к которому, видимо, не была привычна с прислугою». Завтрак проходил в преддверии прогулок в «Грановитую палату, царь-пушку, соборы, по дороге синодальную типографию, отслушать молебен у Иверской, поесть пирожков у Филиппова на Тверской и до обеда попасть в Голофтьевскую галерею, где родственница должна

---

³⁵⁸ Палтусов сам не начинал разговора о себе. У него был на это расчет. Калакуцкий – для первых ходов – казался ему самым лучшим рычагом. Нюх говорил Палтусову, что он нужен этому «ловкачу», так он называл его про себя и под этой кличкой даже заносил в записную книжку о Калакуцком.

³⁵⁹ Там же. С.22.

непрерывно купить себе подвязки и пару ботинок и надеть их до театра. А билеты рассчитывали добыть у барышников»³⁶⁰.

Таким образом, каждый из посетителей, занимавшихся едой в ресторане, имели свои интересы в городе: деловые, прогулочные и др.

Пышный архитектурный антураж ресторана является, в определенном смысле, дизайном предлагаемых в ресторане кушаний, а раскинувшийся во всю стену буфет усиливает гастрономический соблазн посетителей. Еда в ресторанном бизнесе – это не только средство утоления голода, но и средство получения прибыли от ее продажи. Поэтому кулинарное тело изобилует кулинарными изысками, разжигая аппетит, от получения новых вкусовых впечатлений. И в определенном смысле здесь кулинарное тело – это «лаборатория» усиления вкуса с целью получения прибыли.

Результатом нагнетания чревоугодия (обжорства) в местах общественного питания является случай с героем повести Пирожковым, приехавшим в Москву из Петербурга. Впечатления о Москве – городе его студенческой молодости охватывают его в этом городе» «Москва!.. Он имел к ней слабость, да и теперь любит ее по-своему, как «этнографический центр». Изучать ее было бы занимательно. Разбить на области: фабрики, рабочий люд, нравы и обычаи вот этого самого «города», раскол, проституция. Хорошо!» Москву он ощущает через ее неповторимые ароматы, напоминающими, по всей вероятности, молодые годы. «Иван Алексеич повел носом. Пахло фруктами, спелыми яблоками и грушами – характерный осенний запах Москвы в ясные сухие дни». Поэтому «он остановился перед разносчиком, присевшим на корточках у тротуарной тумбы, и купил пару груш. Ему очень хотелось пить от густого, пряного соуса к дикой козе, съеденной в ресторане. Груши оказались жестковаты, но вкусны. Иван Алексеич не стеснялся есть их на улице. Он любил свободу, какую все пользуются на

---

³⁶⁰ Боборыкин, П.Д. Китай –город . М.: Директ –Медиа, 2015. С.56.

парижских бульварах, но оставался джентльменом, никогда не позволял себе никакой резкой выходки: это лежало в его натуре»³⁶¹.

Ароматы осенней листвы, груш и фруктов, навевают мысли о посещении квасной лавки, трактира, где он часто бывал в годы студенческой юности. Маршрут к квасной лавке, которая «одна только и пользуется известностью – через Сундучный ряд, под вывеску, которая доживет, наверное, до дня разрушения гостиного двора с его норами, провалившимися плитами и половицами, сыростью, духотой и вонью». Квасная лавка не обладает, безусловно, архитектурными изысками ресторанов, однако, «многие пожалуют летом о прохладе Сундучного ряда, где недалеко от входа усталый путник, измученный толкотней суровских лавок и сорочьей болтовней зазывающих мальчишек и молодцов Ножовой линии, находил квасное и съедобное приволье...». И опять ароматы съестного заставляют нашего героя съесть пирожки «один с яблоками, повторил с вареньем. Это заново зажгло у него жажду. Он спросил вишневого квасу и выпил его две кружки. Желудок точно расперло какими-то распорками: поднимался оттуда род опьянения, приятного и острого, как от шампанского». Картина рубки мозгов на мелкие куски, которые разносчик, «посолив их потом, положил на лист оберточной бумаги и подал купцу вместе с деревянной палочкой – вместо вилки – и краюшкой румяной сайки», разожгли аппетит: «слюнки полились у Ивана Алексеича. Он позавтракал, ел сейчас сладкое, но аппетит поддался раздражению. Гадость ведь в сущности это крошево на бумаге. А вкусно смотреть.

За вишневым квасом пошли кусочки мозгов. За мозгами съедены были два куска арбуза, сахаристого, с мелкими, рыхло сидевшими зернами, который так и таял под небом все еще разгоряченного рта.

---

³⁶¹ Боборыкин, П.Д. Китай –город . М.: Директ –Медиа, 2015. С.81.

Выйдя на Никольскую, Иван Алексеич придавил себя пухлой ручкой по животу, под правым ребром. «Что же это я?.. От безделья?!» И ему стало стыдно»³⁶².

В повести Боборыкина герой повести Пирожков посредством еды бессознательно стремится *идентифицировать* себя, в своем реальном возрасте, с прошедшей молодостью. Эта гастрономическая идентификация бессмысленна, что образно выражается в неразумности произошедшего гастрономического искуса, соответственно и Москва, как «этнографический центр», по представлению героя, кажется ему иной. Так перед Красной площадью «направо давит красная кирпичная глыба Исторического музея, расплзшаяся и вширь и вглубь, с ее восточной крышей, башнями, минаретами, столбами, выступами, низменным ходом. На расстоянии – Пирожков нарочно отошел влево, ближе к памятнику – музей нравился ему теперь гораздо больше, чем не так давно. Он мирился с ним. Прежде он почти негодовал, находил, что эта «груда кирпича» испортила весь облик площади, заперла ее, отняла у Воскресенских ворот их стародавнюю жизнь».

Телесность героев, их чревоугодие, переходящее в обжорство – признак профанизации культурного смысла еды, фактор превалирования чувственного над разумным, вовлечения через наслаждение в круговорот, дурную бесконечность многообразия вкусовых ощущений. Здесь превалируют законы плотского удовольствия, которые чреваты бессмысленностью, болезнями, смертью. Феномен еды – выражает особенности города как места, она усиливает идентичность человека к данному месту, способствует развитию диалога не только с окружающими людьми, знакомыми или незнакомыми, но и с городом.

В повести П.Д. Боборыкина - Китай-город - как защитная стена, оберегающая святыне традиции города. Поэтому герой повести видит всю Москву, этот город он принимает целиком, со всеми достоинствами и недостатками. Ее

---

³⁶² Боборыкин, П.Д. Китай –город . М.: Директ –Медиа, 2015. С.89.

центр, с Красной площадью и храмом Василия Блаженного с необозримым пространством безоблачного неба, с птицами «на головах Минина и Пожарского, протянутая в пространство рука, пожарный солдатик у решетки, осевшийся, немощный и плоский купол гостиного двора и вся Ножовая линия с ее фронтоном и фризом, облезлой штукатуркой и барельефами, темные пятнистые ящики Никольских и Спасских ворот, отпотелая стена с башнями и под нею загороженное место обвалившегося бульвара; а из-за зубцов стены – легкая ротонда сената, голубая церковь, точно перенесенная из Италии, и дальше – сказочные золотые луковицы соборов, – знакомые, сотни раз воспринятые образы стояли в своей вековой неподвижности».

Это – святое пространство Москвы, великого и нетленного города замыкалось куполами Василия Блаженного «с перевитыми, зубчатыми, точно булавы, главами пестрели и тешили глаз, словно гирлянда, намалеванная даровитым ребенком, разыгравшимся среди мрака и крови, дремучего холопства и изуверных ужасов Лобного места»³⁶³.

В повести И. Шмелева «Лето господне» образ города в священные праздники Рождества, пасхи, масленицы окружен поэтическим ореолом великого Таинства – рождения и Воскрешения Христа. Образ города, его центр – Кремль и Храм Василия Блаженного окрашены в цвет «золотисто-розовый, над снежной Москва-рекой.. Окна розового дворца сияют. Белый собор сияет. Золотые кресты сияют - священным светом. Все - в золотистом воздухе, в дымном- голубоватом свете: будто кадят там ладаном».

Ощущение святости: «Кажется мне, что там - Святое и нет никого людей. Стены с башнями - чтобы не смели войти враги. Святые сидят в Соборах. И спят Цари. И потому так тихо.

Это чувство причащения к Божественному таинству, рождающее причастность к прошлому – придает герою повести ощущение величия *события* –

---

³⁶³ Боборыкин, П.Д. Китай –город . М.: Директ –Медиа, 2015. С.90.

рождения Христа, которое связывает воедино прошлое- настоящее- будущее, когда время сосредотачивается в вечном - настоящем, а пространство сужается и концентрируется в воспоминании... «Что во мне бьется так, наплывает в глазах туманом? Это - мое, я знаю. И стены, и башни, и соборы... и дымные облачка за ними, и эта моя река, и черные полыньи, в воронах, и лошадки, и заречная даль посадов... - была во мне всегда. И все я знаю. Там, за стенами, церковка под бугром - я знаю. И щели в стенах - знаю. Я глядел из-за стен... когда?.. И дым пожаров, и крики, и набат... - все помню! Бунты, и топоры, и плахи, и молебны... - все мнится былью, моею былью... - будто во сне забытом»³⁶⁴.

Еда как элемент причащения играет важную роль в семейных традициях православия. Это – фактор евхаристии - «вкушения тела Христова», поэтому ритуал семейной рождественской евхаристии неспешен: «Наше Рождество подходит издалека, тихо. Глубокие снега, морозы крепче. Увидишь, что мороженных свиней подвозят, - скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче - белугу, осетрину, судачка, наважку; победней - селедку, сомовину, леща... У нас, в России, всякой рыбы много. Зато на Рождество - свинину, все. В мясных, бывало, до потолка навалят, словно бревна, - мороженные свиньи. Окорока обрублены, к засолу. Так и лежат, рядами, - разводы розовые видно, снежком запорошило». На рынках Москвы много еды, но в образах И. Шмелева огромное количество вкусной еды не создает ощущения гастрономического соблазна, ароматы церковные, пища постная: «вот и медовый ряд. Пахнет церковно, воском. Малиновый, золотистый, - показывает Горкин, - этот называется печатный, энтот - стеклый, спускной... а который темный - с гречишки, а то господский светлый, липнячок-подсед. Липовки, корыта, кадки. Мы пробуем от всех сортов. На бороде Антона липко, с усов стекает, губы у меня залипли. Будочник гребет баранкой, диакон - сайкой. Пробуй, не жалко! Пахнет от Антона медом, огурцом. Черпают черпаками, с восковиной, проливают на грязь, на шубы. А вот - варенье. А там - стопками ледяных тарелок -

---

³⁶⁴ Шмелев, И.С. Лето Господне. М.: Детская литература, 2009. С.36.

великопостный сахар, похожий на лед зеленый, и розовый, и красный, и лимонный. А вон чернослив моченый, россыпи шепталы, изюмов, и мушмала, и винная ягода на вязках, и бурачки абрикоса с листиком, сахарная кунжутка, обсахаренная малинка и рябинка, синий изюм кувшинный, самонастояще постный, бруски помадки с елочками в желе, масляная халва, калужское тесто кулебякой, белевская пастила... и пряники, пряники - нет конца притаившейся радостью, которая смешалась с грустью, я выхожу из церкви. По ограде навешаны кресты и звезды, блестят стаканчики»³⁶⁵.

Запрет на еду в предрождественский сочельник и освящение кутьи – обязательный ритуал перед воссиянием Первой звезды: «Сочельник, под Рождество, - бывало, до звезды не ели. Кутью варили, из пшеницы, с медом; взвар - из чернослива, груша, шептала... Ставили под образа, на сено. Почему?.. А будто - дар Христу. Ну... будто. Он на сене, в яслях. Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. На стеклах лед, с мороза. Вот, брат, красота-то!.. Елочки на них, разводы, как кружевное. Ноготком протрешь - звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон - другая... Стекла засинелись. Стреляет от мороза печка, скачут тени»³⁶⁶.

Пост перед Пасхой как память о кончине и Воскресении Христа в семейной традиции – поминовение Спасителя, поэтому «в доме открыты форточки, и слышен плачущий и зовущий благовест - по-мни... по-мни... Это жалостный колокол, по грешной душе плачет. Называется - постный благовест». В убранстве дома отсутствует богатые аксессуары: «Шторы с окон убрали, и будет теперь победному до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина - "Красавица на пиру" - закрыта простынею. Преосвященный так посоветовал. Покачал головой печально и прошептал: «Греховная и соблазнительная картинка!». В еде табуирована запретами: «от масленицы нигде ни крошки, чтобы и духу не было. Даже

³⁶⁵ Шмелев, И.С. Лето Господне. М.: Детская литература, 2009. С.39.

³⁶⁶ Там же. С.41.

заливную осетрину отдали вчера на кухню. В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, - великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, - такая прелесть. Я хватаю щепотками - как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост»³⁶⁷.

Скоромная пища в православной семейной традиции обладает высокими вкусовыми качествами, табу на мясо, поэтому «будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, "кресты" на Крестопоклонной... Мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар - лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам... а кутья с мармеладом в первую субботу, какое-то "коливо"! А миндальное молоко с белым киселем, а киселек клюквенный с ванилью, а... великая кулебяка на Благовещение с вязигой, с осетринкой! А калья, необыкновенная калья, с кусочками голубой икры, с маринованными огурчиками... а моченые яблоки по воскресеньям, а талая, сладкая-сладкая "Рязань"... а грешники, с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотой внутри!.. Неужели и там, куда все уходит из этой жизни, будет такое постное!»³⁶⁸.

Предпасхальная ночь как преддверие огромного праздника, в связи с этим Событием праздничное убранство комнат: «в комнатах - пунцовые лампадки, пасхальные: в Рождество были голубые?.. Постлали пасхальный ковер в гостиной, с пунцовыми букетами. Сняли серые чехлы с бордовых кресел. На образах веночки из розочек. В зале и в коридорах - новые красные "дорожки". В столовой на окошках - крашеные яйца в корзинах, пунцовые: завтра отец будет

³⁶⁷ Шмелев, И.С. Лето Господне. М.: Детская литература, 2009. С.72.

³⁶⁸ Шмелев, И.С. Лето Господне. М.: Детская литература, 2009. С.22.

христосоваться с народом. В передней - зеленые четверти с вином: подносить. На пуховых подушках, в столовой на диване, - чтобы не провалились! - лежат громадные куличи, прикрытые розовой кисейкой, - остывают. Пахнет от них сладким теплом душистым»³⁶⁹.

Ароматы праздника усиливаются предчувствиями величия События – Воскресения Христа, еда приобретает символический, сакральный смысл. «Стоит Плащаница в церкви одна, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны. И это для Него Ганька полез на крест, и отец в Кремле лазит на колокольню, и Василь Василич, и все наши ребята - все для Него это! Барки брошены на реке, на якорях, там только по сторожу осталось. И плоты вчера подошли. Скучно им на темной реке одним. Но и с ними Христос, везде... Кружатся в окне у Егорова яички. Я вижу жирного червячка с черной головкой, с бусинками-глазами, с язычком из алого суконца... дрожит в яичке. Большое сахарное яйцо я вижу - и в нем Христос».

Символический смысл еды, вкушения обретает в святые праздники Масленицы - Прощенного воскресения особый вкус, несмотря на то, что « стоял он неделю в банях, у "сборки", где собирают выручку, сыпали в "горки" денежки - на масленицу на чай, - таскали его по городу... Однако «приходит вечер. Я вытаскиваю из пряника медведиков и волков..., разламываю золотые горы, не застряло ли пяточка, выдергиваю все елочки, снимаю розы, срываю золотые нитки. Остается пустынный пряник. Он необыкновенно вкусный. Но он необыкновенно вкусный: должно быть, с медом»³⁷⁰.

В образах святых праздников в повести И. Шмелева «Лето Господне» город, церковь и дом становятся *одним пространством, местом* поминовения великого События Рождения и Воскрешения Христа. Поэтому семейные традиции Дома смыкаются с Церковью, как бы продолжая в Доме великую традицию соборности и любви. Все это транслируется в убранство семейного жилища, приготовления

---

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Шмелев, И.С. Лето Господне. М.: Детская литература, 2009. С.45.

еды, в красочном описании продуктов, причем их обилие лишено искусства *гастрономического соблазна*, потому что еда имеет важные символические смыслы, а ее обилие на рынках и ярмарках города – даже в период Великого поста – средство от погружения в уныние – одного из основных грехов православия. Именно в этом смысл замечания одного из героев повести: «Весело у нас постом-то? а? Как ярмонка. Значит, чтобы не грустили»³⁷¹.

Если следовать идее схематизации профанности еды как отпадения от таинства евхаристии, то семейные традиции православной семьи сводятся к идее *молитвенного вкушения в семье*, что представлено в повести И. Шмелева «Лето Господне».

3.3. Феномен еды как культурный код города: гастрономическая идентификация и способ коммуникативности в образах словесной культуры (по роману Джеймса Джойса «Улисс», Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой»)

Цель: Рассмотреть феномен еды в повседневности гастрономического события, выделив гастрономическую идентификацию как фактор гастрономического события в контексте образов словесной культуры

Задачи:

- определить культурные (Леви-Стросс) смыслы еды как *кода культуры*;
- обозначить образы *культурного кода еды* в дискурсе городского пространства в произведениях Джеймса Джойса «Улисс», Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой»;
- рассмотреть культурный код еды в образах словесной культуры русских писателей – травелогов (В. Некрасов, Э. Тополь, А. Стефанович) в контексте культурного диалога

Культурный смысл еды в ее первоначальных истоках сводится, как отмечает К. Леви-Строс к двум факторам: приготовление – поедание, как «первое

---

³⁷¹ Там же. С.48.

гастрономическое событие» - перехода из сырого состояния в приготовленное. Это означало развитие культуры, внесение огня в приготовлении пищи. В прарелигиозном смысле приготовление- поедание означало поедание тотема, в котором тотем являлся символом жертвы, а приготовление – процесс «отчуждения» в физическое тело, таким образом, тотем как гастрономическое событие³⁷² представляет собой оппозицию *приготовление-поедание*, имеющей

---

³⁷² Тотем «ототем» (инд.) означает род прарелигиозного верования, выражающая мистическое поклонение человека животному или растению. Животное, которое являлось средством существования человека, обожествлялось им, являлось объектом поклонения, представлялось своим телом. Главным обрядом являлось вкушение тела (теофагия, см. также просфира, причащение). Представители рода систематически убивали тотемное животное (см. заклание) и торжественно, при соблюдении целого ряда обрядов и церемоний, съедают его, чаще всего без остатка, с костями и внутренностями. Подобный же обряд имеет место и в том случае, когда тотемом является растение (см. колачи, коляда). Позднее в тотемизм были привнесены элементы социальных, в первую очередь кровно-родственных, отношений. Члены родовой группы (кровные родственники) стали верить в то, что родоначальником и покровителем их группы является определенное тотемное животное или растение и что их отдаленные предки, сочетавшие в себе признаки людей и тотема, обладали необыкновенными возможностями. Это вызывало, с одной стороны, усиление культа предков, а с другой – изменение отношения к самому тотему, в частности к появлению запретов на употребление тотема в пищу, за исключением тех случаев, когда его поедание носило ритуальный характер и напоминало о древних нормах и правилах. Впоследствии в рамках тотемизма возникла целая система запретов–табу. Тотемистические верования сыграли большую роль в процессе формирования первобытного общества. Они выполняли интегрирующую функцию, объединяя людей той или иной группы вокруг признанного ими тотема. Они же достаточно эффективно выполняли регулятивную функцию, подчиняя поведение людей многочисленным запретам – табу, которые должны были соблюдать все члены тотемной группы. См.: ст. «Тотем» Новая философская энциклопедия Режим доступа [Электронный ресурс]:

<http://ipnlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH016ac36evd6e2b7504ddf56a>

Из практики колдунов многих австралийских племен, сибирских шаманов известен универсальный сюжет, описывающий посвящение в таинства общения с духами, божествами, предками и пр. Этот сюжет обязательно включает убийство претендента волшебными персонажами, терзание его плоти и наполнение этой плоти новой сакральной субстанцией, после чего происходит возрождение неофита, уже наделенного новыми силами и свойствами. Универсальность сюжета дает основание предполагать, что он восходит к ранним сакральным культам. В литературе есть такое описание: «У племен, живших в окрестностях Уарбертон Рейндж (Западная Австралия), инициация знахаря происходит следующим образом. Претендент входит в пещеру, и два мифических тотемических персонажа убивают его,

гендерное значение.³⁷³ Семантика слова «есть», еда: «быть – существовать» и «есть – питаться», защищать и обороняться, таким образом, еда – «защитный механизм... то, что позволяет защитить «свое» от «чужого», с одной стороны, с другой – еда – фактор культурной интеграции и диалога³⁷⁴.

Феномен еды как код культуры рассматривается в срезе культурного генезиса еды в ее гендерном значении в контексте национальной культуры, «кулинарного тела» как части гастрономической культуры (Сохань И.В.).

вскрывают его тело, удаляют внутренние органы и заменяют их магическими субстанциями. Они также удаляют плечевую и большую берцовую кости, которые засушивают и, прежде чем восстановить их, наполняют теми же веществами» (Элиаде, 1998, с. 235). В различных религиях существует универсальная традиция постов и голоданий, необходимых для посвященных». См.: Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. Режим доступа [Электронный ресурс] http://kgotov.info/library/05_d/ov/govolskaaya.htm

³⁷³ Сохань И.В. Женщина и гастрономический код культуры //Женщина в российском обществе. 2010. Т. 57. № 4. С. 50-60. Режим доступа [Электронный ресурс]:<http://womaninrussiansociety.ru/>

С точки зрения антропологов «приготовленная пища – возможно, наиболее ранний объект кражи в обществе человека. Хотя в этих рассуждениях мы уже совершенно лишены биологических фактов, однако предлагаемая «теория кражи и защиты» также имеет право на существование. Известно, что связь женщины с кухней – одна из фундаментальных поведенческих характеристик вида и не зависит от расовой или культурной принадлежности. Предполагается, что эта традиция восходит к времени существования архантропов, когда женщина, занявшись кухней, значительно повысила свою социальную роль. Приготовленная питательная и энергонасыщенная пища могла явиться предметом своего рода «охоты» или воровства. Поэтому у мужчины в обществе появляется новая важная социальная роль – защитника женщины, которая умеет добыть и приготовить пищу. Некоторые исследователи связывают агрессию, проявляемую в похищении еды, с сексуальной агрессией по отношению к женщинам, приготавливающим эту пищу. В таком случае роль мужчины двойка – защита приготовленной женщиной пищи и защита самой женщины от внешней мужской агрессии (Wrangham et al., 1999). Таким образом, согласно этой гипотезе, и формируются устойчивые психические стереотипы совмещения образов сексуальной притягательности женщины и пищи, получаемой из рук женщины. См.: Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. Режим доступа [Электронный ресурс] http://kgotov.info/library/05_d/ov/govolskaaya.htm

³⁷⁴ Марушкина Н.С. Концепт еда в контексте диалога. Автореферат на соискание уч. ст кандидата культурологии: 24.00.01 Ивановский государственный университет].- Иваново, 2014. - 166 с..Режим доступа [Электронный ресурс] <http://sneloveknauka.com/kontsept-eda-v-kontekste-dialoga-kultur#ixzz4fWkaNYrH>

Понятие гастрономическое тело культуры анализируется в диссертационном исследовании Капкан М.В. «Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX-XX века)». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата культурологии Екатеринбург - 2010). Автором представлено понятие гастрономической культуры в повседневности, ее структура как система кулинарной культуры, принятие пищи как культура, рефлексия кулинарной культуры в ее регулятивности, функции идентификации, коммуникативности, трансляционности.

Феномен еды является неременным фактором повседневности. Повседневность, согласно определению Б.Вальденфельса имеет ряд признаков: а) рациональность, порядок³⁷⁵; б) повседневное – оппозиция неповседневному³⁷⁶; в) повседневность как культура не может быть противопоставлена культуре в целом через оповседневнивание³⁷⁷; г) преодоление повседневности – внеповседневное³⁷⁸.

---

³⁷⁵ «Повседневность - то, что воплощается в смысловые, правильные, регулярно повторяющиеся, рассудочно-прозрачные взаимосвязи, которые существуют в различных полях и стилях рациональности». Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 39-50. С.40.// СОЦИО-ЛОГОС.-М.:Прогресс,1991.480с.

<http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000927/st000.shtml>

³⁷⁶«Повседневное - это привычное, упорядоченное, близкое. В противоположность повседневному неповседневное существует как непривычное, вне обычного порядка находящееся, далекое». Там же. С.41. В силу этого «противопоставление повседневного и неповседневного, профанного и сакрального возникает с древнейших времен и лежит в основе мифов и ритуалов». Там же. С.42.

³⁷⁷«Повседневность существует в единстве с обществом и культурой, как только они приобретают твердую организацию. Падение в чистые механизмы и стереотипы происходит лишь тогда, когда оповседневнивание отделяется от обратного движения, о котором сейчас и будет идти речь. Если отделение повседневного приобретает патологические черты, то происходит остановка на определенном уровне развития». Там же. С.46.

³⁷⁸ «Повседневность существует как место образования смысла, открытия правил». Это-культура «которая изначально исходит из требований простого выживания». Критика, которая соответствующие нововведения слишком быстро представляет как чистую функцию, как аутсайдерство, необычность и экстравагантность, должна помнить, что ее собственные достижения могут существовать только за счет этого преодоления повседневности.Превосходство над собой возможно, пока повседневное сохраняет

Повседневное представляет собой фактор привычного, процесс «привыкания и освоения», когда «навыки человека преобразуются в знания и умения, которые многократно воспроизводятся и воплощаются в материальных предметах. Это касается питания, одежды, продолжения рода, пространственной ориентации жилища, распределения времени и многого другого - всего того, что принадлежит миру близкому и знакомому для человека, миру, в котором он может свободно ориентироваться»³⁷⁹.

В культуре повседневности *феномен еды* представляет собой подчинение определенному *распорядку* принятия пищи, который регулирует функции человеческого организма. Этот повседневный (обычный или профанный) аспект еды в культуре имеет «скрытый», сакральный смысл, определяющий духовное значение (поедание тотема, вкушение тела Христова), как ограничение и табуирование еды. Таким образом, феномен еды в контексте соотношения профанности и сакральности представляет собой фактор *преодоления* повседневности, переходом к ее новому уровню «внеповседневного» (Б.Вальденфельс).

В этом смысле феномен еды, являясь непременным атрибутом человеческой жизни, представляет собой *культурный код*, который преломляется в различных формах жизнедеятельности человека, связан с его национальной спецификой, а также местом проживания и историческим временем.

Феномен еды в пространстве современного города может рассматриваться как *гастрономическое событие* только в случае преодоления границ повседневности, связанной с соотношением границ профанного и сакрального.

В образах словесной культуры феномен еды, как культурный код города, наиболее ярко обозначен в таких произведениях художественного романа и

свою обратную сторону - внеповседневное. Обратная сторона не означает чего-то целого или более высокого, а означает переливающееся красками (schangierend*) иное, которое нельзя подчинить...» Там же. С. 46-47.

³⁷⁹ Там же. С.41.

биографической эссеистики как «Улисс» Дж.Джойса и «Праздник, который всегда с тобой» Э. Хэмингуэя.

Роман Д. Джойса «Улисс» произвел подлинную революцию в западноевропейской культуре прошлого столетия, что обозначено известным философом С.С. Хоружием в его предисловии к роману «Улисс в зеркале русской литературы».

С.С. Хоружий показывает, что значимость этого произведения «в решительном разрыве «Улисса» со всею двухсотлетней традицией английского буржуазного романа», которая зиждилась «на прочной системе ценностей, воплощенной в определенной модели человека». Здесь повседневные привычные представления английского романа о герое как о «социальном и сословном существе», жизнь которого определялась такими категориями «как деньги, статус, карьера, публичная мораль; любовь, брак, семья рассматривались как социальные темы и социальные институты». Джойс, по мнению С.С. Хоружего, разрушает «резко и вызывающе» культуру английского буржуазного романа с его пониманием образа человека «как существа социально детерминированного, вменяемого в систему социально-сословных отношений и ценностей». Поэтому «Улисс» — «индивидуалистский бунт, утверждение первичности человека внесоциального, человека самого по себе»³⁸⁰.

Основная тема романа, по мнению С.С. Хоружего - «стихия телесности, телесной жизни — сквозная и настойчивая тема «Улисса», одна из специфических его тем»³⁸¹.

Телесность в романе многообразна: «тема тела, его жизни и его функций как таковых; и тема о том, что состояние тела влияет и на эмоции, и на мысли человека, и все три сферы, тело, душа и дух, тесно взаимодействуют и переплетаются; и наконец, это уровень телесных образов, аналогий, ассоциаций,

---

³⁸⁰ Хоружий С.С. Вместо послесловия /Джойс Д. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего; коммент. С. Хоружего. — М.: Республика, 1993. 671 с. ISBN 5-250-02181-6/ С.552

³⁸¹ Хоружий С.С. /Джойс Дж. Улисс. — М.: Республика, 1993. С.553.

применяемых для выражения самых разных идей». Сам Джойс называл свой роман «эпосом человеческого тела»³⁸².

Человеческое тело ассоциируется с *телом города*, которому посвящен роман. В связи с этим путешествие Блума по городу, вмещенное в один день, связано с телом, телесными функциями. Город, ассоциируясь по мысли автора, с телом человека, с телом, телесностью героя, представляет *единство* тело города и тело Блума, который знает, ощущает особенности города, как особенности своего тела. Поэтому «если город исчезнет с лица земли, его можно восстановить по моей книге», – эти слова Джеймса Джойса приводит один из лучших знатоков его творчества и автор комментариев к роману С. Хоружий³⁸³.

Феномен еды в романе Дж. Джойса коррелируется с образами города, который облекается в форму физиологической телесности. В понимании Блума еда является средством идентичности его как личности с пищей. Для него неприемлемыми являются кафе или бары, в которых происходит принятие пищи как удовлетворение голода. Это, так называемая «торопливая еда» возмущает Блума, воспринимающего прием пищи как *эстетический процесс наслаждения*. Блум «повернул за угол у Комбриджа... С неутраченным волнением в сердце он подошел к столовой Бертона и толкнул дверь. От удушливой вони перехватило дыхание. Пахучие соки мяса, овощная бурда. Звери питаются. Люди, люди, люди... Человеческий дух. Заплеванные опилки, тепловатый и сладковатый дым сигарет, вонь от табачной жвачки, пролитого пива, человеческой пивной мочи, перебродившей закваски»³⁸⁴. В этой столовой «у стойки взгромоздились в шляпах на затылок, за столиками, требовали еще хлеба без доплаты, жадно

³⁸² Хоружий С.С. Хоружий С.С. Вместо послесловия /Джойс Д. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего; коммент. С. Хоружего. — М.: Республика, 1993. 671 с. ISBN 5-250-02181-6/ С.552.

³⁸³ Хоружий С.С. Хоружий С.С. Вместо послесловия /Джойс Д. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего; коммент. С. Хоружего. — М.: Республика, 1993. 671 с. ISBN 5-250-02181-6/ С.43.

³⁸⁴ Хоружий С.С. Хоружий С.С. Вместо послесловия /Джойс Д. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего; коммент. С. Хоружего. — М.: Республика, 1993. 671 с. ISBN 5-250-02181-6
Джойс Дж. Улисс. – М.: Республика, 1993. – 325 с. С.129.

хлебают, по-волчьи заглатывают сочащиеся куски еды, выпучив глаза, утирают намокшие усы. Юноша с бледным лоснящимся лицом усердно вытирает ложку салфеткой. Новая порция микробов. Мужчина, заткнув за воротник всю в пятнах соуса детскую салфетку, булькая и урча, в глотку ложками заправляет суп. Другой выплевывает назад на тарелку: хрящи не осилил – голые десны – разгрырырызть. Филе, жареное на угольях. Глокает кусками, спешит разделаться. Глаза печального пропойцы. Откусил больше, чем может прожевать. И я тоже такой? Что видит взор идущих мимо? Голодный всегда зол. Работают челюстями»³⁸⁵. Этот образ – образ профанности процесса еды, в привычном для многих людей ритме темпоральности повседневного.

Блум же – эстет и гурман, получающий удовольствие и наслаждение не только от еды и ее процесса, но и от ее эстетического вида. В этом смысле Блума можно идентифицировать с гедонистами античности, производящих «опыты» с едой, с ее вкусовыми ощущениями, пытающихся раскрыть высший смысл наслаждения.

В отличие от них Блум *эстетизирует* процесс принятия пищи в *темпоральности повседневного*, поэтому ритмика процесса - неспешная. «Теперь он уселся, отрезал ломоть хлеба, намазал маслом, срезал пригорелую мякоть и бросил кошке. Наконец, отправил кусочек на вилке в рот и принялся жевать, разборчиво смакуя упругое, аппетитное мясо. В самый раз. Глоток чаю. Потом он порезал хлеб на кубики, обмакнул один в соус и сунул в рот... Он разложил около себя листок с письмом и медленно стал читать, жуя, макая кубики в соус и отправляя их в рот»³⁸⁶.

Или Блум заваривает чай. «Вполне закипел: пар валит из носика. Он ошпарил и сполоснул заварной чайник; насыпал четыре полные ложечки чаю и, наклонив большой чайник, залил чай водой. Поставив чай настояться, он отодвинул большой чайник в сторону и, вдавив сковородку прямо в жар угля,

---

³⁸⁵ Там же. С.130

³⁸⁶ Там же.С.53.

смотрел, как масло плавится и скользит по ней. Когда он развернул почку, кошка жадно мяукнула рядом с ним. Если ей давать много мяса, не будет мышей ловить. Говорят, они не едят свинину. Кошер. Он бросил ей окровавленную обертку и положил почку в кипящее масло. Перцу. Он взял щепотку из выщербленной рюмки для яйца. Посыпал круговыми движениями»³⁸⁷.

Для Блума прием пищи за завтраком регулярен, привычен, но всегда определяется праздничностью, необычностью вкусовых ощущений – это *праздник повседневности*, который является *гастрономическим событием* каждый день.

Поэтому важен не только процесс принятия пищи, но и ее приготовление. Это – приготовление-поедание - процесс священнодействия, который содержит сакральный смысл, выраженный в его культурологическом символическом значении как приобщение к тотему – божеству, жертвенность собственным телом в процессе его отчуждения. Причем в случае с приготовлениями пищи Блумом – смысловой контекст еды связан с гендерными характеристиками, ведь Блум любит готовить мясо, особенно, его жарить, что свойственно только для мускулиного гендера, в отличие от женского, здесь привилегированным считается вареное приготовление пищи.

Поэтому «мистер Леопольд Блум с удовольствием ел внутренние органы животных и птиц. Он любил жирный суп из гусиных потрохов, пупки с орехами, жареное фаршированное сердце, печенку, поджаренную ломтиками в сухарях, жареные наважьи молоки. Всего же больше любил он бараньи почки на углях, которые оставляют во рту тонкий привкус с отдаленным ароматом мочи»³⁸⁸.

Мускулиность Блума, через идентификацию с едой ассоциируется с вожденной почкой, когда он на несколько минут выскакивает из дома в мясную лавку и, покупая ее, провожает взглядом соблазнительную соседку. В сознании Блума постоянно возникают ассоциативные ряды, заканчивающиеся грубой

---

³⁸⁷ Там же. С.50.

³⁸⁸ Там же. С.45.

непристойностью. Но непристойность эта вполне уместна: она органична Блуму, его телесности.

Этому же соответствует завтрак Леопольда Блума, ведь завтрак – повседневный праздник телесности, но одновременно, Блум наблюдает, как кошка лижет «теплопузырчатое молоко», задумываясь над достоинствами бараньих и свиных почек, к которым имеет особое пристрастие.

Путешествие Блума по городу приводит его в кабачок Дэви Берна. Это кафе намного привлекательней столовой. Здесь эстетически комфортней, по сравнению со столовой. Расположившись, Блум размышляет о еде, что предпочтительней: sandwich с сыром, маслины, салат на свежем оливковом масле, горгонзола, останавливается на sandwich с горгонзолой и горчицей. «Мистер Блум поглощал ломтики sandwichа, свежий, тонкого помола хлеб, испытывая небесприятное отвращение от жгучей горчицы и зеленого сыра, пахнущего ногами. Вино освежало и смягчало во рту. Нет вяжущего привкуса. В такую погоду у него лучше букет, когда не холодно»³⁸⁹.

Далее идет восторженный гимн вину: «Вино пропитывало и размягчало склеившуюся массу из хлеба, горчицы, в какой-то момент противного сыра. Отличное вино...Вино мягким огнем растекалось по жилам. Мне так не хватало этого»³⁹⁰.

Удовлетворенный, Блум выходит из кабачка. Он идет по Дьюк-лейн, поворачивает за угол у витрины кондитерской Кэтрин Грэй, переходит на Доусон-стрит, где помогает слепому и думает, что у слепого, должно быть, странное представление о Дублине из-за постоянного постукивания палкой по камням. Это постукивание ассоциируется с запахом города, его улиц. Блум неожиданно замечает, что «у каждой улицы свой запах». Ассоциация ощущений стука палки о камни, запах города связано с ощущением собственных рук: «Рука его искавшая тот куда же я сунул нашла в брючном кармане кусок мыла лосьон забрать теплая

---

³⁸⁹ Там же. С.133.

³⁹⁰ Там же. С.134.

обертка прилипшее. Ага мыло тут я да. Ворота. Спасен!»³⁹¹. В «поток сознания» «вбрасывается» чувство неосознанного беспокойства, которое аккумулируется в мысли о своей жене Молли, у которой, по его мнению, есть любовник. Он собирается их выследить. Но при этом Блум знает, что чувство агрессии по отношению к у него не присутствует. В порядке компенсации он покупает жене подарки: лосьон, лимонное мыло.

В романе – главный герой – город. Город ассоциируется в сознании Блума с телом, телесностью. Город, по которому путешествует Блум, полон символики и знаков. Интересно то, что город нигде не изображен панорамно; в романе нет изображений архитектурные изысков, памятников, величественные здания георгианской эпохи, что было характерно не только для Дублина, но и для жанровых традиций английского и западноевропейского романа. В романе не встречаются изображения домов, есть только образы улиц. Именно образы улиц, которые, по признанию Джойса, интересовали его больше, чем загадки вселенной.

Действительно, «уличная вселенная» Дублина вмещает в себя весь земной шар, если по Дублину бредет человек с живым воображением и фантазией.

Например, Блум, отправляясь в путешествие по городу в солнечный жаркий день, как бы перемещается в восточный город: «Идешь вдоль берега в незнакомой стране, подходишь к городским воротам, там стража... Бродишь по улицам, под навесами. Головы прохожих в тюрбанах. Темные пещеры лавок, где торгуют коврами. Внутри здоровенный турок, свирепый Турка, сидит, поджав ноги, покуривая витой кальян. Крики разносчиков. Для питья вода с укропом, щербет».³⁹² Или проходит мимо «шелковой торговли Брауна Томаса» видит «воздушные китайские шелка. Наклоненный сосуд струил потоком из своего разверстого зева кроваво-красный поплин: сверкающая кровь. Это сюда гугеноты

---

³⁹¹ Там же. С.141.

³⁹² Там же. С.46-47.

завезли. Лакауз эсант. Тара-тара. Замечательный хор. Тара – и тара. Стирать исключительно в дождевой воде. Мейербер. Тара: бум, бум, бум»³⁹³.

Ассоциация с поплином, рождает у Блума воспоминания о гугенотах, итальянском композиторе XIX века Джакомо Мейербере, авторе оперы «Гугеноты». Блум не просто знает о существовании оперы, но и напевает на итальянском музыкальную тему «Лакауз эсант».

Город – это не только пространство улиц, домов, магазинов, это и их логистика в определенных направлениях маршрутизации: «По набережной сэра Джона Роджерсона шагал собранным шагом мистер Блум мимо ломовых подвод, мимо маслобойни Лиска (льняное масло, жмых), мимо Уидмилл-лейн и мимо почтово-телеграфного отделения... и мимо богадельни для моряков. С шумливой утренней набережной он повернул на Лайм-стрит... На Уэстленд-роуд он остановился перед витриной Белфастской и Восточной чайной компании, прочел ярлыки на пачках в свинцовой фольге...»³⁹⁴, – детально, буквально по шагам описывает маршрут своего героя Джойс.

Вот Блум видит девушку, продающую сладости, и он представляет английского короля, сидящего на троне и сосущего карамельки. Странная ассоциация? Нет, вполне закономерная, ибо производитель конфет – поставщик двора Его Величества. Светящееся распятие вызывает у Блума мысли о треске, содержащей много фосфора, если еще и вспомнить, что рыба – символ христианской религии.

Проходя мимо пивной Ларри О’Рурка, он думает о бочках с портером, в которых плавают пьяные от крепкого пива огромные крысы. А вот вид чаек навевает у Блума воспоминания о Шекспире и Гамлете. Затем он вспоминает, что мясо чаек, как, впрочем, и других водоплавающих птиц, отдает рыбой. И тут же размышляет, почему рыба, плавающая в соленой воде, не соленая на вкус.

---

³⁹³ Там же. С.55.

³⁹⁴ Там же. С. 56.

Минуя редакцию газеты «Айриш таймс» Блум думает о тонкостях рекламы, и охоте на лис, и о женском белье, и даже о родах королевы Виктории и его жены Молли. И все эти ассоциации и образы, вытекающие один из другого, создают удивительно многоцветную и многообразную *интеллектуальную мозаику*, которая при всей своей кажущейся алогичности подчиняется внутренней логике.

В определенной степени город в глазах Блума ассоциируется с едой. Блум продолжает свой путь по Дублину. Он поднимается на мост О'Коннелла и провожает глазами баржи с портером, идущие в Англию. Пересекает Уэстморленд-стрит, и в глаза ему бросается реклама велосипедной компании «Ровер». Это рождает ассоциацию «Поток жизни». Останавливается на перекрестке Флит-стрит и решает, позавтракать ему за шесть пенсов у Роу или за восемь у Бертона?

Проходит мимо чайного магазина Болтона на Уэстмоленд, минует двери Ирландского парламента, огибает ограду Тринити-колледжа, переходит улицу на углу Нассау-стрит и проходит мимо модного женского ателье.

Блум – типичный городской житель, поэтому он свысока относится к сельским жителям. На Грифтон-стрит его чувства «дразнят» «яркопестрые» навесы лавок с шелками. Он провожает глазами «величественную матрону» и думает: «Какие толстые ноги у этой в белых чулках... Чистопородная деревенщина». Видимо, считает, что у «горожанок» ноги должны отличаться от ног селян, как ноги аристократок от простолюдинок, забывая строки Роберта Бернса о том, что без одежды «знатная леди и Джуди О'Греди» выглядят абсолютно одинаково.

Далее Блум идет по Камберленд-стрит, по Уэстленд-роуд, проходит мимо мечети, турецких бань и садится в дилижанс, чтобы ехать на кладбище, где должны состояться похороны его приятеля детства Дигнама.

Городское кладбище – итог человеческой жизни и предместье города. Здесь завершается бременное человеческое существование.

Блум путешествует по кладбищу, разглядывает могилы, надгробья, склепы. Фиксирует количество людей, пришедших на похороны. Размышляет о бренности бытия и собственной смерти. Затем переносится воображением и мыслями к кладбищенской земле. «Можно ручаться, почва тучнеет на славу от тучного трупного удобрения, кости, мясо, ногти. Начинка склепов. Жуть. Делаются зеленые и розовые, разлагаются. В сырой земле гниют быстро. Тощие старики дольше держатся. Становятся не то сальные, не то творожистые. Потом чернеют, сочатся черной вонючей патокой. Потом высыхают... На них должна развестись чертова погибель червей. Должно быть, в почве так и кишат, так и кружат», – с каким-то болезненным сладострастием рассуждает Блум³⁹⁵.

Таким образом, следуя логике Блума, феномен еды, при всем своем многообразии перевоплощается в «начинку склепов», а затем «черную творожистую почву».

Однако мысли его прерывает шуршание – «какой-то зверь. Погоди. Вон вылезает. Жирная серая крыса проковыляла вдоль стены склепа по гравии»³⁹⁶. Крыса порождает у Блума ассоциативный ряд причудливого свойства: «Такие вот молодцы живо разделаются с любым. Не будут разбираться, кто, оставят гладкие косточки. Для них мясо и мясо. Труп – это протухшее мясо. А сыр тогда что такое? Труп молока. В этих «Путешествиях по Китаю» написано, что китайцы говорят, от белых воняет трупом...»³⁹⁷. Следовательно, тело человека, которое занимает определенное место в пространстве, в данном случае пространстве города, в конечном итоге, трансформируется в труп, который уничтожается крысами.

Этот образ конца человеческой плоти, которая питается едой, напитками, облекается в одежды, имеет банальный конец. Этот банальный конец определяется профанным значением повседневности, в которой обилие и разнообразие продуктов, кафе, ресторанов, магазинов, лавок, то, что называется

---

³⁹⁵ Там же. С. 84-85.

³⁹⁶ Там же. С. 88-89.

³⁹⁷ Там же. С.89.

гастрономическим соблазном неожиданно вырастает, воплощаясь в образ *символического тотема*.

Происходит инверсия сакрального события, когда гастрономический соблазн города, трансформируясь в тотем поглощает человека как *жертву*. В этом смысл профанности «оповседневности».

И опять рождение ассоциации, когда в самом начале романа Блум бросает кошке обертку бумаги от мяса почки, замечая при этом, что иначе кошка не сможет убить крысу. Повседневный *круговорот*...

В романе присутствует еще один герой, взгляд которого позволяет получить иную информацию о городе. «Высокопреподобный отец Конми» – проходной персонаж. Но его прогулка еще раз позволяет Джойсу взглянуть на Дублин уже не глазами Блума, а священника. Глава романа насыщена названиями улиц и именами горожан. Что же увидел отец Конми во время своей прогулки? Прежде всего, мы узнаем, что он собирается на воды в Бостон, и поэтому у него превосходное настроение. Он окидывает взглядом свиные колбасы в витрине и торфяную баржу, свесившую голову лошади и лодочника в соломенной шляпе. «Картина была идиллической – и отец Конми задумался о мудрости Творца, создавшего торф в болотах, дабы люди могли его извлекать оттуда и привозить в город, и делать из него топливо, согревающее дома бедняков»³⁹⁸, – передает неторопливые мысли отца Конми Джойс. Мысли отца Конми упорядочены и благочестивы, в них нет места вожделению или вульгарности. Но сквозь призму восприятия священника мы вновь знакомимся с Дублином и его жителями.

«Улисс» не только гениальный роман о современном Одиссее – Леопольде Блуме. Это роман о городе и горожанах – о Дублине и дублинцах. С самого начала Джойс очень кропотливо изучает Дублин: рисует схемы города, цветными карандашами прокладывает маршруты передвижения персонажей, отмечает все заметные места города и все его достопримечательности, проводит пути движения трамваев и т.д. Настольной книгой Джойса становится справочник

---

³⁹⁸ Там же. С.141.

«Весь Дублин на 1904 год». Писатель неуклонно и методично заполняет роман «уличной фурнитурой», как говорил сам Джойс. Наконец, он точно выбирает время действия – 16 июня 1904 года.

Образ и национальная принадлежность героя романа Леопольда Блума избраны автором не случайно. Блум – еврей, его мысли обращены к Востоку, к вымышленному, воображаемому городу, к «земле обетованной», к своей прародине. В Ирландии вообще, и в Дублине в частности, евреи в начале XX века представляли собой презираемое меньшинство, не имеющего социального статуса в общественной жизни страны и города.

По замыслу Джойса, герои древности, начиная с библейских времен, именно евреи: Давид, Самсон, Иисус Навин. В этом смысле Джойс разделяет сомнительную гипотезу французского историка и филолога Виктора Берара, который считал Одиссея не греком, а финикийцем-семитом. Но, на наш взгляд, еврейское происхождение Блума подчеркивает не только его национальное родство с Одиссеем, а его униженное положение в тогдашнем обществе, которое усугубляет социальную ущербность героя романа, рождает комплексы социальной неполноценности.

Джойс трансформировал миф, снижая его пафос. Если для античных писателей и поэтов миф – космос и гармония, то для Джойса – хаос и абсурд. Миф изменяется вместе с миром, который этот миф и олицетворяет. Каждому эпизоду романа соответствует песнь из «Одиссеи» Гомера. Но сцены эти намеренно снижены автором. Роль Одиссея – Улисса отводится не сильной личности, политическому или военному деятелю того времени, а мелкому рекламному агенту, живущему в XX столетии, еврею по национальности, скитальцу, не имеющему своей родины, а следовательно, отщепенцу и изгою.

Поэтому «Улисс, ставший героем повседневности, блуждает как некто, в ком есть что-то от никого, пока его не сажают в определенную клетку этого лабиринта. Исследование повседневности, которое не участвует в такого рода изменениях перспективы, легко застревает в произвольном наборе

географических и исторических находок, украшая ими некоторые нынешние «постмодернистские» хранилища»³⁹⁹.

Джойс в романе «Улисс» предстает прекрасным урбанистом, досконально знающим объект своего исследования. Подводя итог восприятию Дублина Джойсом, следует сказать, что читатель тщательно исследуют город, заглядывая в каждый его уголок.

Однако Джойс в своем восприятии и изображении Дублина и дублинцев противоречив. Он не может только любить или только ненавидеть. И в этом противоречии заключается главная привлекательность романа. Он остается загадкой, несмотря на ясность и прозрачность видимых деталей.

Гений Джеймс Джойс – один из этих гениев места, мастеров его изображения. Дублин, который является героем «Улисса» не меньше, чем Леопольд Блум, описан автором с любовью и ненавистью. В письмах Джойса имеется множество проявлений этого чувства. Дублин в романе узнаваем до мельчайших подробностей. Недаром, в 1920 году Джойс обращался из итальянского Триеста к своей тете проверить, видны ли с моря деревья у одной из церквей Дублина? Казалось бы, какое это имеет значение? Но в самых мелких деталях рождается вера в истинность изображения города или правда «потока сознания» персонажей.

16 июня 1904 года. В этот день молодой Джойс познакомился со своей женой Норой. С 1982 года этот день отмечается по всей Ирландии как «блумсдэй». В этот день в Дублин съезжаются поклонники творчества Джойса со всего мира. И идут по маршруту Блума, описанному в романе. Останавливаются в самых известных местах, которые обозначены памятными знаками. Их всего 14. Заходят в бар, где съедают сотни сэндвичей с горгонзолой и выпивают тысячи литров красного бургундского. И от этого город в их восприятии становится гораздо привлекательнее и ближе.

---

³⁹⁹Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 39-50. С.40.// СОЦИО-ЛОГОС.-М.:Прогресс,1991.480с. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000927/st000.shtml>

В Ирландии роман был опубликован только лишь в 1960 году. В 1993 он был признан хрестоматийным и введен в школьную программу для обязательного изучения.

Телесность города и человека, направленность сознания на удовлетворение телесных потребностей, рождает ассоциативные ряды восприятия и удовлетворения телесных потребностей, что концентрируется в так называемом «потоке сознания». Это еще одна эпохальная художественная находка Джойса.

Сам термин «поток сознания» был введен американским психологом В. Джеймсом в конце XIX века и выражал общее течение мыслей человека, которые, при всей своей фрагментарности, самому человеку кажутся неразделимым потоком. В своей работе «Научные основы психологии» (переведена на русский язык еще в 1902 году) в главе под названием «Поток сознания» В. Джеймс писал: «Сознание никогда не рисуется самому себе раздробленным на куски... оно течет. Потому метафора «река» или «поток» всегда естественнее рисует сознание»⁴⁰⁰.

Джойс скрупулезно воспроизводит «поток сознания» Блума. Он старается фиксировать каждое движение его мыслей – отрывочных, незаконченных, цепляющихся друг за друга, перескакивающих с одного на другое. Когда главный персонаж идет по Дублину, Джойс детально описывает его маршрут, объекты, привлекающие его внимание, и мысли, возникающие при их виде.

Вслед за Джойсом крупнейшие писатели разных стран прибегают к этой находке. Целые исторические эпохи, судьбы людей и стран вмещаются в маленькую точку на географической карте, величиной, как выразился Уильям Фолкнер, «с почтовую марку». Дублин для Джойса, Прага для Кафки, Макондо для Маркеса, Йокнопатофа для Фолкнера, хутор Татарский для Шолохова, полустанок Буранный для Айтматова, Москва для Булгакова, Уайнсбург для Шервуда Андерсона, Zenit для Льюиса, Гиббсвилл для О'Хары стали «собственным космосом романиста».

---

⁴⁰⁰ Джеймс В. Научные основы психологии. – СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня, 1902. – 374 с.184.

Многие выдающиеся писатели подчеркивали значимость и знаковость события в контексте хронотопа: «День восьмой» Т. Уайлдера, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова.

В контексте отчуждения мир рисуется холодным, мрачным, антигуманным, чуждым, а часто и враждебным человеку. Джойс умело нагромождает одну отвратительную физиологическую деталь на другую, создавая причудливый омерзительный калейдоскоп. Недаром сам он назвал «Улисс» мозаикой, в том числе и музыкальной. По мнению самого Джойса, с каждым эпизодом романа связаны органы человеческого тела (так, например, сцена с почкой связана с человеческой почкой), музыкальная тема и определенный цвет. В оригинале рукописи каждая строчка действительно подчеркнута разными цветами. «Улисс» представляет собой чрезвычайно сложный художественный организм с множеством сцепок, аллюзий, связей, взаимодействий, нуждающихся в авторском комментарии. В нем быть случайных, неважных деталей и бессмысленных мелочей.

После похорон Блум покидает кладбище и отправляется в редакцию газеты «Телеграф». Здесь мы сталкиваемся с приемом, к которому прибегнет Д. Дос Пассос в романе «Манхэттен»: с заголовками и рекламными объявлениями. Некоторые из них касаются Дублина: «В центре ирландской столицы» и «Добрый дряхлый Дублин». Последний содержит аллюзию на выражение «Добрая старая Англия». Эпизод начинается с трамвайных маршрутов у колонны Нельсона (вновь намек на центральную площадь Лондона со знаменитой колонной Нельсона), а заканчивается тем, что «две дублинские весталки... желают посмотреть панораму Дублина с вершины колонны Нельсона». Это весьма колоритные жительницы Дублина – «престарелые и набожные, прожили пятьдесят и пятьдесят три года на Фамболли-лейн». Таких сценок дублинской жизни не счесть в романе. Мы встречаемся с множеством лиц, вроде бы не имеющих никакого отношения к сюжету, но создающих незабываемый городской антураж.

Характерная черта писателей-модернистов, так называемые, минус-приемы. Многие минус-приемы заключаются в нагнетании физиологических подробностей, в смаковании низменных деталей жизни, в передаче отталкивающих подробностей.

В романе «Улисс» мы сталкиваемся с посещением туалета Блумом и описанием процесса дефекации. Почти такая же отвратительная картина предстает перед читателем и при посещении Блумом столовой Бертона: «Кажется, что это не почтенные ирландцы, а стадо свиней с острова Цирцеи, в которых волшебница превратила спутников Одиссея».

Таким образом, город в образах постмодернистского романа Дж. Джойса предстает как *пространство улиц*, в котором как в «лабиринте повседневности» блуждает герой романа. Улицы выражают не только свои образы, они в единстве с кафе, ресторанами, барами и забегаловками создают некую *онтологию* феномена еды. Именно здесь Блум находит минуты наслаждения от поедания – приема пищи и напитков, здесь, в своем воображении ощущает приобщенность к родине, то есть улицы чужого города, как и еда, служат способом самоидентификации с городом, с «чужим пространством».

Следовательно, уличные странствия Блума - это способы самоидентификации, во-первых, с *пространством*, где основными семиотическими признаками являются кафе, бары и другие места общественного питания; во-вторых, с *едой*, так как именно еда помогает обрести *защиту*, как определенный способ преодоления социальной незащищенности. Поэтому повседневность, как обыденность и рациональная регулятивность жизни, приобретают характер неповседневности – праздника и праздничности как фактора *гастрономического события*. В то же самое время город как *тело гастрономического соблазна*, в конечном итоге, превращается в символический тотем, пожирающего человека «едащего» как жертву.

Образ Парижа в изображении Эрнеста Хемингуэя, в отличие от романа Дж. Джойса, приобретает поэтическую праздничность. Это - город, поэтического

образа Парижа вмещается в повседневную жизнь молодого писателя-американца Хемингуэя, приехавшего в Париж в поисках творческого вдохновения. Его «Праздник, который всегда с тобой» - роман о городе. Роман, хотя по жанру он относится к мемуарам. Он вышел в свет уже после смерти писателя.

Двадцатые годы прошлого столетия – время, когда писатель жил в Париже. Мотивы молодого Хемингуэя, уехавшего в Европу, человека семейного и бедного определяются тем интеллектуальным и творческим «голодом», который ощущали многие писатели Америки. Особенно ярко выражена культурная атмосфера страны в книге Гарольда Стирнса «Цивилизация в Соединенных Штатах»(1921), в которой подверглись резкой критике особенности культурной жизни в стране, переживавшей период культурного упадка, унификации и нивелирования ценностей, характерных для технократической машинизированной культуры. Хемингуэй, будучи беден, обремененным семьей, приезжает в незнакомый, чужой город, столицу творческого «мейнстрима», город маститых писателей и гениальных художников. На страницах его воспоминаний город изображен как *необычный*, светлый и радостный. Париж в то время – город, притягивающий многих творческих людей.

Эрнест Хемингуэй создает удивительный образ Парижа. Этот образ притягателен, прежде всего, своей поэтичностью, в которой нет места повседневности. Париж – *необычный феномен*, этой мыслью проникнуты страницы хемингуэевского романа. В этом смысле город не только преодолевает обыденность повседневности в понимании автора, превращаясь в праздник, он нечто иное, - *внепосредственное*, что по мысли Вальденфельса Б., сравнимо с «schange (фр.) - шанжан, камень, меняющий при поворачивании цвет⁴⁰¹.

Париж, как драгоценный камень, меняющий свой цвет, был образной интенцией многих знаменитых писателей. Именно поэтому Париж – город, о

---

⁴⁰¹Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 39-50. С.50.// СОЦИО-ЛОГОС.-М.:Прогресс,1991.480с. <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000927/st000.shtml>

котором написано больше, чем о любом другом городе мира. О Париже писали Бальзак и Генри Миллер, Виктор Некрасов, Илья Эренбург и Алексей Толстой, Виктор Гюго и Эрих Мария Ремарк. Этот город стал родным и узнаваемым даже для тех, кто никогда его не видел.

Париж – живое существо, наделенное душой. Он, то холоден и мрачен, как в творчестве Генри Миллера, то притягателен и обманчив, как у Оноре де Бальзака, то радушен и привлекателен, как у Александра Дюма.

Но только Эрнест Хемингуэй обозначает этот город как праздник, который всегда с тобой, который становится образным нарративом города. Собственно говоря, *нарративный диалог* автора с городом обусловлен фактором внеповседневности, который создает атмосферу необычности этого пространства, где есть все условия для осуществления возможности пересечения границ «свой – чужой».

Для молодого, бедного американца, приехавшего в чужой город, отличающийся от нравов пуританской Америки, было достаточно сложно почувствовать и обрести психологическую адаптацию, преодолеть отчуждение города. В этом смысле характерным является то, что писатель раскрывает образ города, апеллируя внимание читателя к огню, теплу, которое излучает город на улицах, в кафе от жаровень, приглашающих погреться в холодную погоду, в домах у излучающих живое тепло каминов, тепло парижской погоды. Эта приверженность к теплу создает впечатление поисков идентификации себя, своей личности с городом, ощущаешь бедность будущего великого писателя, для которого тепло – высшее благо.

В своих воспоминаниях Хемингуэй с завидным постоянством возвращает читателя к образу «тепла». При этом у Хемингуэя - особенный образный стиль, который позднее назовут «кинематографическим», он мастерски создает эстетически зримый образ происходящего: парижское предзьимье, холодная и ясная безветренная погода. «Когда мы вернулись в Париж, стояли ясные, холодные чудесные дни. Город приготовился к зиме. На деревянном и угольном

складе напротив нашего дома продавали отличные дрова, и во многих хороших кафе на террасах стояли жаровни, у которых можно было погреться. В нашей квартире было тепло и уютно»⁴⁰². Или описание квартиры-студии Гертруды Стайн на улице Флерюс, 27. Хемингуэй вновь подчеркивает, что в квартире было «тепло и уютно» из-за большого камина, где «вас угощают вкусными вещами и чаем».

Недостаток тепла, по всей видимости, связан с бедностью писателя. Может быть, еще и поэтому он достаточно большое внимание в своем романе уделяет парижской погоде. Но, что бы он не вспоминал, окрашено любовью и душевным теплом. Так происходит и с изображением атмосферы парижского кафе «Для любителей». «Это было мрачное кафе с дурной репутацией, - вспоминает писатель, - «где собирались пьяницы со всего квартала... Кафе «Для любителей» было выгребной ямой улицы Муфтар, узкой, всегда забитой народом торговой улицы»⁴⁰³. Мрачная атмосфера кафе усугубляется холодной погодой, дождем и ветром. Однако у читателя не создается ощущения «отчужденности», замкнутости. И хотя дождь, холодный ветер срывает листья с деревьев на площади Контрэскарп, наверное, приятно зайти даже в такое «мрачное» кафе, настолько живо, с кинематографической точностью запечатлено кафе, где «окна запотевали от тепла и табачного дыма».

Париж славен своими ресторанами и кафе. И Хемингуэй отдал должное и бару отеля «Ритц», и кафе «Клозери де Ли́ла», и «Куполу», и «Ротонде», и многим другим. Однако в Париже он открывает и такие места, где покойно и тихо, где не встретишь ни одного ресторана или кафе: «Из Люксембургского сада можно пройти по узкой улице Феру к площади Сен-Сюльпис, где тоже нет ни одного ресторана. А только тихий сквер со скамьями и деревьями... Если отправиться оттуда дальше, к реке, то не минуешь булочных, кондитерских и лавок, торгующих фруктами, овощами и вином. Однако, тщательно обдумав, какой

---

⁴⁰² Хемингуэй Э. Собрание сочинений: в 3-х т. – М.: Терра, 2000. С.427.

⁴⁰³ Хемингуэй Э. Собрание сочинений: в 3-х т. – М.: Терра, 2000. С.420.

дорогой идти, можно повернуть направо, обойти вокруг серо-белой церкви и выйти на улицу Одеон... на улице Одеон нет ни кафе, ни закусочных до самой площади, где три ресторана⁴⁰⁴.

Кафе для Хемингуэя были не столько способом вкусно поесть, сколько *пространством* для творческой работы. Описывая свой быт, писатель вспоминает, что дома работать было практически невозможно, так как «на верхний этаж вело шесть или восемь лестничных маршей, там было очень холодно». Еще одной из причин было осознание, «сколько придется отдать за маленькую вязанку хвороста – три обмотанных проволокой пучка коротких, длиной с полкарандаша, сосновых лучинок для растопки и охапку сыроватых поленьев, – чтобы развести огонь и нагреть комнату. А потому я перешел под дождем на другую сторону улицы, чтобы посмотреть, не идет ли дым из какой-нибудь трубы и как он идет. Но дыма не было, и я решил, что трубы, очевидно, остыли, и не будет тяги, и в комнате будет полно дыма, и дрова сгорят зря, а с ними сгорят и деньги, и зашагал под дождем»⁴⁰⁵.

Поэтому писатель идет под дождем, подробно описывая свой маршрут: «я прошел мимо лицея Генриха IV, мимо старинной церкви Сент-Этьен-дю-Мон, пересек открытую всем ветрам площадь Пантеона, ища укрытия, свернул направо, вышел на подветренную сторону бульвара Сен-Мишель и, пройдя мимо Клюни бульваром Сен-Жермен, добрался до кафе на площади Сен-Мишель, которое я хорошо знал». Здесь в кафе «я повесил свой старый дождевик на вешалку, чтобы он просох, положил выдавшую виды фетровую шляпу на полку поверх вешалки и заказал *café au lait*. Официант принес кофе, я достал из кармана пиджака блокнот и карандаш и принялся писать: «я писал о том, как было у нас в Мичигане, и поскольку день был очень холодный, ветреный и неудобный, он получился таким же в рассказе». Образ поздней осени в чужом городе

---

⁴⁰⁴ Там же. С. 455.

⁴⁰⁵ Там же. С.420.

представляется Хэмингуэю «как пересадка на новую почву, и людям она так же необходима, как и растениям»⁴⁰⁶.

Эта «пересадка на чужую почву» имела благотворный эффект катарсиса, поэтому, когда «в рассказе охотники пили, и я тоже почувствовал жажду и заказал ром «сент-джеймс». Он показался мне необыкновенно вкусным в этот холодный день, и, продолжая писать, я почувствовал, как отличный ром Мартиники согревает мне тело и душу»⁴⁰⁷.

Творчество захватывает Хэмингуэя настолько, что он забывает обо всем. «Теперь писал я, он не сам писался, и я уже не отрывал глаз от бумаги, забыл о времени, о том, где я, и больше не заказывал рома "Сент-Джеймс". Потом рассказ закончился, и я почувствовал сильную усталость»⁴⁰⁸.

Творческий процесс писателя раскрывает в нем «охотника» за образами. Он наблюдает за посетителями кафе, чувствуя творческую сопричастность со всеми. Вот в кафе «вошла девушка и села отдельно за столик у окна. Она была хорошенькая, со свежим, как только отчеканенная монета, лицом, с гладкой благодаря дождю кожей и черными как вороново крыло волосами, наискось срезанными над щекой». Образ этой девушки был настолько ярким, что писателю хотелось поместить ее в рассказ, он «заказал еще рома "Сент-Джеймс" и посматривал на девушку всякий раз, когда отрывался от письма или затачивал точилкой карандаш, с которого на блюдце под моим стаканчиком опадала кудрявая стружка».

Образ девушки – это тот образ, который захватил художника как охотника образов. Эта волна творческого накала и вдохновения, вложенная в бумагу и карандаш, дают писателю ощутить творческий исток вдохновения, который, по выражению М. Хайдеггера «есть раскрытие истины сущего», слияние с бытием – событие. Поэтому Париж для Хэмингуэя – событие творчества, которое дарит ему чувство сопричастности с сущим в этом кафе, в холодном, продуваемом

---

⁴⁰⁶ Там же. С.421.

⁴⁰⁷ Там же. С.421.

⁴⁰⁸ Там же.

ветрами Париже. Именно поэтому писатель, раскрывая смысл своей творческой лаборатории, замечает: «Я увидел тебя, красотка, думал я, и теперь ты моя, кого бы ты ни ждала, и пусть я больше никогда тебя не увижу, ты принадлежишь мне, и Париж принадлежит мне, а я принадлежу этому блокноту и этому карандашу»⁴⁰⁹.

Этот накал творческого вдохновения дает возможность ощутить особый вкус еды и своего творческого предназначения: «я ел устрицы, сильно отдававшие морем, холодное белое вино смывало легкий металлический привкус, и тогда оставался только вкус моря и ощущение сочной массы во рту; и глотал холодный сок из каждой раковины, запивая его терпким вином, и у меня исчезло это ощущение опустошенности, и я почувствовал себя великим и начал строить планы»⁴¹⁰.

Феномен еды как атрибут города занимает значительное место в творчестве писателя. Однако еда в его произведениях – прекрасный натюрморт телесности, проникнутой духовной изобразительностью автора, его восхищением жизненной силой вещей, их красотой. И этим духовным эйдосом проникнуты образы тех яств, которые Хемингуэй поглощает в ходе творческой беседы с писателем Скотом Фитцджеральдом. «Сначала нам подали очень хороших улиток и графин флери, но мы не успели съесть и половины, как Скотта вызвали к телефону. Его не было около часа, и, в конце концов, я доел его улиток, макая кусочки хлеба в соус из растопленного масла, чеснока и петрушки, и допил графин флери», – подробно описывает их завтрак Хемингуэй. Но завтрак на этом не закончился. «Когда он вернулся, я предложил заказать еще улиток, но он сказал, что не хочет. Ему хотелось чего-нибудь простого. Он не хотел ни бифштекса, ни печенки, ни грудинки, ни омлета. Он потребовал цыпленка. Днем мы съели вкусного холодного цыпленка, но здешние места славились своими курами, так что

---

⁴⁰⁹ Там же. С. 422.

⁴¹⁰ Там же. С. 422-423.

заказали пулярку по-бресски», – продолжает живописать Хемингуэй.⁴¹¹ В книге старинных французских рецептов мы можем найти эту «пулярку по-бресски», которая так нравилась Фицджеральду.

Альтернатива насыщения едой – голод. Голод, недоедание преследовали Хэмингуэя в Париже «Голод - хороший воспитатель, - констатирует писатель, - на нем учишься, но можешь и что-нибудь придумать. И пока они не понимают, ты опередил их. Ну да, подумал я, уже настолько опередил, что не можешь питаться регулярно. Хорошо бы, они слегка тебя нагнали». И еще: от чувства голода писателя спасает посещение картинных галерей, к тому же голод, по его мнению, обостряет восприятие живописи. «Пока я голодал, я научился гораздо лучше понимать Сезанна и по-настоящему постиг, как он создавал свои пейзажи», – заключает писатель.

Интересно то, что для творческого человека город, его улицы важны не столько с точки зрения туристического осмотра достопримечательностей, городское пространство – это всего лишь расстояние к столику кафе «Клозери де Ли́ла», где писателя ждет карандаш, блокнот и минуты творческого вдохновения.

«А что я знал лучше всего, о чем не писал и что упустил? О чем знал по-настоящему, и что волновало больше всего? Тут и выбирать не приходилось. Выбрать надо было только улицы, которые быстрее всего приведут тебя к рабочему месту. Я пошел по улице Бонапарта к Гинеме, потом к улице Аса и через улицу Нотр-Дам-де-Шан в "Клозери де Ли́ла"».

Это кафе было расположено «над лесопилкой в доме сто тринадцать по улице Нот-Дам-дешан», кафе «Клозери-де-Ли́ла» – «считалось одним из лучших в Париже. Зимой там было тепло, а весной и осенью круглые столики стояли в тени деревьев на той стороне, где возвышалась статуя маршала Нея; обычные же

---

⁴¹¹ Там же. С. 256.

квадратные столы располагались под большими тентами вдоль тротуара, и сидеть там было очень приятно»⁴¹².

Там он садится в углу, так что «предвечерний свет падал из-за моего плеча, и стал писать в блокноте. Официант принес мне café crème, я дал ему остыть, выпил половину, оставил чашку и продолжал писать. Когда писать перестал, мне еще не хотелось расставаться с рекой, где я видел форелей в бочаге и воду, вздувавшуюся от напора на деревянные сваи моста. Рассказ был о возвращении с войны, хотя война в нем не упоминалась»⁴¹³.

Таким образом, мемуары Хемингуэя о Париже – это не столько рассказ о бесчисленных кафе и ресторанах, сколько о *творческой лаборатории* писателя, рассказ о людях, с которыми свела его судьба. Мы читаем, как мучительно трудно писатель отыскивал ту «одну настоящую фразу», с которой начиналось его очередное произведение. И как было хорошо после работы, после которой он чувствовал себя «опустошенным», выпить рюмку кирша и «ходить по крутым улицам» и «радостно спускаться по длинным маршам лестницы, сознавая, что ты хорошо поработал»⁴¹⁴.

Париж для Э. Хемингуэя был городом, в котором он идентифицирует себя не только как иностранец, приехавший в чужое городское пространство. Этот город дал ему возможность обретения себя через творчество как личности и как писателя. В определенном смысле – Париж как город способствовал второму рождению Хемингуэя как творческой личности. Феномен еды, которая постоянно присутствует в тексте, играет, при всей сочности и телесности ее образов, вторичную, рамочную роль, которая не определяет, а художественно подчеркивает создание атмосферы «внеповседневности» Парижа, того духовного поля, которое сопоставимо с огромным художественного космосом, как «предельного оформления всех вещей» (А. Лосев).

---

⁴¹² Там же. С.461.

⁴¹³ Там же.

⁴¹⁴ Там же.

И еще одно замечание. Название книги Э.Хэмингуэя первоначально было задумано как «Переходящие праздники». Об этом сказано в предисловии Патрика Хэмингуэя к изданию произведений Э. Хэмингуэя. В этом вступительном слове высказаны факты из жизни писателя, которые объясняют смысл названия «Праздника», предложенного Э.Хэмингуэем. Дело в том, что все христианские праздники привязаны к переменной дате Пасхи. День святого Криспина – «неподвижный праздник», так как «каждый год его отмечают в один и тот же день, но если в этот день вы сражались, говорит Генрих, он всегда будет с вами»⁴¹⁵.

Для писателя «идея переходящего праздника» стала «чем-то очень похожим на то, чего желал своей «горсточке счастливых» король Гарри: чтобы День святого Криспина стал памятью и даже *состоянием бытия* (*курсив – мой Л.Н.*), частью тебя, которая пребудет с тобой всегда, и, куда бы тебя ни занесло, как бы ни жил ты после этого, ты ее никогда не утратишь»⁴¹⁶. «Переходящий праздник» как необычное *событие*, переживание которого зафиксировано «во времени и пространстве, или душевное состояние, такое как счастье или любовь, перемещается с тобой или переносится в пространстве и во времени».⁴¹⁷ Париж для писателя – это любовь, «из *gemises* (кладовой) моей памяти и моего сердца. Пусть даже одну повредили, а другого не существует»⁴¹⁸.

---

⁴¹⁵ Хэмингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Пер. с англ. В.П. Голышева. М.- АСТ, 2014. -286 с. С.8.

⁴¹⁶ Там же. С.9.

⁴¹⁷ Там же. С.9.

⁴¹⁸ Там же. С.10.

3.4. Творчество как культурный диалог в дискурсе темпоральности.

Русские травелоги как феномен культуры.

Цель: Раскрыть культурный диалог в контексте хронотопа, в связи с чем выделить травелог как феномен культуры

Задачи:

- определить понятие травелог, его культурную специфику;
- показать ценность культурного события в ритмике культуры в контексте анализа произведения Э. Хэмингуэя «Праздник, который всегда с тобой», произведений В. Некрасова, российских травелогов А. Стефановича, Э. Тополя;
- раскрыть особенность русского травелога Д.И. Фонвизина, Н. М. Карамзина, И.А. Гончарова, М.Е. Щедрина, И. Эренбурга, В. Осипова, В. Овчинникова;

Настоящее произведение искусства представляет собой *культурное событие*. Как всякое культурное событие, оно «втягивает, захватывает» того, кто является одним из акторов этого события. Захваченность событием – основа *диалогичности культур*, независимая от времени и пространства. Анализируя *смысл события* с точки зрения философии поступка М.М. Бахтина, В.А. Бибахин замечает: «Событие — раскрытие того, что сбывается. Всякое раскрытие, прежде всего, является в мире как свете. Не случайно Бахтин понимает событие как озарение. Сам, сбываясь в захватившем его событии, человек «ясно видит и этих индивидуальных единственных людей, которых он любит, и небо, и землю, и эти деревья [...] и время, вместе с тем ему дана и ценность, конкретно, действительно утвержденная ценность этих людей, этих предметов, он интуирует и их внутренние жизни и желания, ему ясен и действительный и должный смысл взаимоотношений между ним и этими людьми и предметами...»⁴¹⁹.

Раскрытие истинной природы вещей, их культурного смысла в произведениях искусства способствует *пониманию*, потому что «свет события являет истину вещей, их не частный, а первый и потому последний смысл.

⁴¹⁹ Бибахин В.А. Слово и событие. [Электронный ресурс] http://viviknin.ru/slovo_i_sovutyie

Приоткрываемая событием правда вещей дарит, отпускает человека из тесноты частных устроений на свободу белого света, таинственного простора мира», потому, что «только захваченный свободой правды и принадлежащий ей человек сбывается в своем существе»⁴²⁰.

Париж, воссозданный поэтическим талантом Э. Хемингуэя, объединил в поклонении этому городу целую плеяду советских и российских писателей, создавших феномен русского травелога в современном художественном культурном пространстве. Наверное, это происходит еще и потому, что «дар свободы есть вместе с тем высшая ответственность, не потому что за свободу надо отвечать, а потому что сохранить свободу можно только отвечая ей. Только захваченный свободой правды и принадлежащий ей человек сбывается в своем существе»⁴²¹. Этот нравственный смысл философии поступка в искусстве объединяет людей в культурном пространстве, определяя, порой, жизненные коллизии и судьбы. В этом феномен американского писателя Э. Хемингуэя и русских травелогов – эмигрантов В. Некрасова, А. Синявского, российских писателей А. Стефановича, Э. Тополя.

О значимости Хемингуэя для советской интеллигенции тепло и проникновенно сказал один из первых российских диссидентов А. Синявский: «Наш российский, наш советский, наш дурацкий Хемингуэй! Как он был нам важен, необходим этот дядя Хэм. Почти как «Дядя Ваня», как «Хижина дяди Тома». В нашу сызмальства религиозную жизнь Хэм, дядя Хэм, вносил почти запретную, подпольную тему человека... Спасибо тебе, дядя Хэм...»⁴²².

Эти строки взяты из прижизненного некролога, посвященного памяти умирающего) Виктора Некрасова, автора знаменитой повести «В окопах Сталинграда». В творческой судьбе В. Некрасова Хемингуэй сыграл особую роль. Достаточно сказать, что будущий писатель всю войну носил в полевой сумке томик Хемингуэя. Более того, увлечение Хемингуэем у Некрасова было настолько

⁴²⁰ Бибихин В.А. Слово и событие.[Электронный ресурс] http://viviknin.ru/slovo_i_sobytie

⁴²¹ Бибихин В.А. Слово и событие.[Электронный ресурс] http://viviknin.ru/slovo_i_sobytie

⁴²² Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991. – 604 с.С.304.

сильным, что когда он садился за стол, маленькая дочка хозяйки строго говорила: «А теперь тишина, дядя Вика сел за своего Хемингуэя»⁴²³. Именно Хемингуэй открыл Париж советскому человеку. Это был прорыв в иной мир, в сказку.

Когда Некрасову представилась возможность увидеть Париж, он бродил по нему вместе с Хемингуэем. Хемингуэй - мастер детали, бытовой подробности. Но именно эти, на первый взгляд, малозначительные детали придают особый колорит его прозе. Виктор Некрасов по-хемингуэевски смакует детали. Вслед за Хемингуэем он скрупулезно описывает *маршруты* своих прогулок по Парижу, повторяя маршруты своего американского кумира. С особым удовольствием вместе с Хемингуэем Некрасов обходит парижские *рестораны и кафе*. Он настолько достоверно изображает свою воображаемую встречу с Хемингуэем в ресторане «Мишо», что фантастика приобретает черты реальности. Хемингуэй ждет там своего друга – соперника – Скота Фицджеральда. Но он не гнушается общения с русским писателем. Они вместе пьют коньяк и закусывают говяжьим турндо – филе, завернутым в форме рулета. Кажется, что не только Хемингуэю нравится звучание французских изысканных блюд. В любви к гастрономическим изыскам от него не отстает и Виктор Некрасов. После «Мишо» Некрасов идет в кафе «Липп» и «Флор», куда также частенько заходил папа Хэм. Некрасов вспоминает, что Хемингуэй пил там кагор с водой, а сам заказывает холодное пиво «Альзасьен» с креветками. Через две недели пребывания в Париже он чувствует себя уже настоящим парижанином и замечает, что в квадрате Сена - Рю де Ренн – Люксембург - Рю Сен Жак трудно не встретить знакомых, даже если ты и не Хемингуэй. В этом районе тебе всегда кто-нибудь предложит выпить. Этот диалог с американским писателем создает атмосферу «ближнего круга» для русского политического диссидента, оторванного от родных мест, привычной жизни. Париж – чужой мегаполис становится близким и понятным, его пространство «захватывает» писателя, вводит его в то культурное пространство,

---

⁴²³ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991. – 604 с.

где нет вражды и несправедливости, где равноправие определяется талантом, творчество – свободой волеизъявления... Поэтому парижские улицы и кафе, в которых В. Некрасов беседует со своим любимым писателем Хемингуэем создают атмосферу праздника, праздничности. Вот, например, простое перечисление многочисленных улиц Парижа, которое ощущается как праздник, как повторение имени любимой женщины влюбленным в нее человеком. «Перечитайте хемингуэевскую «Фиесту» или хотя бы тот же «Праздник, который всегда с тобой», - пишет В. Некрасов, - и вы увидите, с каким наслаждением он просто перечисляет улицы, по которым ходит. «Я прошёл мимо лицея Генриха Четвёртого, мимо старой церкви Сент-Этьен-дю-Мон, пересёк открытую всем ветрам площадь Пантеона, ища укрытия, свернул направо, вышел на подветренную сторону бульвара Сен-Мишель и, пройдя мимо Клуни и бульвара Сен-Мишель, добрался до известного мне славного кафе на площади Сен-Мишель» («Праздник...»). Или: «...вышел и, повернув направо, пересёк улицу Ренн, чтоб избежать искушения выпить кофе у „Де маго“, дошёл по улице Бонапарта до улицы Гименэ, потом до улицы Ассас и зашагал дальше по Нотр-Дам-де-Шан к кафе „Клозери де Лиля“» (там же). Или: «Мы свернули с площади Контрэскарп и пошли, узкими переулками, между высокими старинными домами. Мы вышли на улицу дю-По-де-Фер и шли по ней до улицы Сен-Жак и потом пошли к югу, мимо Валь де Грасс и вдоль железной ограды кладбища. Вернулись на бульвар дю-Пор-Рояль... Мы пошли по бульвару дю-Пор-Рояль, пока он не перешёл в бульвар Монпарнас, и дальше, мимо „Клозери де Лиля“, ресторана „Лавинь“, „Дамуа“ и всех маленьких кафе, пересекли улицу против Ротонды, и мимо его огней и столиков — в кафе „Селект“» («Фиеста»). Ну и так далее. И мне, когда я читаю, тоже приятно, и кажется, что я тоже иду по улице Бонапарт, минуя Сен-Жермен-де-Прэ и, свернув налево по улице Жанэт, захожу к Мишо»⁴²⁴.

⁴²⁴ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худлит-ра, 1991. – 604 с. С. http://royallib.com/boок/nekрасov_viktor/zapiski_zevaki.html

Атмосфера Парижа – это атмосфера созидания и творчества, в многочисленных кафе невозможно быть одиноким, что немаловажно для русского эмигранта. Некрасов приводит оценки, анекдоты о Париже: «Генрих IV сказал: «Париж стоит обедни», а кто-то перефразировал: «Если б не было Парижа, его надо было бы придумать», орловский помещик Тургенев до последних дней жизни не мог с ним расстаться, а Паустовский, когда мы были с ним в Париже, сказал: «Вы знаете, у меня здесь даже астма проходит», а парижский воздух, увы, далеко не коктебельский»⁴²⁵.

Париж восхищает писателя своим прошлым, тем, что запечатлелось в его архитектуре, памятниках, музеях, даже «старые вагончики с переплетающимися монограммами и допотопными поршнями, открывающими и закрывающими дверь... А входы в метро девятисотых годов — извивы растений на решётках и надписи, как в старом «Illustration», сохранившемся у нас ещё с «того» Парижа и сожжённом немцами... А фонари... Не везде, но на Concorde, Champs Elysees, Vendome... В прошлые свои приезды я застал ещё ажанов в пелеринках и тупорылые автобусы с открытой задней площадкой. Теперь их нет — ни тех, ни других»,⁴²⁶ вызывает у писателя грусть. Как сладостно ощущать атмосферу, насыщенную историей; - пишет Некрасов, - «погрузиться в туман, обволакивающий остроконечные крыши высоких домов, с их фронтонами и башнями, любоваться «ratinе», покрывающей порталы, вывески, фонтаны; увидеть прекрасные особняки, высокие, заросшие плющом ограды, позеленевшие статуи, затейливый боскет, таинственные изображения на гербе, священную Мадонну в нише!»⁴²⁷.

И вот уже Некрасов – в кафе, рядом с Хэмингуэем, в кафе Мишо, на углу Святых Отцов и Жакоб. Маленькое уютное кафе, где в 1925 году бывали Джойс, и Хэм, и Фицджеральд Скотт, и многие, многие другие. И в «Липп» я тоже бывал,

---

http://royalliv.com/book/nekrasov_viktor/po_ove_storoni_okeana_sbornik.html

⁴²⁵ Там же. С. 118.

⁴²⁶ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991

⁴²⁷ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991

это на бульваре Сен-Жермен, напротив «Кафе де Флор». Туда тоже заходил в своё время Хэм и пил там кагор, разбавленный водой»⁴²⁸.

«Хэм уже там поджидает Фицджеральда Скотта. Я подсаживаюсь к нему. — Что будем пить?— Я взял фин-а-л'о, — говорит он. — Здесь всегда приличный коньяк. Заказать вам?—Спасибо. Он подзывает Жана, с которым в приятельских отношениях, и, кроме выпивки, просит принести ещё две порции турндо.— Это говяжье филе, — поясняет он, — завернутое наподобие рулета. Тут его превосходно делают. Потом мы едим турндо, действительно отличное, и говорим о Джойсе, который тоже тут часто бывает, и слабостях Фицджеральда Скотта, который вот-вот должен прийти. Вот так-то»⁴²⁹.

Следует сказать, что тема еды и напитков в Париже – неизменная тема как Хемингуэя, так и Виктора Некрасова. Смакуя каждое слово, Хемингуэй в «Празднике, который всегда с тобой» описывает поглощение тривиального картофельного салата: «Пиво оказалось очень холодным, и пить его было необыкновенно приятно. Картофельный салат был хорошо приготовлен и приправлен уксусом и красным перцем, а оливковое масло было превосходным. Я посыпал салат черным перцем и обмакнул хлеб в оливковое масло. После первого жадного глотка пива я стал есть и пить не торопясь. Когда с салатом было покончено, я заказал еще порцию, а также *servelas* - большую толстую сосиску, разрезанную вдоль на две части и политую особым горчичным соусом. Я собрал хлебом все масло и весь соус и медленно потягивал пиво...»⁴³⁰.

Хемингуэй из самых простых блюд создает удивительную «империю вкуса». В своих произведениях он никогда не забывает подчеркнуть качество пищи и подробно, со вкусом описать процесс насыщения.

Детальное описание гастрономических изысков произвели настолько сильное впечатление на Виктора Некрасова, что в своей книге «Записки зеваки»,

⁴²⁸ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991

⁴²⁹ Там же.

⁴³⁰ Хемингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Пер. с англ. В.П. Голышева. М.- АСТ, 2014. -286 с. С.457-458.

созданной уже в эмиграции и именно в Париже, он, сидя в Нью-Йоркском баре, поражался способности Хемингуэя запомнить на долгие годы все то, что он пил и ел в парижских ресторанах и отразить это в своих произведениях. «Очевидно, он все же был чревоугодником, наш кумир Хемингуэй. А чревоугодие, увы, грех номер один... Какие еще были грехи у Хемингуэя, мне не известно, человек он был замечательный, но то, что он любил не только выпить, но и плотно, со знанием дела поесть, - это для меня теперь ясно», - пишет Некрасов⁴³¹. Таким образом, еда, на наш взгляд, оказывается памятной только потому, что она была как бы «завершением» творческого процесса... Именно поэтому хемингуэевский Париж примечателен не только своими улочками, площадями, кафе и знаменитой французской кухней, но и людьми. Если бы Хемингуэй ограничился описанием архитектуры и живописанием обедов и выпивок, то он бы вошел в литературу как добросовестный *бытописатель*, но не как Мастер. Творчество и свобода – это «онтология» любви к Парижу, то событие, которое невидимо, оно обозначает исток художественного творения Мастера (М. Хайдеггер), который и создает атмосферу праздничности бытия. Творческие встречи писателя поддерживают атмосферу праздничности города, ведь хемингуэевский Париж дорог воспоминаниями о Скоте Фицджеральде и Гертруде Стайн, Сильвии Бич и Эзре Паунде, Джеймсе Джойсе и Гарольде Стирнсе.

Париж для русского политического эмигранта *место*, которое он называет священным как «некое, весьма сложное, переплетение различных воспоминаний и ассоциаций, клубок из прошлого и настоящего, некое священное место, где неожиданно вдруг встретилось то, что, казалось, никогда и ни при каких обстоятельствах не могло бы встретиться. А вот встретилось. И не только встретилось, а дало уже какие-то крохотные, но уже зелёненькие, трогательные ростки. Такие же, ещё нежные и робкие, как в саду дома, где я сейчас живу, — сейчас январь, по-русски Крещение, а трава зелёная и среди неё маленькие ромашечки, а на калитке всю зиму (зима!) цветут жёлтенькие цветочки, которые

---

⁴³¹ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991. С.346.

здесь называются «jasmin d'hiver» — зимний жасмин. И вот этот загадочный для меня жасмин пустил, кроме золотых своих звёздочек, зелёные микроскопические листочки — апрельские листочки... Переплетение, пересечение, совсем недавно ещё немыслимое»⁴³². Это таинственное переплетение судеб, стран характеров проросло в этом удивительном городе, объединивших всех в парижской культурной повседневности, ощущающейся как праздник.

Париж русского Некрасова замечателен тем же. Виктор Некрасов встречается в этом вечном городе с людьми и думает о судьбах России и всего человечества. Из воображаемой, но такой осязаемой встречи с Хемингуэем у «Мишо» вырастает образ встречи со Сталиным. Беседа со Сталиным дает ответы на многие злободневные вопросы нашего времени, раскрывает природу советского общества, проливает свет на сущность любой диктатуры. Виктор Некрасов мастерски рисует психологический портрет всемогущего вождя, ироничного, не обманывающего себя относительно «любви» и «преданности» своих соратников. Метаморфозы Сталина поразительны – из «приветливого, уютного дедушки» он мгновенно превращается в злобного и страшного тигра, готового растерзать очередную жертву.

Сталин в глазах Виктора Некрасова – хитроумный кукловод, умело манипулирующий сановными марионетками Хрущевым, Молотовым и даже Берией. Его мнение о «товарищах по партии» невысоко и однозначно: «Подглядывают, сволочи, подслушивают, проверяют... Житья нет»⁴³³. Интересно отметить, что рассекреченные уже в XXI веке материалы «особых папок» подтверждают художественную интуицию писателя, силой своего воображения создавшего образ одинокого вождя великой страны, отдающего себе отчет, что от «верных соратников» пощады не будет.

---

⁴³² Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991.С.

⁴³³ Некрасов В. Записки зеваки. – М.: Худ.лит-ра, 1991.С.348.
http://royalliv.com/book/nekrasov_viktor/po_ove_storoni_okeana_sbornik.html

Закономерно, что мысли о несвободе приходят к Некрасову в свободном Париже. Особенность русского взгляда заключается в соотнесении «чужой» жизни с жизнью своего отечества. Так, и Виктор Некрасов, наблюдая за раскованной парижской молодежью, думает о молодежи советской, зашоренной, по его мнению, догмами коммунистического режима.

Кстати сказать, нечто подобное произошло и с нашей литературой. Обретя полную свободу выражения, русские писатели в постсоветское время не стали властителями дум и не породили пока ни одного значительного произведения. Как ни парадоксально, видимо, справедлив тезис А. Синявского, еще одного русского парижанина, что настоящая, большая литература может появиться только в стране, где писать запрещено. Запрет заставляет настоящего писателя писать кровью сердца, преодолевая все препятствия и коллизии.

В постсоветское время привлекает внимание сборник талантливых травелогов Э. Тополя и А. Стефановича под названием «Русский Париж» или «Я хочу твою девушку». Образ Парижа изображен в жанре рассказов или историй, герои которых «русские парижане», рассказывают о Париже, его быте, особой атмосфере, о домах, улицах, ресторанах...

Герой рассказа «Лучший город земли» - Париж. Автор с детства мечтает попасть в Париж, но когда ему это удастся, он чувствует себя обманутым, настолько реальный Париж отличается от того города, который автор мечтал увидеть. «Нет, «разочарование» – это слишком мягкое слово. Я был потрясен. Я увидел серый, пяти, шестиэтажный город, довольно грязный, с большим количеством мусора на улицах и донельзя загаженный собаками», – восклицает раздосадованный автор.

«Только на третий день я понял, что лучше этого города нет на земле. И до сих пор так считаю»⁴³⁴, – выносит свой окончательный вердикт автор. Париж, знакомый всем, кто был там или читал, или видел в многочисленных фильмах. Но от этого город не утратил своей привлекательности и новизны. У каждого «свой»

---

⁴³⁴ Тополь Э, Стефанович, А. Я хочу твою девушку . – М.: АСТ, 2000.С.233.

Париж, и поэтому от повторения его достопримечательностей, его уголков и любимых мест, он становится еще ближе, еще более узнаваемым и родным. Париж в понимании русских тревелогов тот самый драгоценный камень «шанжан», который меняет свой цвет в зависимости от освещения. И тот, кто постигнет «эйдосы» его переливов, тот увидит настоящий Париж... «Слава Богу, что я понял, какого рода красота Парижа. Это – для избранных. Это красота огромной жемчужины. Перламутровый – самое точное определение цвета его домов, площадей и неба над городом. Посмотри на сочетание цветов моста Александра III – серого с золотым, и ты, может быть, врубишься в эстетику Парижа. Как дорогая жемчужина, Париж меняет оттенки... Я уже сравнивал Францию с возлюбленной. Так вот Париж – лучшее украшение этой красавицы», – продолжает восторгаться городом автор⁴³⁵. Красота Парижа – в *поэзии повседневности*. Как это не парадоксально, но регулярность правила это поддерживает. Так, согласно постановлению мэра, будущего президента Франции Жака Ширака, запрещено менять внешний вид фасад домов. Поэтическая атмосфера парижских кафе, где можно назначать свидания или читать газету, также, повседневность Парижа. Париж – это городское пространство, отмеченное локусами излюбленных мест «своего» Парижа, и хотя мы уже десятки раз узнавали Люксембургский сад, площадь Трокадеро, Монмартр, и Латинский квартал, автор открывает своему читателю заново.

Рассказ «Кое-что о французском характере», в котором повествуется о проведении демонстраций молодежи и о схватках с полицией. Несмотря на их кажущуюся жестокость и буйство, ни один камень, ни одна бутылка не попали ни в кафе, ни в голову простых обывателей. «Мы были в самом центре событий, но священное чувство частной собственности было в крови, что у полицейских, что у этих так называемых революционеров. Какую бы революцию они ни устраивали, никто из них даже в самом розовом революционном сне не мог себе представить,

---

⁴³⁵ Тополь Э, Стефанович, А. Я хочу твою девушку . – М.: АСТ, 2000.С.234.

что можно подойти и во имя своих святых идей расколотить стекло кафе, за которым сидят буржуа и наблюдают всю эту сцену»⁴³⁶.

С парижским греческим ресторанчиком связана удивительная история «Греческая таверна». Герой рассказа академик Примаков, который известен не только как ученый, но и как крупный государственный деятель – директор службы внешней разведки и премьер-министр России. Вот как угощал его с другом владелец ресторана: «Для начала я подал им пикилу – ассорти из греческих закусок, а также салат из даров моря, долму, улитки по-бургундски, фаршированные кальмары, авокадо в кислом соусе и греческие салаты с сыром и маслинами. А на горячее – гамбасы, деревенский шашлык из ягненка, мусаку – баклажаны, сыр и помидоры, жареные на вертеле. И ко всему этому – вот это вино «Ретсина» с греческого острова Крит, которое там делают не в дубовых, а в сосновых бочках, и которое по своим вкусовым данным превосходит некоторые французские вина».

В этом рассказе, как и во многих других, ощущается влияние Хемингуэя. Вообще, влияние знаменитого американского писателя заметно у многих русских авторов, пишущих о загранице, а особенно, о Париже. О посещении известного ресторана «Куполь» мы читаем в рассказе этих авторов «Наши в Париже». «Куполь», «Ротонда», «Клозери де-Лиля» – все эти рестораны и кафе мы встречаем в прозе Хемингуэя.

Но у русских авторов свое восприятие ресторана «Куполь». Это - огромный зал, наполненный посетителями с «веселыми, жизнерадостными официантами, легко делающими свое дело». Самое удивительное, что среди ожидающих столика, мы видим известного актера Пьера Ришара, который терпеливо ждет в очереди, не пользуясь своей известностью. «Нас десять человек. Поэтому принесите три больших плато, этого нам хватит на закуску. Но я вас очень прошу: те плато, которые у вас в меню, нам не нужны. Сделайте нам три плато с большими розовыми креветками, положите туда по дюжине больших бретонских

---

⁴³⁶ Там же.С.107.

устриц и добавьте к этому по порции билё каждому. И к этому набору можно добавить несколько крабов. Это будет большая хорошая рыбная закуска, а вторая часть нашего обеда, мсье, будет состоять из лопатки ягненка»⁴³⁷. Надо ли говорить, что все это кулинарное изобилие сопровождалось пятью бутылками «Шабли» и пятью бутылками «Бордо» к рыбе и мясу. А чтобы «заполировать» заказ, было просто необходимо взять еще четыре «бутылочки водочки». Надо думать, что от этого заказа, достойного Гаргантюа, автор доказал, что русские не только пить умеют, но и хорошо разбираются в тонкостях французской кухни.

Символом несбыточной мечты представляется Париж Эдуарду Тополю и Александру Стефановичу. Однако, вначале реальный Париж и парижане не вызывают у русских писателей восхищения. Они не соответствуют привычным для русских стереотипам «парижского шика», в целом парижане не любят, в отличие от русских наряжаться: их одежда нарочито скромна одетые и внешне неэффектна. Очарование Парижа, самого «уютного» города в мире, который каждый, кто в нем побывал, считает своим открывается не сразу...

На первый взгляд, сборник Э. Тополя и А. Стефановича «Русский Париж» кажется не более чем собранием рассказов-анекдотов. Но постепенно сквозь балаганную маску проступает живое, часто трагическое лицо русского человека. Вот почти комедийный рассказ «Бордель на улице Сен-Дени». «Новые русские» жаждут увидеть фривольный Париж и оказываются на «стриптизе с живым контактом». Но в качестве парижской стриптизерки они видят немолодую русскую - профессора, доктора наук, которая подрабатывает стриптизом после чтения лекций в Сорбонне, а «живой контакт» ограничивается разговором по душам. А вот не менее «сексуальный» рассказ под многообещающим названием «Гарем», в котором героиня «отдается» автору прямо посреди фешенебельного парижского ресторана, преступно нарушив все законы шариата и подвергнув себя смертельной опасности. На сей раз «живой контакт» даже разговором не ограничивается. Одна из жен саудовского магната украдкой открывает на

---

⁴³⁷ Там же. С.342.

мгновение русскому писателю свое лицо. Но за этим «преступлением», а по восточным законам это действительно страшное преступление, мы видим трагедию юной девушки.

В сборник включены два рассказа «Новый год на Шанэ Элизе» и «Мадонна с младенцем». Первый рассказывает нам о встрече Нового года на Елисейских полях, когда Париж превращается в одну большую семью, где нет места вражде, разобщенности и унынию. По мнению автора, это действительно «праздник счастья», когда кажется, что все сердца открыты друг другу.

Второй повествует о трагической истории юной девушки Кати, которая осталась с младенцем на руках во враждебной, бессердечной Москве. Родителей ребенка сбивают насмерть «крутые» подонки в «мерседесе» и уезжают, даже не остановившись. Заключительные строки рассказа не оставляют надежды на «хэппи энд»: «Она одна в этом холодном жестоком городе, и ей некому излить душу, кроме этого малыша»⁴³⁸.

Противопоставление Москвы и Парижа далеко не случайно. Автор хочет предупредить нас об опасной метаморфозе русского народа, который из «богоносца» превращается в этническую «химеру», порывающуюся проявлять сострадание ко всем нациям, кроме своей собственной. В авторском отступлении после этого рассказа Э. Тополь говорит своему другу Александру: «Саша, знаешь что? Прежде чем лезть в Югославию со своей амуницией, лучше бы одели детей в своих детдомах. А то я из Флориды вожу детскую одежду в подмосковные приюты и вижу – там десять пар обуви на двести человек. А вы...»⁴³⁹. В произведениях В. Некрасова и Э. Тополя подтвердилась еще одна особенность русского взгляда на мир: познавая чужую страну, мы глубже познаем и свою собственную.

Травелог – как художник-писатель, изображающий быт и нравы чужой страны в процессе путешествия, является тем актером, который воссоздает

---

⁴³⁸ Там же. С.153.

⁴³⁹ Там же. С.154.

единство культурного пространства. Это происходит потому, что в процессе отчуждения от родных мест происходит уяснение и понимание недостатков или достоинств «своего» места, своей родины. Особенностью русских травелогов является именно этот фактор: открывая «чужую» страну, и рассказывая о своей собственной, травелог играет важнейшую роль в «диалоге культур», в понимании народами друг друга, в разрушении негативных стереотипов и «образа врага».

Путешествие» – одна из древнейших форм литературы и культуры, самопознания человека и человечества. По мере развития городов и образования государств, люди стремились к овладению новыми территориями путем завоевания или другим, мирным способом, предварительно посылая в сопредельные территории своих «разведчиков», которыми были, в первую очередь, путешественники – купцы, мореплаватели и просто желающие перемены мест. В процессе «путешествий» они научились понимать быт и обычаи чужой страны, утверждать собственную идентичность, отличать «свое» от «чужого». В этом – смысл дороги, запечатлевший себя в образах мифотворчества: «Мотив дороги лежит в основе большинства мифов, легенд и фольклорных рассказов»⁴⁴⁰.

Первым образцом «путешествия» можно считать «Одиссею» великого Гомера. Остальные виды путевого очерка, создавшие эффект присутствия – это - произведения в жанре художественно-документальных и беллетризированных путевых очерков, писем, эссе, путевых заметок и т.д. Американский культуролог Д. МакКеннен назвал в своей книге «Турист. Новая теория досуга», по его мнению, главную причину путешествий – «поиск самого себя, своей аутентичности в другом месте и времени, в чужой стране, истории, культуре»⁴⁴¹.

Сравнивая «чужое» и «свое», чужбину и родную сторону, путешественник учится выделять общее и особенное, лучшее и худшее в своей и чужой стране, в своем и ином народе. Результатом «путешествий» становится травелог – особый жанр путевых очерков с характерным для него героем-рассказчиком, окрашенный

⁴⁴⁰ Стеценко Е.А. История, написанная в пути. – М.: ИМЛИ РАН, 1999. С.8.

⁴⁴¹ Mac Cannen D. Tourist. A new theory of leisure class . – N.Y., 1976. – P.9

«чувствами». Субъективизм и объективизм, присущие травелогу, заставляют читателя по-новому взглянуть на картину мира, сравнить свою жизнь с жизнью иных стран, лучше и полнее понять «свое».

Травелог, создавая образ города, воплощает не только черты города, но и страны, национального характера народа, его быта, обычаев и привычек. Травелог изменяет свой жанр от эпоса «Одиссеи» Гомера к чувственному «Сентиментальному путешествию» (1768) Лоренса Стерна, которое представляло собой совершенно новое явление в литературе и культуре, в нем были не только изображены образы страны, нравов и обычаев, архитектурных сооружений и т.д., но и изменена авторская тональность повествования, акцент делается на эмоциональное ощущение и восприятие от городов, стран, чужой культуры. «Чувствительный» путешественник стал главным героем-автором. Йорик (аналогия шекспировскому персонажу) высказывает свое мнение по любому поводу. Он убежден, что Англия – лучшая страна в мире, а англичанин – истинный джентльмен, всегда и во всем поступающий правильно. Но делает это Йорик не навязчиво, завуалированно. По сути дела, «Сентиментальное путешествие» – это путешествие по Франции. Йорик посещает различные города и высказывает о них свое мнение не столько о городах, сколько об их обитателях. Роман – это веерное собрание бытовых сцен. Вот, например, Йорик посещает уличное представление. Среди зрителей – карлик и верзила-немец. Немец постоянно загораживает карлику зрелище и не реагирует на просьбу «подвинуться». После вмешательства часового – инцидент исчерпан. В беседе со «старым офицером», по указанию которого часовой бесцеремонно отеснил немца, тот заметил, что в Англии бы так не поступили. На что Йорик ответил, что в Англии «мы все рассказываемсяудобно»⁴⁴². Таким образом, своим ответом он не унижил французского офицера и в то же время продемонстрировал превосходство англичан.

---

⁴⁴² ⁴⁴² Фонвизин, Д.И. Собр. соч. в 3-х тт. М.: Просвещение, 1981. С.160.

Жанр «путешествия» стал настолько популярен и распространен, что занял ведущее место среди литературных произведений всех стран, например: «Простак за границей» Марка Твена, американские зарисовки Чарльза Диккенса, травелог Александра Дюма.

Одним из первых русских травелогов - «Письма из Франции» (1777-1778), написанные Д.И. Фонвизиным графу П.И. Панину, которые пронизаны восхищением культурой эпохи Просвещения. В них размышления наблюдения над политическими, национальными и культурными особенностями государств и народов: «Первое право каждого француза есть вольность; но истинное состояние его есть рабство, - говорится в письме – «ибо бедный человек не может снискивать своего пропитания иначе, как рабскою работою, а если захочет пользоваться драгоценною своею вольностью, то должен будет умереть с голоду»⁴⁴³. Сравнивая жизнь русского крестьянина, причем крестьянина крепостного, с французским вольным земледельцем, Фонвизин пишет: «Сравнивая наших крестьян в лучших местах с тамошними, нахожу, беспристрастно судя, состояние наших несравненно счастливейшим»⁴⁴⁴.

Мы узнаем мнение Фонвизина и о французской армии, и о судопроизводстве, и о Вольтере и Дидро, и о французских фабриках и мануфактурах, и о многом другом. Но вот что он пишет о Париже. Нельзя сказать, что этот город полностью разочаровал писателя. Но его резонное замечание, что это «мнимый центр человеческих знаний и вкуса»⁴⁴⁵, показывает, что мнение о Париже как «столице мира» сильно преувеличено. Он пишет, что парижане пользуются любой возможностью, чтобы не работать. Особенно они гнушаются черной работы. Любопытно его замечание о жителях этого города: «Жители парижские почитают свой город столицей света, а свет – своею провинцией»⁴⁴⁶. Достаточно низкого мнения Фонвизин и о чистоте парижских улиц: «Зато

⁴⁴³ Фонвизин, Д.И. Собр. соч. в 3-х тт. М.: Просвещение, 1981. С.163-164.

⁴⁴⁴ Там же. С.169.

⁴⁴⁵ Там же. С.170.

⁴⁴⁶ Там же. С.175.

нечистота в городе такая, какую людям, не вовсе оскотинившимся, переносить весьма трудно. Почти везде нельзя отворить окошко летом от зараженного воздуха. Чтоб иметь все под руками и ни за чем далеко не ходить, под всяким домом поделаны лавки. В одной блистает золото и наряды, а подле нее, в другой, вывешена битая скотина с текущею кровью. Есть улицы, где в сделанных по бокам стоках течет кровь, потому что не отведено для бойни особого места. Такую же мерзость нашел я в прочих французских городах, которые все так однообразны, что кто был в одной улице, тот был в целом городе; а кто был в одном городе, тот все города видел. Париж пред прочими имеет только одно преимущество, что наружность его несказанно величественнее, а внутренность сквернее».⁴⁴⁷ Фонвизин – один из первых русских путешественников, кто обратил внимание на грязь в европейских странах. Европа неоднозначно оценивала Россию, считая русских необразованными варварами. В этой связи достаточно вспомнить небезызвестный травелог А. де Кюстина «Россия в 1839 году», в котором французский маркиз назвал русских татарами в европейском платье, из-под которого торчит медвежья шерсть, хотя эта книга была написана после победы над Наполеоном, когда Россия всему миру продемонстрировала свое величие. В этом плане, необходимо отметить тот факт, что русские люди, по крайней мере, каждую неделю мылись в бане, тогда как европейцы и понятия не имели о такой роскоши, а Лувр до Наполеона напоминал выгребную яму. Фонвизин пишет, что привыкшие жить с младенчества «в грязи по уши» французы даже не обращают на нее внимание. Писатель обращается к русской молодежи с наставлением, считая, что те, кто критикует русские порядки, для сравнения надо было съездить во Францию, дабы убедиться, что «все рассказы о здешнем совершенстве суцая ложь»⁴⁴⁸. В завершение своих писем из Парижа Фонвизин замечает: «Я оставил Францию. Пребывание мое в сем государстве

---

⁴⁴⁷ Там же. С.177.

⁴⁴⁸ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 112

убавило сильно цену его в моем мнении»⁴⁴⁹. В своей критике жизни во Франции Фонвизин высмеял французскую армию, говоря, что в ней нет «души военной». В то же самое время великий русский комедиограф в своем эпистолярном травелоге не мог ограничиться только лишь критикой Франции. Он подчеркивает радушие, «доброту сердечную», неспособность к злодеяниям, остроумие, присущее французам. Таким образом, травелог Фонвизина, содержание которых - частные письма, явился литературной предтечей «Письмам русского путешественника» Н.М. Карамзина – выдающемуся произведению русской литературы.

Своеобразие и оригинальность произведения обозначены в самом заглавии. В нем значимо каждое слово: «письма» – свидетельствует об исповедальности, национальной принадлежности, не столько об этническом характере, сколько об особом складе «русской души», «путешественника» – об образе очевидца, который воспринимает окружающий мир во всем его многообразии.

В произведении Карамзина главная тема - проблема взаимодействия России и Запада, проблема межкультурной коммуникации. Уже в эпоху Карамзина идея политического, экономического и культурного диалога с западноевропейскими странами была достаточно актуальной. В этом плане «Письма русского путешественника» имели не только просветительскую, но и культурную миссию, так как, рассказывая о чужой стране, автор демонстрировал высокую культуру и знания, доказывая тем самым широкую европейскую образованность и культуру, которая была свойственна лучшим представителям русской интеллигенции. Так, сферу интересов Н. Карамзина составляют системы образования в Германии и лекции немецких профессоров, полотна итальянских художников. Его рассуждения касаются быта швейцарских крестьян и государственного устройства Швейцарии, политическая система конституционной монархии Англии и причины морального упадка на улицах Лондона. Таким образом, «Письма русского путешественника» стали культурным событием того времени,

---

⁴⁴⁹ Там же. С.182.

разрушив сложившийся в Европе стереотип русского дикаря, весьма далекого от цивилизации.

Н.М. Карамзин устами своего путешественника повествует о Германии, Швейцарии, Франции и Англии. Писатель мистифицировал читателей, придав своему травелогу вид путевых заметок. Книга, как пишет исследователь творчества Карамзина Г.П. Макогоненко, создавалась на протяжении ряда лет в Москве. При этом Карамзин пользовался не только своими личными впечатлениями от поездки в Западную Европу, которую он совершил в молодости, но и литературными источниками – «Берлин и Потсдам» Николаи, «Письма о политическом, гражданском и естественном состоянии Швейцарии» Кокса, «Картины Парижа» Мерсье, «Путешествие немца в Англию» Морица. «Путешествие» Карамзина приобрела в силу этого интеллектуального проникновения в другую культуру еще большую точность и достоверность.

Н.М. Карамзин, как и Фонвизин, близки к стерновской традиции травелога. Н.М. Карамзин знал и любил творчество английского писателя и даже писал о нем в «Московском журнале», но, используя традицию своих иностранных предшественников, создал собственное, национальное по духу и ментальности оригинальное произведение. «Самобытность писателя проявилось и в методе изображения людей и объективной действительности, в отношении к увиденному, и в создании образа Путешественника, прежде всего, в раскрытии его взгляда на европейскую жизнь, в его манере понимать увиденное, в четко выраженной русской мысли», – замечает Г.П. Макогоненко.

Нам достоверно неизвестно, читал ли Карамзин письма Фонвизина (Екатерина II запретила их издание), но, как и Стерна, его очень интересовала Франция, особенно Париж. Париж в книге Карамзина противоречив, как и в письмах Фонвизина. «Париж покажется вам великолепнейшим городом, когда вы въедете в него по Версальской дороге», – начинает свой рассказ о Париже русский писатель⁴⁵⁰. Далее следует панегирик Парижу: Елисейским полям, в

---

⁴⁵⁰ Карамзин, М.Н. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. С.301.

которых гуляет «по воскресеньям народ», саду Тюильри, где проводят время «лучшие люди», «большой восьмиугольной площади» со статуей Людовику XV: «Взойдите на большую террасу, посмотрите направо, налево, кругом: везде огромные здания, храмы, красивые берега Сены – гранитные мосты, на которых толпятся тысячи людей, стучит множество карет – взгляните на все и скажите, каков Париж. Мало, если назовете его первым городом, столицей великолепия и волшебства», – продолжает Карамзин⁴⁵¹. Но изумление писателя от чудес Парижа быстро сменяется отвращением при виде не показной, а реальной жизни этого города: «Останьтесь же здесь, если не хотите переменить своего мнения, пошедши далее, увидите: тесные улицы, оскорбительное смешение богатства с нищетою; подле блестящей лавки ювелира – кучу гнилых яблок и сельдей; везде грязь и даже кровь, текущую ручьями из мясных рядов, – зажмите нос и закройте глаза. Картина пышного города затмится в ваших мыслях, и вам покажется, что из всех городов на свете через подземельные трубы сливается в Париж нечистота и гадость»⁴⁵².

«Париж и Лондон, два первых города в Европе, были двумя Фаросами моего путешествия, когда я сочинял план его, - пишет Карамзин, - «наконец вижу и Лондон», – восклицает писатель⁴⁵³. Изображение Лондона у Карамзина ярко, выпукло, зримо. Он схватывает черты, которые знакомы нам по многочисленным описаниям очевидцев в своих воспоминаниях и репортажах нашего времени. Эти воспоминания не отличаются от «писем» Карамзина, хотя их разделяет две сотни лет, что подтверждает мысль о том, что гениальный русский историограф уловил характерные, определяющие черты города и его обитателей. Многие очевидцы подчеркивали безмолвие лондонских улиц, читаем Карамзина: «Кто скажет вам «Шумный Лондон», тот, будьте уверены, никогда не видал его... Кажется, будто здесь люди или со сна не разгулялись, или чрезмерно устали от деятельности и

---

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² Там же. С.302.

⁴⁵³ Там же. С.433.

спешат отдыхать... вы, ходя по здешним улицам, могли бы вообразить, что у вас заложены уши»⁴⁵⁴.

Карамзин отмечает все достоинства Лондона. Но более всего он уделяет внимание особенностям лондонской жизни, его облику. «В каждом городе самая примечательная вещь есть для меня... самый город... Я уже исходил Лондон вдоль и поперек...Нет другого города столь приятного для пешеходов, как Лондон», – восхищается Карамзин⁴⁵⁵. Но не ограничился только лишь восхищением от этого города. Описывая лондонские улицы, он замечает: «В Париже нищета взбирается под облака, на чердак; а здесь опускается в землю. Можно сказать, что в Париже носят бедных на головах, а здесь топчут ногами»⁴⁵⁶.

Путешественник – судья строгий и беспристрастный. Примечательно, что он всегда сравнивает другие страны с Россией, чужие народы с русским народом. Такова отличительная особенность тревелогога. Путешественник воздаст должное тому, что его восхищает, но он не может пройти мимо того, что вызывает отвращение. Он восхищается английским парламентом и судопроизводством, глубокомыслием англичан, их склонностью к широкой благотворительности, витиеватостью речей адвокатов и скромностью лордов, но осуждает несправедливость и нарушение морали. «Но если хотите, чтобы у вас помутилось на душе, то взгляните ввечеру в подземельные таверны или в питейные дома, где веселится подлая лондонская чернь! – Такова судьба гражданского общества: хорошо сверху, в середине, а вниз не заглядывай... скажу вам еще, что на лондонских улицах ввечеру видел я более ужасов разврата, нежели и в самом Париже... вообразите, что между несчастными жертвами распутства здесь много двенадцатилетних девушек! Вообразите, что есть мегеры, к которым извергиматери приводят дочерей на смотр и торгуются»⁴⁵⁷.

---

⁴⁵⁴ Карамзин, М.Н. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. С.436.

⁴⁵⁵ Там же. С.441.

⁴⁵⁶ Там же. С.302.

⁴⁵⁷ Карамзин, М.Н. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. С.483-484.

Весьма глубоки его наблюдения за политикой «двойных стандартов», присущей английской политической элите: «Англичанин человеколюбив у себя, а в Америке, в Африке и в Азии едва ли не зверь, по крайней мере с людьми обходится там как с зверями»⁴⁵⁸.

Лирическая стихия, дополняющая информационную сторону травелога, играет значительную роль в стилевом своеобразии «Писем». Личное отношение автора к увиденному в путешествии, проявляется то в иронии, то в подчеркнутой деловитости, то в сентиментальности. При этом следует сказать, что «Письма» рассчитаны на самый широкий круг читателя с разным кругозором и интеллектуальным уровнем. Они интересны как информативное повествование и как аналитическое исследование.

Травелоги XIX в. в России представляли собой, преимущественно, описательный характер. Они были опубликованы в «Отечественных записках». Так, в 1849 г. был опубликован травелог известного географа А.П. Забловского-Десятовского «Воспоминания об Англии». В то время Великобритания была объектом подражания для России, как и Франция до нашествия Наполеона, когда молодые люди из дворянских семей боготворили молодого генерала Бонапарта и радовались его победам. Но очевидцы иначе воспринимали Англию. Вот что писал о ней товарищ по плаванию Гончарова будущий адмирал К.Н. Посет в «Письме с кругосветного путешествия», опубликованном в «Отечественных записках»: «Счастливая Англия благоденствует только по наружности. Противоречия между верхними и нижними слоями населения доведены в ней до крайности, при процветании верхнего слоя, нижние слои и большая часть средних тощи, бледножелты, нечесаны и грязны». Возможно эти наблюдения связаны с Крымской войной, в которой Англия выступила против России, но они не расходятся с оценкой Карамзина и Гончарова.

История русского травелога была бы неполной без имени В.П. Боткина. Незаслуженно забытая в наше время книга эпистолярных очерков «Письма об

---

⁴⁵⁸ Там же. С.485.

Испании» в середине XIX в. являлась литературным бестселлером. Именно она, по мнению академика М.П. Алексеева, послужила поэтическим образцом И.А. Гончарову при создании «Фрегата «Паллада». «Блистательной» назвал травелог Боткина Н.Г.Чернышевский. Высоко отзывался о нем и В.Г. Белинский. Подлинно художественный травелог отличается от заурядного путевого очерка поэтическим совершенством, меткостью наблюдений и оценок, сломом привычных стереотипов, глубиной лирических отступлений.

Травелог Боткина примечателен не только географическими наблюдениями, но и остротой замечаний общественно-политического характера, верностью зарисовок национальных черт испанского народа. Русский писатель отстаивает национальное достоинство испанцев, опровергает расхожее мнение европейцев об Испании как отсталой стране с невежественным народом.

По мнению М.П. Алексеева, «Письма об Испании» на фоне довольно обширной литературы об этой стране выделяются не только своей содержательностью, но, прежде всего, новизной и солидностью суждений, отсутствием трафаретов, свежестью восприятия, верой в творческие и нравственные силы испанского народа, глубоким пониманием испанской культуры. Именно такой подход формирует травелог в его лучших традициях, создавая поэтический и культурологический фундамент, который обозначен в творчестве последующих поколений русских художников слова.

Эпистолярную форму для путевых эссе выбрал и М.Е. Салтыков-Щедрин. К жанру путевого очерка великий русский сатирик обращается дважды – в 1878 г. в период поездки за границу на лечение и в 1881–1882 гг., рассказывая вновь о своих заграничных впечатлениях. Очерк «За рубежом» (1875) трудно в полной мере назвать травелогом, ибо информация о пребывании на заграничных курортах весьма скудна. Но этот очерк чрезвычайно интересен авторским опытом познания «своего» через «чужое». М.Е. Салтыкова-Щедрина гораздо больше интересуется Россией, чем зарубежные впечатления. Сравнивая Европу с Россией, писатель глубже постигает неповторимость и «самость», своеобразие и исключительность

своей страны. На фоне «правильной» Германии отчетливо выступают сугубо русские национальные черты. Эти черты до предела узнаваемы и сегодня. Чего только стоят наблюдения сатирика над природой русского недовольства: «Кого ни послушаешь, все на что-то негодуют, жалуются, вопиют. Один говорит, что слишком мало свобод дают, другой, что слишком много; один ропщет на то, что власть бездействует; другой – на то, что власть чересчур достаточно действует. <...> Даже расхитители казенного имущества – и те недовольны, что скоро нечего расхищать будет. И каждый требует лично для себя конституции: мне, говорит, подай конституцию, а прочие пусть по-прежнему довольствуются ранами и скорпионами»⁴⁵⁹.

Конечно, будучи за границей, Салтыков-Щедрин наслаждался свободой, немислимой в царской России: «Ужасно приятно прожить хоть несколько времени не боясь. Необходимость “ходить в струне”, памятовать, что “выше лба уши не растут” и, что с “суконным рылом” нельзя соваться в “калашный” ряд, – это такая жесткая необходимость, то только любовь к родине, до-ходящая до ностальгии, может примириться с подобным бесчеловечием»⁴⁶⁰. Чувства сатирика были созвучны настроениям всего мыслящего русского общества, поэтому публикация очерков помогла еще раз взглянуть на себя со стороны и осознать свое униженное положение. Но понимание своего унижения не должно превращаться в самоедство, в унижение себя как нации, как народа, не должно превращаться в смакование своих грехов и бед. Салтыков-Щедрин справедливо подметил, что негативный образ России в глазах Запада создавался во многом самими русскими, которые здоровую критику своих недостатков превращали в мазохистское злопыхательство. «Словом сказать, сыны России не только не сдержали себя, но шли друг другу наперебой, как бы опасаясь, чтобы кто-нибудь не успел напаскудить прежде. <...> Само собой разумеется, что западные люди, выслушивая эти рассказы, выводили не особенно лестные для России

⁴⁵⁹ Салтыков-Щедрин, М.Е. Собр. соч. в 3-х тт. М.: Прогресс, 1984. Т.2. С.17

⁴⁶⁰ Там же. С.19.

заклучения», – пишет он⁴⁶¹. Сатирический образ России, сложившийся в глазах Запада, заставляет задуматься над его содержанием: «Страна эта, говорили они, бедная, населенная лапотниками и мякинниками. Когда-то торговала она с Византией шкурами, воском и медом, но ныне, когда шкуры спущены, а воск и мед за недоимки пошли, торговать стало нечем. Поэтому нет у нее ни баланса, ни монетной единицы, а остались только желтенькие бумажки, да и те имеют свойство вызывать веселость местных культурных людей»⁴⁶². Эти слова зримо напомнили нам Россию 1990-х гг., которая не слишком изменилась за 150 лет с тех пор, как о ней писал М.Е. Салтыков-Щедрин.

Если сами русские смеются над своей страной, то иностранцам и подавно найдено выставлять Россию в неприглядно свете. Пример тому русофобский травелог французского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году» (1840). Книга Кюстина рассказывает о России времен Николая I, однако мы находим вполне узнаваемые черты настоящего времени: коррупция, всевластие бюрократии, непомерная роскошь кучки нуворишей при полном пренебрежении интересов простого народа.

В центре внимания французского маркиза – царский двор и его окружение. Это вполне объяснимо, ибо именно с этим окружением приходилось общаться «путешественнику». И именно двор давал пищу для самой широкой и едкой критики. Но, критикуя придворное окружение, маркиз достаточно точно определяет политическую тенденцию российского общества: покорность власти при одновременной склонности к бунту. По мнению Кюстина, Россия – страна рабов. Российское общество представляется ему царством послушных «автоматов», а не живых людей. Постоянное подавление личности и отсутствие элементарных гражданских свобод выработало у русских специфическое качество: лукавство. По этому принципу он относит всех русских к «азиатам». Ему кажется, что он «попал в Персию». Но за показной покорностью у русских

---

⁴⁶¹ Салтыков-Щедрин, М.Е. Собр. соч. в 3-х тт. М.: Прогресс, 1984. Т.2.С. 28.

⁴⁶² Там же. С. 29.

скрываются живые чувства и неутоленные амбиции. «Русские не только склонны к насмешке, они холодны, хитры и малоделикатны, как все честолюбцы», – обобщает маркиз, совершенно не делая различий между социальными слоями общества⁴⁶³. Может быть, это суждение и справедливо касательно высших слоев, среди которых вращался А. де Кюстин, но совершенно несправедливо по отношению ко всему русскому народу. Русские издавна славятся радушием, гостеприимством и открытостью.

Однако французский маркиз отметил особенность, о которой заговорили культурологи лишь в конце XX века. Народы мира делятся на народы низкоконтекстной культуры и высококонтекстной. Западные народы, в том числе французы, англичане, немцы и американцы относятся к низкоконтекстной культуре. Они, как правило, излагают свою просьбу вначале разговора, у них не принято отказываться, если тебе на самом деле чего-то хочется, в свою очередь они никогда не будут предлагать дважды, если в первый раз услышали отказ. Русские же – представители высококонтекстной культуры. Поэтому они, как правило, отказываются от первого предложения, надеясь на то, что нам будет желаемое предложено во второй и в третий раз. (Вспомните русские народные сказки или историческую поэму А.С. Пушкина «Борис Годунов»). Русские склонны высказывать свою просьбу в конце, как бы между делом, ибо по законам вежливости в начале разговора или письма следует расспросить хозяина о здоровье его самого и близких и т.д. Даже если вы стеснены в средствах, в русском обществе принято правило накормить и угостить. Западные иностранцы в советское время видели в этом скрытый смысл: не такие уж они и бедные, если могут накрывать роскошные столы и дарить гостям дорогие подарки. Однако, на наш взгляд, - это культурные и религиозные обычаи и традиции русского народа.

Для выражения своего пренебрежительного высокомерия маркиз не жалеет едких замечаний и колких насмешек: «Россия - страна фасадов», «В России нет

---

⁴⁶³ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991.С.430.

больших людей, потому что нет независимых характеров», «Между русскими и китайцами наблюдается разительное сходство: и те и другие уверены, что мы им завидуем. Они судят о нас по себе», «Россия – тело без жизни», «Россия, думается мне, единственная страна, где люди не имеют понятия об истинном счастье», «Повторяю еще раз: все в России – один обман» - далеко не полный перечень хлестких характеристик России и ее народа. Кюстин даже отказывает русским в праве называться «народом».

Русские для Кюстина не более чем дикари. Об этом он безапелляционно заявляет в своей книге: «Нравы русских, вопреки всем претензиям этого полуварварского племени, еще очень жестоки и надолго останутся жестокими. Ведь немногим больше ста лет тому назад они были настоящими татарами. И под внешним лоском европейской элегантности большинство этих выскочек цивилизации сохранило медвежью шкуру – они лишь надели ее мехом внутрь. Но достаточно их чуть-чуть поскрести – и вы увидите, как шерсть вылезает наружу и топорщится. Разве из того, что дикарь обладает тщеславием светского человека, следует, что он приблизился к культуре? Я уже говорил и повторяю это еще раз! Русские не столько хотят быть цивилизованными, сколько стараются нам казаться таковыми. В основе они остаются варварами. К несчастью, варвары знакомы с огнестрельным оружием»⁴⁶⁴. В этих фразах заключено не только утверждение о варварской сущности русского народа, но и предупреждение всему «цивилизованному миру» об агрессивности России и ее народа.

И все же травелог Кюстина дает читателю информационное представление о культуре России XIX века, которое заключено в описании основных городов северной и центральной России: Петербурга, Твери, Москвы и Нижнего Новгорода, подмечены их особенности, достоинства и недостатки. Описания эти довольно выразительны и живописны. Начинается травелог с описания Петербурга. Но с самых первых строк маркиз не удерживается от колкостей:

---

⁴⁶⁴ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. С.536-537.

город и сфинксы на его набережной производят величественное впечатление, однако, эти сфинксы – «слепки античного творчества» – выглядят нелепо на фоне современных зданий и церквей, сохраняющих русский «национальный стиль» и в то же время не принадлежащих русскому наследию, а заимствованных у Византии. При осмотре гранитной набережной Невы, он обращает внимание, что, хотя издалека она выглядит «величественно и красиво», вблизи видно, что гранитная набережная сделана «из плохого и неровного булыжника, столь неказистого на вид и столь неудобного как для пешеходов, так и для езды»⁴⁶⁵. И тут же он с сарказмом замечает: «Впрочем, здесь любят все показное, все, что блестит...»⁴⁶⁶. Далее маркиз осматривает Петербург. Его отдельные наблюдения верны. Он смотрит на строительство Исакиевского собора и Зимнего дворца, рассказывает читателям об ужасной судьбе его строителей, вынужденных работать в любую погоду: и «ужасной» жаре, и в лютый холод. Рабочие почти без вознаграждения, по воле царя, воздвигали это величественное сооружение в городе, который начал строить император Петр I. Подчеркивая ужасы рабского подневольного труда, травелог делает вывод: «Да, можно сказать, что весь русский народ, от мала до велика, опьянен своим рабством до потери сознания», – заканчивает свой экзерсис в русскую историю маркиз⁴⁶⁷.

Петербург утром. Безлюдные улицы. Если промчится тройка, то это либо офицер, едущий с докладом к начальству, либо фельдегер, скачущий с поручением. На улицах очень мало женщин, да и те некрасивы. Одним словом – казарма. Таким представляется маркизу утренний город. За его описанием как всегда следует глубокомысленная сентенция: «Кажется, что тень смерти нависла над всей этой частью земного шара»⁴⁶⁸. Но наступает день, все немного оживляется. Появляется множество прогулочных колясок. За подобным

---

⁴⁶⁵ Там же. С.424.

⁴⁶⁶ Там же. С.434.

⁴⁶⁷ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. С.434.

⁴⁶⁸ Там же. С.430.

наблюдением вновь следует «глубокомысленный» вывод. На сей раз о русском искусстве: «Сам воздух этой страны враждебен искусству. Все, что в других странах развивается совершенно естественно, здесь удастся только в теплице. Русское искусство всегда останется оранжерейным цветком»⁴⁶⁹.

Едва маркиз возвращается в гостиницу и пытается отдохнуть, наступает «смертельная» борьба с клопами и – забегая вперед, когда он оказывается в Нижнем Новгороде – с тараканами. Но это лишь красочные подробности русской жизни.

Вот маркиз сравнивает два дворца – старый и новый Михайловские замки. И если один поражает воображение своей красотой, то второй – мрачностью. «Едва я прошел мимо нового Михайловского дворца, как очутился перед старым, огромным, мрачным, четырехугольным зданием, во всех отношениях отличным от изящного и современного нового дворца, носящего то же имя», – начинает свой рассказ Кюстин⁴⁷⁰.

Травелог изобилует сентенциями, не все они саркастичны, некоторые очень глубоки. Вот одна из них: «Если в России молчат люди, то за них говорят – и говорят зловеще – камни»⁴⁷¹. О культурологическом образе города говорят здания, другие архитектурные объекты и т.д. В данном случае историю города и историю людей, живущих в этом городе, действительно, рассказывают камни. «Я не удивляюсь, что русские боятся и предают забвению свои старые здания. Это свидетели их истории, которую они чаще всего хотели бы возможно забыть. Когда я увидел глубокие каналы, массивные мосты, пустынные галереи этого мрачного дворца, я невольно вспомнил о том имени, которое с ним связано, и о той катастрофе, которая возвела Александра на трон», – продолжает рассказ о русской истории Кюстин⁴⁷². И надо сказать, что этот рассказ достоверен.

---

⁴⁶⁹ Там же. С.433.

⁴⁷⁰ Там же. С.435.

⁴⁷¹ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. С.435.

⁴⁷² Там же. С.437.

Таким образом, травелог маркиза не только повествовал о России вообще, не только рассказывал Европе о нравах и обычаях русских, но и изображал широкую панораму русской истории, рисуя образы и мрачные сцены из придворной жизни, как будто речь шла об императорах Древнего Рима или Византии.

И все же, несмотря на все русофобство, Кюстин не может не восхититься городом и Невой: «Нева, ее мосты и набережные – это действительная гордость Петербурга. Вид Невы так величествен, что по сравнению с ней все остальное кажется мизерным»⁴⁷³. Несмотря на обилие цитат нами уже приведенных, невозможно удержаться, чтобы не привести еще одну, дающую точную характеристику менталитета русского народа: «Русские любят возводить своих героев в сонм святых; они прикрывают жестокие деяния властителей благодатной силой святителей и стараются все ужасы своей истории поставить под защиту веры»⁴⁷⁴.

Травелог А. де Кюстина обладает несомненными познавательными достоинствами. Эта книга, которая в полной мере открыла западу Россию, также как и «Письма русского путешественника» Карамзина. Несмотря на явную тенденциозность, травелог представил европейскому читателю яркий и запоминающийся образ России.

До сих пор книга Кюстина привлекает внимание читателя своей злободневностью. Многие черты России, русского народа оказались характерными и правдивыми, отмечены точностью и наблюдательностью писателя. Однако травелог Кюстина, содержащий нелюбезные суждения о России, был запрещен к изданию в Российской империи. Лишь в 1910 году был опубликован перевод, весьма далекий от оригинала с многочисленными купюрами. Сокращенный перевод издавался еще при Сталине в 1930 году на закате свободы литературных мнений, он же был издан уже в «новой» России в

---

⁴⁷³ Там же.

⁴⁷⁴ Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. – Л.: Лениздат, 1991. С. 438.

1990 году. Лишь в 1996 русский читатель познакомился с полным переводом книги. Травелог привлек внимание тем, что он помог ответить на многие вопросы о России.

Этот травелог служит и источником знаний о России и русском народе и в наше время. Так, в разгар очередного витка «холодной войны» он был издан в США с предисловием тогдашнего директора ЦРУ Б. Смита как «лучшая книга о Советском Союзе». В 1989 году новое издание травелога вышло в Америке с предисловием видного ученого Д. Бурстина, который сравнил А. де Кюстина с Геродотом, первым описавшим «варварскую Скифию». С тех пор акцент на «варварскую» Россию не значительно изменился, несмотря на все уверения в дружбе и полноправном партнерстве, определенные круги мировой закулисы видят в нашей стране потенциальную угрозу «цивилизованному миру» и в первую очередь США.

Россия достаточно полно представлена в травелогах иностранных «путешественников», начиная с «Записок о московитских делах» (1649) Сигизмунда Герберштейна.

Советская Россия нашла отражение в травелогах Г. Уэлса «Россия во мгле», Т. Драйзера «Драйзер смотрит на Россию», Л. Фейхтвангера «Москва, 1937», А. Жида «Возвращение из СССР», М. Додд «Из окна посольства», Д. Стейнбека «Русский дневник», Р. Миллера «Русские как народ» и Х. Смита «Русские». Особняком стоят произведения «американских друзей Октября» - Д. Рида «Десять дней, которые потрясли мир», А.Р. Вильямса «Ленин. Человек и его дело», Л. Стеффенса «Письма». В этих травелогах мало конкретных изображений городов, но много чрезвычайно метких наблюдений за русским народом и его политическими лидерами. Они скорее напоминают травелоги писателей предшествующей литературной традиции: больше изображать людей и их нравы, чем конкретную действительность. Травелоги же русских писателей, особенно в XX веке, больше склонны к конкретике, к изображению городов и деревень, к изображению повседневной жизни того или иного народа.

Среди русских травелогов также выделяются произведения А. Куприна, И. Ильфа и Е. Петрова, И. Эренбурга, В. Катаева, В. Некрасова.

Травелогии И. Эренбурга отличаются изысканностью и тем, что охватывают различные проблемы. Писатель отличается большим вкусом и эрудицией. Он практически единственный из советских писателей, которому было позволено бывать за границей, не вызывая подозрений. В то время, в которое творил Эренбург – это было не просто. Испания, Бельгия, Германия, Англия и, конечно же, любимая им Франция – становились темой его травелогов. Однако его травелогии были не без сарказма, иронии, да и просто насмешки. Подобная ироническая манера письма была гарантом благонадежности в то непростое время, особенно в период борьбы с «низкопоклонством перед Западом и безродными космополитами», к которым относился и сам Эренбург.

Например, английские зарисовки «Город-притча». Под этим поэтическим названием действительно скрывается притча – притча о Лондоне. «Не верьте глазам своим» - призывает Эренбург в этой притче: «Не верьте английским джентльменам, за благопристойным видом которых скрывается ханжество и лицемерие. Не верьте английским клубам, за внешней благопристойностью которых скрывается лишь чудовищный храп их членов. Не верьте богатым витринам магазинов, ибо их товары предназначены только богатым американцам. Не верьте изумрудно-зеленым газонам Гайд-парка, ибо по ним можно шагать только избранным. Не верьте и самому Лондону, ибо за его блестящим фасадом скрывается боль и нищета приезжих иммигрантов, да и самих простых англичан».

Эренбург был бы забыт в наши дни, если бы его репортажи состояли из одних только едких замечаний. В травелогах замечательного писателя и публициста скрывается живая Англия, живой Лондон. Вот пестрая толпа выходит из театров на Пикадилли-Серкус. Перед нами Бонд-стрит с магазинами, полными качественных товаров: от шотландских тканей до шикарных мехов. Или - табачный магазин «Абдулла» с благоухающими сигарами. И пусть по правилам того времени считается, что это все товары для толстосумов-американцев,

читающий между строк понимает, что если такие товары есть в продаже, причем в неограниченном количестве, значит жизнь налаживается, и недалек тот час, когда это изобилие будет доступно если не всем, то многим.

«Англичанин любит отъединение. На улице он тщательно избегает задеть локтем встречного. В автобусе или в вагоне его место должно быть отделено от соседнего. Прикосновение чужого тела для него мучительно. Он живет в отдельном коттедже, предпочитая дрянной домик на окраине Лондона прекрасной квартире со всеми удобствами в большом многоэтажно доме. Он знает только своих друзей, остальные люди для него, прежде всего, неинтересны: он вежлив и равнодушен», – рассказывает Эренбург⁴⁷⁵.

Но, читающий между строк советский человек получает информацию: на английских улицах нет давки, нет давки и в вагонах метро или трамвая: у каждого есть свое место. Советский человек узнает, что англичанин предпочитает жить в собственном доме, а не в коммуналке и даже не в квартире рядом с соседями. Таким образом, он видит, что жильем англичанин обеспечен куда лучше, чем «строитель социализма». Подобная подача информации была характерна для той эпохи, эпохи всеобщего дефицита, даже информационного, когда люди руководствовались лишь директивными указаниями центральных газет и подобные «окна в мир» давали им единственную, пусть и завуалированную возможность узнать больше об окружающей действительности.

По мере усиления сталинской цензуры травелоги все более политизируются. В них становится все меньше конкретики зарубежной жизни и все больше политических размышлений. Если взять его очерк «Новый Париж» (1926), то там еще можно прочесть о старом и новом Париже, Париже, подвергнутом коренной реконструкции. Другое дело очерк И. Эренбурга «1950», рассказывающий о том, как писателю отказали во французской визе, в этом рассказе Эренбург обличает засилье американизма во Франции.

---

⁴⁷⁵ Эренбург И. Сочинения: в 5-и т. – М.: Гослитиздат, 1954. С.553.

Эренбург был сыном своего времени, прекрасно понимая всю конъюнктурность своих путевых очерков. И все-таки писатель делал все возможное, чтобы донести до читателя живое слово. Практически в каждом очерке мы читаем добрые слова о народе той страны, которой посвящены его заметки. Несмотря на всю «политическую шелуху» и идеологическую подоплеку произведения, они остаются интересными и познавательными. Особняком стоят его зарисовки об Америке. В них Эренбург описывает Соединенные Штаты ярко и образно.

Коренной поворот в советских травелогах произошел в послесталинскую эпоху, когда литература стала очищаться от идеологической зашоренности. Одним из первых стала книга В. Осипова «Британия глазами русского» (1973). Прежде всего, сменился тон повествования, исчезли недоброжелательность и сарказм. На передний план выступило желание как можно больше рассказать о стране и людях. Из книги Осипова мы узнаем о «даблдеккерах» и «истеблишменте», о «клубах джентльменов» и «фабриках джентльменов», о королевской семье и правительстве, о том, как работает парламент, как действует правительство и т.д. Тон книги доброжелателен и лишен насмешки. Из этого травелога можно действительно узнать, как выглядит Англия и англичане. Другой, не менее интересной книгой, является травелог В. Овчинникова «Корни дуба». В ней уточняются и дополняются многие положения Осипова об Англии и англичанах.

Таким образом, мы видим, что травелог, особенно русский, не только создает культурологическую основу города, рассказывает об особенностях его архитектуры, истории, нравах и обычаях его жителей, но и является культурологической основой страны и ее народа. Травелог, включающий лирические отступления самого разного характера, создает портрет самого автора, его нравственного мира и его философско-политических воззрений. Травелог рисует картину не только окружающего мира, но и картину мира собственного, отражая не только мир вокруг себя, но и себя внутри этого мира. Травелог несет и

важную информационно – познавательную функцию, открывая «чужую» страну и, в то же время, рассказывая о своей собственной. Травелог играет важнейшую роль в «диалоге культур», в понимании народами друг друга, в разрушении негативных стереотипов, в разрушении «образа врага».

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ:

1. В данной главе нами проанализировано произведение П. Айкрода «Лондон. Биография», которое по жанру представляет собой документальное эссе. Автор широко использует документальные свидетельства о жизни города, начиная с момента его возникновения до сегодняшнего времени, а также свидетельства о городе визионеров- писателей, художников и поэтов. Именно поэтому «Биография» П. Акройда представляет собой *документально-поэтическое повествование биографии города*.

2. Нами отмечено, что *термин* биография города предполагает образ города как *живого существа*, что подтверждается теми образами Лондона, который рисует П. Акرويد.

3. Образ Лондона в изображении П. Акройда определяется в контексте «*гения места*», что предполагает выделение *сакральной реальности Лондона как синтеза его материальных и духовных ресурсов*.

4. В результате культурологического анализа истории развития города, семиотики городского пространства раскрыты архетипические черты Лондона как города-ада, «града земного».

5. Выявлено, что образ Лондона в «Биографии» П. Акройда представляет собой выраженный *образ мускулинности*, который проявляется в определенных чертах, характеризующих Лондон и лондонцев, таких как *самостоятельность, суверенность, свирепость, суровость* и др.

6. Представлен *культурологический портрет города в дискурсе гастрономической культуры* России конца XIX начала XX века. Гастрономическая культура рассмотрена в контексте образов русской словесной культуры в очерках бытописания Москвы «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», в повести И. Шмелева «Лето Господне».

7. На основе культурологического анализа образов русской словесной культуры в очерках бытописания Москвы «Москва и москвичи», повести П.Д. Боборыкина «Китай-город», в повести И. Шмелева «Лето Господне» определены

специфика, параметры и основные элементы гастрономической культуры, в рамках указанного исторического периода культурного развития.

8. В параграфе показано, что **центром** гастрономической культуры Москвы, как центрального города России, является **феномен еды** как важного культурного фактора *способа* человеческого существования. В этом ракурсе феномен еды рассматривается как фактор *повседневности*, повседневной культуры, которая характеризуется *временнойрегулярностью* (порядок и время принятия пищи), *качеством и разнообразием* пищи (как фактора национальных культурных традиций), *событийностью* – (торжественные праздничные события), *культурными и религиозными регламентами*, формирующими процессы и последствия принятия пищи. Определена религиозно-культурная методология, характеризующая соотношение *сакрального(духовно-ментального)* и *материального (плотского)* в формировании норм и принципов культуры принятия пищи, выделены ее культурно-этические и нравственные характеристики.

9. В связи с этим в параграфе рассмотрена *история развития гастрономической культуры в пореформенный период* развития России, ее институализация (ресторанное и магазинное дело, клубная специфика). Показано формирование *рынков приема и сбыта* гастрономических продуктов, специфика подготовки кадров ресторанного дела, реклама ресторанных меню, значение интерьера в местах общественного питания и др., что на наш взгляд, расширяет определение гастрономической культуры.

10. В параграфе показана *брутальность* (В.А. Гиляровский) и *поэтизация* феномена еды (И. Шмелев) в жанрах документального очерка и биографического эссе, выделен ее культурно-символический смысл и факторы *профанизации*: от *молитвенного вкушения в семье – пиришества (с молитвой в душе)* – к *чревоугодию – гурманству и обжорству*.

11. Показана *сакральность места* города Москвы, ее духовная неуничтожимость как защита и противостояние внешним и внутренним врагам (П. Д. Боборыкин «Китай- город», И.Шмелев «Лето Господне»).

12. В параграфе представлен смысл культурного диалога в рамках культурного события, который обозначен в контексте темпоральности времени. Такое понимание *культурного события*, как настоящего произведения искусства, - приобретает коннотативный смысл, вне зависимости от временных и пространственных координат.

13. Показано, что «Праздник, который всегда с тобой» - произведение, имеющее значимость культурного события, в силу того, что оно манифестируется как нравственный поступок (М.М. Бахтин), который объединяет людей в культурном пространстве. В этом - феномен американского писателя Э. Хемингуэя и русских травелогов – эмигрантов В. Некрасова, А. Синявского, российских писателей А. Стефановича, Э. Тополя.

14. Представлена история и особенность русских травелогов, подчеркивается роль травелога, как актора и как жанра, в диалоге культур: открывая «чужую» страну, и, рассказывая о собственной, травелог, создает *единство культурного пространства*, способствуя пониманию народами друг друга, разрушению негативных стереотипов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диссертационное исследование «Феномен города в образах словесной культуры» рассматривает феномен города в его различных культурных срезах в дискурсе образов словесной культуры.

Феномен города – сложное поликультурное образование, которое анализируется в различных теоретических исследованиях, рассматривающих феномен города практически во всех сферах гуманитарных наук.

Феномен города представляет собой объект междисциплинарного исследования, основанного на методологии и методах, отвечающих исследовательским задачам и целям.

В диссертационном исследовании представлены модели различных подходов в изучении города как феномена культуры, которые определены как *топос* «этнотерриториальная теория»; *фактор развития человеческой цивилизации, формирующий образ жизни; городское пространство в социокультурном измерении; как городская культура и социокультурная модель; как информационный транслятор в контексте диалогичности культур; образ и архетип; как культурный текст; как концепт.*

Семантическая полифоничность феномена города, специфика исследования данного объекта в различных культурных срезах гуманитарных наук обусловили аналитику научного исследования: теоретические источники и диссертационной работы были проанализированы и сгруппированы в соответствующие блоки (историко-философский, культурологический, литературоведческий). В результате нами были обоснованы теоретические установки работы, которые легли в основу методологии, выделены основные направления в анализе категорий *события, хронотопа, культуры повседневности, ее культурологического портрета* как целостности.

Обозначены особенности культурологического портрета феномена города в образах словесной культуры, которые способствовали введению в научный оборот диссертации таких категорий как *гастрономическая культура,*

гастрономическое тело города, феномен еды, гастрономическая идентичность и коммуникативность, выделить гендерные (мускулинность) образы города.

В диссертационном исследовании отмечено, что методология исследования феномена города в образах словесной культуры подчинена *цели* его рассмотрения как *целостного* явления, в контексте культурологической реконструкции в его историческом, художественном изображении на материалах исторической документалистики, биографической эссеистики, художественных образов русской, советской и западноевропейской культуры. В связи с этим были определены *цели и задачи* диссертационной работы, *предмет и объект*, которые обосновали ее *содержание и структуру*.

В диссертационной работе, на наш взгляд, выдержана *методологическая регламентация*, которая определила основную цель диссертационной работы, ее системность и структуру.

Анализ теоретических исследований города как феномена культуры, показал, что город, в основном, рассматривался как понятие. В данном диссертационном исследовании подобная теоретическая установка оказалась недостаточной. Поэтому были рассмотрены основные *стержневые понятия*, образующие системный методологический каркас настоящего исследования, такие как *феномен, словесная культура, понятие, образ, город*.

Словесная культура обозначена в диссертации как языковое поле культуры, включающее все сферы языковой и культурной деятельности, организующее нормативы и принципы языковой жизни. Словесная культура, являясь частью культуры, содержательно определяется вызовами культуры, творчески расширяя рамки культурной жизни, имея свои средства выражения в различных текстах в виде *знака* (понятия) и *образа*. Поэтому словесная культура как образ и как понятие выступает в настоящем диссертационном исследовании как «онтологическая канва», на основе которой выстраивается системная структура работы.

Анализ словесной культуры позволил сгруппировать литературно-художественный материал в его жанровых особенностях: художественные произведения (романы, повести) документально-исторические (исторические исследования) и биографическо-эссеистские (очерки, повести). Это дало возможность проанализировать феномен города в его различных проявлениях: от научных понятий, выражающих фактуальность феномена города до художественно-интуитивных смыслов, заключенных в художественных образах

В диссертационной работе представлен философский анализ понятия феномен, который основывался на раскрытии *оппозиции* понятия феномена как «явленности и неявленности» (Хайдеггер) *фактуальности* и *сакральности* объекта.

Вследствие этого феномен города рассматривается в диссертационном исследовании в ареале культурного пространства, которое представляет собой «равноценную, но чувственно не воспринимаемую разъятость» (М.Хайдеггер), насыщенную символами и знаками, связанную с именами и мифами, обусловленную *смыслами*, которые манифестируются *событиями*. Культурная специфика феномена города такова, что он насыщен *событиями*, происходящими с людьми, проживающими в этом городе в ритмике места (топоса) и времени (хронотоп, темпоральность). Культурное пространство города является живым и диалогичным, оно – хранитель прошлого, его ценностей и культурных артефактов, которые нанизывают, вбирают в себя новые культурные тексты, знаки, события. Поэтому в диссертационном исследовании проведен культурно-философский анализ *понятий событие, хронотоп, темпоральность* в дискурсе их образно - художественного содержания и специфики культурологического применения. Соответственно были проанализированы теоретические исследования данной проблемы (М.М. Бахтин, В. Бибахин, Ж. Делез, А.Ф. Лосев, Ю.И. Лотман, М.С. Каган, В. Подорога, М. Хайдеггер и др.), определено современное состояние проблемы.

В исследовании феномена города как теоретической проблемы и понятия, в единстве его свойств и особенностей, нами выделены и проанализированы основные культурологические работы, которые дали возможность обозначить в диссертации основные направления в анализе *культуры повседневности*, ее *культурологического портрета*. Это позволило выделить их единство в дискурсе образов словесной культуры.

В результате - особенности культурологического портрета феномена города в образах словесной культуры выразились в обозначении феномена *еды как гастрономической идентичности и средства коммуникативности, гендерных (мускулинность) образах города*.

В силу многосложности феномена города, выразившихся в различных культурных срезах его культурологической парадигмы, возникла потребность в определении *методологического центра*, стягивающего существенные и несущественные *смыслы* образного и фактуального отражения феномена города в дискурсе словесной культуры.

В диссертационном исследовании культурный смысл феномена города был обнаружен в концептуальном анализе города как социокультурного и исторического феномена. В диссертации был проведен комплексный культурологический анализ идеальной (образной) модели города как *культурного архетипа (Небесный Иерусалим)* и модели *Града Небесного и Града земного* (Августин), рассмотренный в контексте философии истории. В модели *Града Небесного и Града земного* (Августин), как это показано в диссертации, *совмещены идея исторического времени, его цели и направления, реальности и действительности* (В. Бычков). На основе этих архетипических моделей нами были представлены соответствующие конструкции городов стран Востока и Запада. В диссертационном исследовании на основе теоретических культурологических работ определена модель города – храма, характерная для русского города, выделена типология сакрального образа городов Киева, Петербурга, Венеции, Флоренции. Данные выводы подчеркнули необходимость

рассмотрения образа феномена города в словесной культуре с точки зрения профанности и сакральности его элементов.

Таким образом, в ходе целостного культурологического анализа феномена города, как сложного социокультурного образования, возникла необходимость его *целостного* рассмотрения, с целью выявления *культурных смыслов* данного феномена в системной взаимосвязи его структурных семиотических элементов в их профаном и сакральном значении. В связи с этим в диссертационном исследовании были выделены такие элементы феномена города как *событие*, *хронотоп* (*город как пространство, время, темпоральность, ритмика*), *культурологический портрет* (*город как тело, феномен еды, город и гастрономическая культура*). В диссертации показано, что такие разноплановые элементы, обнаруживающие различные свойства феноменологии города, могут быть объединены смысловой парадигмой *концепта*, который концентрирует исторические, лингвистические, культурологические характеристики, их ценностные оценки (Ю.М. Лотман, В.Топоров, Ю.Степанов).

В работе проанализированы различные теоретические философские, культурологические, лингвистические позиции, определяющие концепт как *событие* (Делез Ж.), как фактор «явленности и неявленности» (М. Хайдеггер), явленности как материального объекта и неявленности того сакрального смысла, который проявляется в *культурном тексте* города (Ю.М. Лотман) *Диалогичность*, раскрывающую связь «своей и чужой речи» в диалоге, определяя поступок как *событие* (М.М. Бахтин) в рамках *хронотопа* и *пространства*, фиксируется как *культурологический портрет* («застывший хронотоп») в различных образах, символах и знаках культуры.

На основании этого в диссертации доказана значимость концепта города, как ключевого смыслообразующего понятия, вбирающего все разнообразие городской феноменологии в контексте противоречивости событийности, концепт города является тем организующим смысловым центром, который объединяет и организует в систему это разнообразие.

Концептуальная теоретическая модель, экстраполированная на феномен города в дискурсе словесной культуры, определялась задачами *целостной реконструкции феноменологии города в его архетипическом, историческом и художественном изображении*. Поэтому основные элементы концептуальной системы феномена города в образах словесной культуры были проанализированы в рамках *события* как основы исторической документалистики и художественного образа. *Хронотоп* выделен как фактор *единства* пространства – времени – культурной семиотики городского пространства, что определило необходимость ввода понятия *сакрального (метафизического) смысла*. *Темпоральность* определена как *смысловая ритмика* города. *Культурологический портрет* как застывший хронотоп в *единстве пространства и времени*, в обнаружении гендерного (мускулинности) в образе города (Лондон), его (культурологического портрета) *гастрономической идентичности и диалогичности*.

Таким образом, введение концепта как методологической основы обнаружения смыслов в исследовании феномена города в дискурсе образов словесной культуры способствовало расширению культурологического анализа, раскрытию парадигмальных особенностей феномена города в контексте *исторического объекта и художественного образа, фактуальном (профанном) и метафизическом (сакральном) дискурсе*.

В этой связи в диссертационном исследовании подчеркивается важность *равновесия соотношения профанности и сакральности* в смысловой концептуальности феномена города, что ярко проявляется в анализе художественных произведений словесной культуры: нарушение равновесия в пользу профанности обнаруживает фактор повседневности как *видимости* события жизни его профаном значении (Ю. Трифонов «Другая жизнь»).

Исходя из рассмотренной методологии концептуального подхода в исследовании феномена города в образах словесной культуры, диссертационное исследование подчинялось следующей «логистике»: определению *исторического*

события в контексте фактуальности и образа; темпоральности и хронотопа в исторической документалистике, художественных произведениях, в очерках бытописания и биографической эссеистике. Содержательность события (сущее) определяется не только хронотопом и темпоральностью, но *повседневностью* как фактором регулярности, рациональности, привычной, обыденной характеристики сущего. В диссертационном исследовании достаточное место уделяется анализу повседневности как теоретической проблемы в ее экстраполяции к оппозиции повседневности – неповседневности – внеповседневности. Нарушение границ повседневного связано с такими его характеристиками как «оповседневнивание» как фактор стереотипного, привычного и «неповседневного-внеповседневного» как оппозиции повседневного (Б.Вальденфельс). В диссертации рассматривается повседневное как сущее, имеющее смысл «оповседневнивания» (Б. Ямпольский «Арбат – режимная улица», Ю.Трифонов «Другая жизнь»), а также повседневность в *ритмике события* (Трифонов Ю. «Другая жизнь»); «оповседневность» как темпоральность события (Б. Ямпольский «Арбат – режимная улица»).

В контексте *исторического события как факта культурного поворота* в истории России были проанализированы историко-документальные труды (Аксаков, Н. Карамзин, В. Глазычев). Культурный образ Киева представлен как первопрестольный град русской державности – Киевской Руси - *символ* праматери городов русских, *город-защитник* и *город-герой* символизирует *начало российской державности*, связанной с *принятием христианства*, *символом объединением русских городов*. Образ *Москва-Третий Рим* – явился *символом православия*, в деле укрепления *государства и* объединения *православных народов*. Образ *Петербурга* – *символ* русской *императорской державности*, нового *культурного поворота* в государственной и культурной жизни.

В контексте хронотопа рассматриваются образы столиц – Москвы и Петербурга в *предреволюционный период* (1905 год), «симфонические» романы А.

Белого «Петербург» (1912-1922 годы), *послереволюционный* период «Москва» (1932 год), повести И.Шмелева «Лето Господне», В. А.Гиляровского «Москва и москвичи». В диссертации подчеркнуто, что историческое событие в его метафизическом, сакральном значении в образном изображении «расширяется» во времени и пространстве А. Белого «Петербург»(1912-1922), «Москва» (1932), написанных в разное время, выразившихся как *предчувствие* и *осмысление* события 1917 года. В связи с этим анализом в диссертационном исследовании делается вывод, что **событие** - *онтологическая основа* художественного образа, связана с *поступком, как заданностью, долженствованием* (М.М.Бахтин), «*захваченностью*» событием (В. Бибихин). **Событие** оказывает влияние на **топос** (место в пространстве), придавая ему черты **эмоса**, (место обитания духовно нравственного смысла), что транслируется в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита», повести Ю. Трифонова «Другая жизнь». Здесь раскрывается **сакральная роль пространства (места)** как особой энергетики, формирующей добродетели и пороки его обитателей.

В повести Б. Ямпольского «Арбат – режимная улица» рассматривается *смысловой ритм темпоральности* города. В этом контексте пространство (место), лишено сакрального смысла, и, как, следствие, лишено темпоральности: в режимном городе - только в прошлом, в *настоящем* времени ритмы темпоральности есть лишь *констатация прошлого*.

В диссертации представлена сравнительная аналогия Москвы и Иерусалима в романах Булгакова и Ямпольского, как архетипа града Небесного на земле. Именно с этим обстоятельством связана идея о святости пространства-места Москвы. Такая же мысль заключена в интерпретации образов города в романе Б. Ямпольского: место лишено сакрального смысла в результате введения режимности как высшего выражения регулярности («оповседневности» как события). В результате изменения оппозиции *профанность - сакральность события* город изображен в контексте архетипа Града Земного.

Повседневное как фактор сущего (события) имеет важное значение для характеристики феномена города. Феномен еды является основным проявлением сущего в пространстве города. Поэтому феномен еды образует *культурный код* города, содержащий различные компоненты, которые сконцентрированы в гастрономической культуре и ее институтах.

В диссертации рассмотрены ступени *профанизации еды* (профанизации таинства о. П. Флоренский) в процессе развития гастрономической культуры, которое нашло свое воплощение в образах русской словесной культуры. В ходе культурологического анализа повестей И. Шмелева «Лето Господне», П.Д. Боборыкина «Китай-город», очерков бытописания города Москвы В.А. Гиляровского «Москва и москвичи», в диссертации показано, что исторический процесс развития и институализации гастрономической культуры приводит к утрате в культуре принятия пищи, ее *сакрального смысла* (поедание тотема, «вкушение тела Христова»). В русской словесной культуре на примере вышеуказанных произведений показано отчуждение от религиозных культурных традиций: от *молитвенного вкушения в семье* (в повести И. Шмелева «Лето Господне») *безмолитвенного, но благословенного вкушения яств в душе* – до *обжорства чревоугодия и гурманства* (П.Д. Боборыкин «Китай-город» В.А. Гиляровский «Москва и москвичи»).

Переход повседневного сущего в свою оппозицию «внеповседневности» означает «манifestацию» *события*, которое связано с бунтом против религиозного (мицвот) и повседневного табуирования еды в образе Блума (Дж. Джойс «Улисс») и творческой воодушевленности писателя (Э.Хэмингуэй «Праздник, который всегда с тобой»).

Событие – преодоление повседневного, поэтому еда воспринимается, как каждодневный праздник, *гастрономическое событие*. Город воспринимается героем как гастрономическое тело, своего рода «онтология» еды, представляющий собой – единый *гастрономический соблазн*, символический

тотем, поглощающий как жертву человека «едящего». (Дж. Джойс «Улисс»). В «Празднике, который всегда с тобой» Э.Хэмингуэя - город, Париж является *творческим пространством, творческой лабораторией* писателя, поэтому образ еды художественно подчеркивает создание атмосферы «внеповседневности» Парижа, его необычности и праздничности.

«Внеповседневность» Парижа, как образ его необычности в изображении Э.Хэмингуэя, также как и его гастрономическое пространство привлекает российских травелогов В. Некрасова, А. Синявского, А. Стефановича, Э. Тополя, к диалогу со знаменитым мастером ведь для них Париж «это любовь, «из gemises (кладовой) моей памяти и моего сердца. Пусть даже одну повредили, а другого не существует»⁴⁷⁶.

---

⁴⁷⁶ Хэмингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Пер. с англ. В.П. Голышева. М.- АСТ, 2014. -286. С.10.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аввотт S. The empire of Russia. N.Y.: Mason brothers, 1860. 232p.
2. Аскройд P. The Englishness of English Literature / The Collection. Journalism, reviews, essays, short stories, lectures / ed. by T. Wright. L., 2001. 465 p.
3. Аскройд P. London. The concise biography. London, 2012. 815 p.
4. Allen R. Russian looks at America. Wash., 1988. 371 p.
5. American character and foreign policy / ed. by M. Hamilton. EerfmansPub.Co., 1986.184 p.
6. Antinazi. Энциклопедия социологии, 2009. [Электронный ресурс]URL: <http://enc-dic.com/word/p/Provinciya-17826.html>.
7. Арчер J. The Russians and Americans. N.Y.: Hawthorn books, 1975. 332p.
8. As others see us: the United states through foreign eyes/ ed. by J. Franz Princeton Univ. Press, 1959. 116 p.
9. Avins C. Border crossing: The West and Russian identity, 1983. 140 p.
10. Baring M. The Russian people. London, 1911. 205 p.
11. Barnett R. The giants: Russia and America. N.Y.: Simon and Schuster, 1977. 98 p.
12. Boorstin D.J. America and the image of Europe. N.Y.: Meridian books, 1960. 228 p.
13. Boorstin D.S. The image of what happened to the American dream. N.Y.: Atheneum 1962. 619 p.
14. Brogan D.W. The American character. N.Y.: Knopf, 1944. 112 p.
15. Clifford James L. Biography as an Art: selected criticism, 1560-1960. L.:Oxford University Press, 1962. 184 p.
16. Davie D. Russian literature and modern English fiction. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 450 p.
17. Dujiker H.C.,Frijda, N.H. National character and national stereotypes. 213-301 p.

18. Gavin W.J., Blakeley, T.J. Russia and America. A philosophical comparison. Boston: Reidel Pub. Co., 1976. 145 p.
19. Hoverman R. Modernizing Lives. Experiments in English Biography, 1918-1933. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1987. 182p.
20. Hubbs S. Mother Russia. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1988. 98 p.
21. Huntington S. P. The clafs of civilization and order. N.Y., 1996.
22. Kalvouss C. Russian culture, an outline. Columbus: Ohio State University, 1981. 304 p.
23. КоnтHalvdan The American spirit in Europe: A survey of transatlantic influences. Philadelphia, 1949. 94 p.
24. Laserson M.H. The American impact on Russia, diplomatic and ideological. N.Y.: Collier, 1962. 145 p.
25. Laserson M.H. The American impact on Russia. 1784-1917. N.Y., 1950. 251 p.
26. Lewis B. My Words Echo Thus: Possessing the Past in Peter Ackroyd. Columbia, 2007. 181 p.
27. Mac Cannen D. Tourist. A new theory of leisure class. N.Y., 1976.
28. Nadel Ira B. Biography: Fiction, Fact and Form. L.: Macmillan, 1984. 203 p.
29. Parry A. America learns Russia. Syracuse Univ. Press, 1967. 87p.
30. Pitchford N. Tactical readings. Feminist Postmodernism in the Novels of Kathy Acken and Angela Carter. Lewisburg. L., 2002. 283 p.
31. Rennison N. Contemporary British Novelists. L., NY: 2005. 704 p.
[Электронный ресурс] URL: <http://www.historicalnovels.info/House-of-Dostor-Dee.html>.
32. Sakellariou M.S. The Polis-state. Definition and Origin. Athens, 1989.
33. Saul N.E. Distant friends. The United States and Russia . Univ. Press of Kansas, 1991. 57 p.
34. Semiotics of Russian culture history. Cornell univ. Press, 1985. 161 p.

35. Sherman W.H. John Dee: The Politics of Reading and Writing in the English Renaissance. Massachusetts, 1995. 119 p.
36. Sjoberg G. The Origin and Evolution of Cities I I Cities: their Origin, Growth and Human Impact / Introduction by K. Davis. San Francisco, 1973.
37. Smith G. Russian inside and out. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1989. 198 p.
38. Strout C. The America image of the Old World. N.Y., 1963. 410p.
39. Taylor M., Saarinen E. Imagologies. London, 1994. 318 p.
40. Taylor W.R. Cavalier and Yankee. The Old South and American national character. N.Y., 1961. 145 p.
41. The American image of Russia / ed. by Anscnel. N.Y., 1974. 198p.
42. Thomson E. Understanding Russia. Lanham: University Press of America, 1987. 511p.
43. Western philosophical system in Russia literature. Westport: Greenwood Press, 1971. 89p.
44. Аверинцев С.С. Рай // Мифы народов мира. Энциклопедия (в двух томах). М.: «Советская Энциклопедия», 1988. Т.2.
45. Агеева Е.Ю. Город как социокультурное образование: функционально-типологический анализ Текст.: дисс. на соиск. уч.степ. док.филос. наук/ Е.Ю. Агеева. Н.Новгород., 2006. – 355 с.
46. Акرويد П. Дом доктора Ди. М.: Иностранка, БСГ Пресс, 2000. 400 с.
47. Акرويد П. Лондон: Биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2007. 896 с.
48. Аксаков И.С. Петербург и Москва [Электронный ресурс] URL: dugward.ru/library/аксакову/іаксаков.
49. Алексеев М.П. Русская литература и ее мировоззрение. Л.: Наука, 1989. 421 с.

50. Алексеев-Апраксин А.М. Буддизм в культурной жизни Петербурга: дис. Канд. Культурол. Наук: 24.00.01 / А.М.Алексеев-Апраксин. СПб., 2005, 201 л.
51. Алисов Д.А. Урбанизация и культура // Городская культура Сибири: история и современность : сб. науч. тр. / Сиб.фил.Рос.ин-та культурологи и др. Омск, 1997. С.3-15.
52. Алмазов Б.А. Илья-богатырь: роман-реконструкция. СПб.: Изд-во «Русская военная энциклопедия», 2005. 464 с.
53. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20-30-е годы). М.: Мол.гвардия, 2003. 573 с.
54. Анисимов Е.В. Царь и город. Петровский Петербург. СПб.: Норинт, 2004. 313 с.
55. Анфицеров Н.П. Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга: репринт, воспроизведение изд. 1922, 1923, 1924 гг. М.: Книга:Канон, 1991. 420 с.
56. Анфицеров Н.П. Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя // Гоголь в школе. М., 1954.
57. Анциферов Н.П. «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1993. 335 с.
58. Анциферов Н.П. Город как выразитель сменяющихся культур. Картины и характеристики. Л.: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1926. 224 с.
59. Анциферов Н.П. Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: «Сеятель», 1925. 148 с.
60. Аркин Д.Е. Град обреченный Текст. // Петербург как феномен культуры : сб. ст. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 1994. С.68-77.
61. Астафьева О.Н., Флиер А.Я. Социокультурная модернизация: формирование новой культурной среды // Культурологический журнал. [Электронный ресурс] URL: http://www.cr-journal.ru/rus_journals/187.

62. Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: «Наука», 1995. С. 21-28.
63. Ахиезер А.С. Социальное пространство и человеческий фактор в свете теории урбанизации // Проблемные ситуации в развитии города. М.: Ин-т социологии, 1988. С. 31-45.
64. Багно В.Е. Образ Петербурга в мировой культуре. М.: Наука, 1992. 128с.
65. Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Радуга, 2008. С. 306-314.
66. Бахтиаров А.Н. Чрево Москвы // Колосья, 1891. №9-11.
67. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности. М.: Искусство, 1979.
68. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
69. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук. М.: Искусство, 1979.
70. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
71. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
72. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
73. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель, 1963. 363 с.
74. Бахтин М.М. Философия поступка. М.: Лабиринт – МП, 1996. 183 с.
75. Безрогов Г.Г. Скандинавы и возникновение Дублина // Цивилизация Северной Европы. Средневековый город и культурное взаимодействие. М.: «Наука», 1992. С. 56-64.
76. Беленький И.Л. Библиография Москвы и Петербурга // Россия и современный мир . 1997. №3. С.242-253; №4. С.222-231.

77. Белинский В.Г. Петербург и Москва / Москва-Петербург: proetcontra: Диалог культур в истории национального самосознания : антология. СПб., 2000. С. 185-214.
78. Белый А. Москва. М.: Советская Россия, 1993. 318 с.
79. Белый А. Петербург. Л.: Наука, 1981. 598 с.
80. Белый А. Петербург. М.: Республика, 1984. 581 с.
81. Биbihин В.В. Слово и событие.[Электронный ресурс] URL:
http://vivikn.in.ru/slovo_i_sovutiie.
82. Библер В.С. Культура. Диалог культур: опыт определения// Вопросы философии. №6, 1989. С. 31-42.
83. Библер В.С. Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры. М.: Прогресс, 1991. 176 с.
84. Битов А. Город и идея / Хрестоматия по географии России. Русские столицы: Москва и Петербург. М., 1993.
85. Бодрийар Ж. Город и ненависть. [Электронный ресурс]URL:
<http://twirpx.com/file/229296>.
86. Бодрийар Ж. Общество потребления. М.: «Республика», 2006. 179 с.
87. Большакова А.Ю. Образ Запада в русской литературе // Филологические науки. 1998. № 1. С. 3-13.
88. Большакова М.История г. Арзамас-16 с 1946 года до наших дней [Электронный ресурс]URL: <http://ussr-ovogona.snat.ru>.
89. Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение.: сб.ст. проф. К.Бюхера, Г.Майра, Г.Зиммеля и др. СПб.: Просвещение, 1905. 204 с.
90. Большой Энциклопедический словарь [Электронный ресурс] URL:
<http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.

91. Бондаренко И.А. Иерархическая структура древнерусского города // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога. М.: «Наука», 1996. С. 117-122.
92. Борискова Л.Б. Петербург начала XX века: философско-культурологический анализ.: дис. канд. филос. наук. СПб., 2004. 199 с.
93. Борисова Е.А. Архитектура и город в путевых дневниках и путевых альбомах русских путешественников середины XIX века // Типология русского реализма второй половины XIX века. М., 1992.
94. Борщевский М.В. Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического проектирования. М.: «Наука», 1986. 204 с.
95. Брайс Д. Американская республика. Пер. с англ. Д.В. Неведомский // Юридический вестник. Ноябрь. М.: Типография А.И. Мамонова и К^о, 1890. 474-479 с.
96. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. В 3 т. М.: Прогресс, 1986. Т.1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. 622 с.
97. Бродель Ф. Структуры повседневности. Пер. с франц. Л.Е. Куббеля. 2-е изд. М.: «Весь мир», 2006. 592 с.
98. Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Прогресс, 1987. 387 с.
99. Бураго Е.Г. Семиотика города: Киев как текст культуры. // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2.
100. Буровский А.М. Петербург как географический феномен. СПб.: Алетейя, 2003. 280 с.
101. Бычков В.В. *Aesthetica Patrum*. Эстетика отцов церкви. I. Апологеты. Блаженный Августин. М., Ладомир, 1995. 593 с. [Электронный ресурс] URL: http://krgotov.info/libr_min/02_v/usn/kov_24.htm.
102. Бюхер К. Большие города в их прошлом и настоящем // Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение. СПб., 1905. С. 1-26.

103. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. // СОЦИО-ЛОГОС. М.: Прогресс, 1991. 480 с. [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000927/st000.shtml>.
104. Васютина Н.К. Город будущего в романе Питера Акройда «Повесть о Платоне» // Известия Уральского ун-та. 2004. № 33. С. 122-128.
105. Вебер М. Город. Пер. Б.Н. Попова. Пг., 1923. 136 с.
106. Вебер М. История хозяйства. Город / Ин-т социологии РАН и др. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 574 с.
107. Вебер М. Рост городов в XIX столетии. Пер. с англ. СПб.: Типография Кускова, 1903. 464 с.
108. Вендина О.И. Москва и Петербург. История об истории соперничества российских столиц // Политика. 2002. №3(26). С.24-27.
109. Веселова М.Н. Исторический город как текст русской культуры. Автореферат на соиск. уч. ст. канд. культурологии. СПб., 2009 // Электронная библиотека диссертаций [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net.ru>.
110. Веселовский А.Н. Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительные очерки. М.: «Русское товарищество печатного и издательского дела», 1906. 274 с.
111. Веселовский А.Н. Из истории литературного общения Востока и Запада. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872. 17-378 с.
112. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.
113. Веснина Б. Питер Акройд. [Электронный ресурс] URL: <http://fantlav.ru>.
114. Веташ В., Семира (Щепановская Е.М.) Архетип города (Западная и Восточная модель). [Электронный ресурс] URL: <http://www.astrolingua.ru/PHILOS/gorod.htm>.

115. Взаимосвязи русской и зарубежной литературы. [Электронный ресурс] URL: <http://stud24.ru/literature/vzaimosvyazi-russkoj-i-zarubezhnyn-literatur/498834-1935728-page4.html>.
116. Винокур Г.О. Биография и культура. М.: ЛКИ, 2007. 97 с.
117. Волков С. История культуры Санкт-Петербурга: с основания до наших дней. М.: ЭКСМО, 2004. 670 с.
118. Волков Ю.Г., Добренков В.И. Социология. Городская среда. Зарождение и эволюция городов [Электронный ресурс]URL:<http://www.countries.ru>.
119. Вологдин А. Столица и провинция. // Родина 1989. №3. С.48.
120. Володина Н.В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта, Наука, 2010. 256 с.
121. Волчкова И.М., Лазарева Э.А. Город как средоточие коммуникаций. [Электронный ресурс] URL: <http://www.raasn.ru/academia.htm>.
122. Вороной М.К. Городской текст: литературоведческий смысл понятия. Киев, 2009.
123. Гайдар А.П. Избранное. М.: Просвещение, 1983. 400 с.
124. Галушина Н.С. Город как объект культурологического исследования : дисс. на соиск. уч.степ. канд.культурол. наук. М., 1998. 153 с.
125. Галушкина Н.С. Город как объект культурологического значения :автореф. дисс. ... канд. культурологии. М., 1998. 32 с.
126. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и славянством. М.: «Раритет», 1997. 680 с.
127. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Психо-Космо-Логос. М.: «Прогресс», 1995. 480 с.
128. Гачев Г.Д. Образ в русской художественной литературе. М.: Искусство, 1981. 246с.
129. Гачев Г.Д. Петербург и Россия // Хрестоматия по географии России. Образы страны: Русские столицы. Москва и Петербург М., 1993, С. 88-90.

130. Герцен А.И. Москва и Петербург // Москва-Петербург: проетсонтра: Диалог культур в истории национального самосознания : антология. СПб., 2000. С. 177-184.
131. Гиляровский В. А. Под Китайской стеной // Москва и москвичи: Олимп, АСТ, М., 2000. 221 с.
132. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. М.: Правда, 1979. 267 с.
133. Глазычев В.Л. Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: «Наука», 1995.
134. Глазычев В.Л. и др. Городская среда. Технология развития. Настольная книга. М.: «Лада», 1995. 240 с.
135. Глазычев В.Л. Образы пространства (проблемы изучения) // Творческий процесс и проблемы восприятия. Л.: «Наука», 1978. С. 159-174.
136. Глазычев В.Л. Поэтика городской среды / Эстетическая выразительность города. М., Наука, 1995.
137. Глазычев В.Л. Социально-экономическая интерпретация городской среды. М.: «Наука», 1984. 180 с.
138. Глазычева В.Л. Город России на пороге урбанизации // Город как социокультурное явление исторического процесса: [сб.ст.] / РАН, Науч. совет по комплекс.пробл. «История мировой культуры». М., 1995. С. 138-145.
139. Гоголь Н.В. Проза. Статьи. М.: Советская Россия, 1977. 380 с.
140. Гончаров И.А. Фрегат Паллада. М.: Советская Россия, 1976. 608 с.
141. Горбунова Е.В. Общественное сознание и архетипы. [Электронный ресурс] URL: <http://sociospneta.com>.
142. Город в процессах исторических переходов : теорет. аспекты и социокульт. характеристики / РАН, Науч.совет по истрии мировой культуры. М.: Наука, 2001. 392 с.

143. Город и горожане в России XX века. / Материалы рос.-фр. семинара, С.-Петербург, 28-29 сент. 2000 г. Сост. Марголис А.Д.; Гос.музей истории С.-Петербурга и др. СПб.: контрфорс, 2011. 127 с.
144. Город как социокультурное явление исторического процесса. М.: Наука, 1995. 351 с.
145. Горький А.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. М.: Гослитиздат, 1954.
146. Горький М. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Прогресс, 1990.
147. Григорьев Н.В. Петербург. В поисках культурного смысла / Петербург как феномен культуры : сб.ст. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 1994. С.4-9.
148. Гришанин Н. В. Текст, символ, миф в семиотическом анализе городской культуры диссертация ... канд. культурологии: 24.00.01. СПб, 2007.
149. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 766 с.
150. Гуревич Л.Л. Язык городского пространства // Строительство и архитектура Ленинграда. 1974. № 11. С. 31-33.
151. Гурин С.П. Образ города в культуре: метафизические и мистические аспекты. [Электронный ресурс]URL: http://www.comk.ru/HTML/gurin_doc.htm.
152. Давыдова Е.А. Событие: история и понятие в философии и языке // Вестник ОГУ №11(117) ноябрь 2010.
153. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Заря, 1895. 816 с.
154. Деткова Н.Ю. Малый провинциальный город как текст культуры // Вестник Челябинского ун-та. 2009. №18. С.63-69.
155. Джеймс В. Научные основы психологии. СПб.: Санкт-Петербургская электропечатня, 1902. 374 с.
156. Джойс Дж. Улисс. М.: Республика, 1993. – 325 с.
157. Добровольская М.В. Человек и его пища. М.: Научный мир, 2005. [Электронный ресурс]URL: http://krotov.info/library/05_d/ov/dobovolskaya.htm

158. Долгий В.М., Левинсон А.Г. Архаическая культура и город // Вопросы философии, 1971. № 7. С.84-95.
159. Дьяконов Г.В. Концепция диалога М.М. Бахтина – основа экзистенциально-онтологической психологии // Соціальна психологія, 2006. № 5 (19). с.45 - 55.
160. Евменова Л.Н., Кудинова И.Ю. Культурологический портрет как понятие и метод исследования города. [Электронный ресурс] URL: <http://journal-discussion.ru/issue.php?id=40>.
161. Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М.Лотмана. М.: Новое лит.обозрение, 1999. 382 с.
162. Егорова Л.П. Литературоведческие аспекты имагологии. Ставрополь, 2007. С.182.
163. Еремеев П.А. Арзамас городок. Арзамас, 1998. 204 с.
164. Ермолина Л.А. Культура как сингулярность: сжатие и развертывание смыслов // Проблема культурных концептов в современной лингвистике. [Электронный ресурс] URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kultura-kak-singulyarnost-szhatie-i-razvertuyvanie-smyslov>.
165. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских, 1825-1853. М.: Наука, 1982. 322 с.
166. Забелин И.Е. История города Москвы.: репринт, воспроизведение изд. 1905 г.. М.: Столица, 1990. 651 с.
167. Замятин Е. Москва и Петербург // Москва Петербург: проетсонтра: Диалог культур в истории национального самосознания :сб.ст. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 1994. С.108-111.
168. Зашихин А.Н. Глядя из Лондона. Россия в общественной мысли Британии. Архангельск: Изд-во Поморского межд. пед. ун-та, 1994. 208 с.
169. Зенкевич М. Москва новая // Заветное преданье поколений: Москва в рус. поэзии. М., 1997.

170. Ибраева А.Ф. Сопоставительное исследование художественного концепта «ситу/город» на материале произведений К. Бушнелл и С. Минаева. Автореферат на соискание ст. кандфилол. н. Казань, 2011.
171. Иванов В.В. К семиотическому изучению культурной истории большого города // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1986. С. 7-24.
172. Иванов Ю.А. Местные власти, церковь и общество во второй половине 19 – начале 20 века. Иваново, 2003.
173. Иванович С.И. Два города // Петербург как феномен культуры :сб.ст. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 1994. С.89-93.
174. Иваново-Вознесенское губернское общество краеведения в истории края (1924-1931) // Королевские чтения. – Иваново, 1997.
175. Иконникова С.Н. Архитектоника и динамизм культурного пространства России // Гуманитарные науки. 1997. № 2. С. 93-97.
176. Ильф И., Петров Е. Письма из Америки // Собрание сочинений: в 5-и т. М.: ГИХЛ, 1961. Т. 4.
177. Ирза Н.Д. Хронотоп / Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://ipnliv.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc2643a368caa9ea5d95c>.
178. История и философия науки (философия науки) (2-е издание, переработанное и дополненное). 2011.Под редакцией проф. Ю.В. Крянева, проф. Л.Е. Моториной. [Электронный ресурс] URL: <http://knigi.news/filosofya-usnevnik/istoriya-filosofiya-nauki-filosofiya-nauki.html>
179. История Москвы.: крат.очерк / А.А.Преображенский, А.А.Зимин, Ю.И.Кирьянов и др. 3-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1978. 543с.

180. Исупов К.Г. Диалог столиц вчера и сегодня // Жизненный мир поликультурного Петербурга: материалы междунауч.-практ.конф.,6-9 окт. 2003 г. СПб., 2003. вып.1. С.49-52.
181. Исупов К.Г. Душа Москвы и гений Петербурга
182. Исупов К.Г. Историческая мистика Петербурга // Метафизика Петербурга : [сб.ст.]. СПб., 1993. С.66-73.
183. Каган М. С. Время как философская проблема // Вопросы философии, 1982. №10. С. 117–124.
184. Каган М. С. Пространство и время в искусстве как проблема эстетической науки // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве: статьи. Л., 1974. С.26–39.
185. Каган М.С. Культура города и пути ее изучения // Город и культура. СПб., 1992. С. 15-34.
186. Каган М.С. Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.
187. Каган М.С., Хилтухина, Е.Г. Проблема «Запад-Восток» в культурологии. Взаимодействие художественных культу. М.: Наука, 1994. 158 с.
188. Кагарлицкий Б. Страна городов. История и перспективы [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulife.ru>.
189. Казакова Г.М. Регион как субкультурный локус (на примере Южного Урала) Текст.: дис. док.культурол. наук: 24.00.01, М., 2009.
190. Камедина Л. В. Духовные смыслы русской словесной культуры. Директ-Медиа; Москва- Берлин, 2014. 300 с.
191. Капкан М.В. Феномен гастрономической культуры: специфика форм репрезентации (на примере России XIX-XX века). Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. культурологии, Екатеринбург, 2010. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/fenomen-gastronomicheskoy-kultury>.
192. Карамзин Н.М. История государства российского. М.: Эксмо, 2002. 1024 с.

193. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Наука, 1984. 727 с.
194. Карпушев В.И., Курдин Ю.А. Сказания о святой Дивеевской земле. Арзамас, 2008. 182 с.
195. Касьянова К.О русском национальном характере. М.: Ин-т нац. модели экономики, 1994. 367 с.
196. Кириллова О.С. Культурология, город и культуротуризм: конкретизация пространства // 60 параллель. 2010. № 3. С. 26-33.
197. Кирилов В.В. К проблеме изучения древнерусского города XVI-XVII вв. // Русский город :исслед. и материалы. М., 1984. Вып.7. С.4-39.
198. Ключевский В.О. Русская история. М.: Изд-во ЭКСМО, 2005. 912 с.
199. Коган Л.Б. Города и люди. М.: Ладья, 1993. 187 с.
200. Коган Л.Б. Городская культура и проблема «центральности» // Развитие городской культуры и формирование пространственной среды. М., 1976. С. 5-20.
201. Коган Л.Б. Культура и города // Архитектура СССР. 1973. № 1. С. 52-53.
202. Колесов В.В. Язык города. М.: Высш.шк., 1991. 190 с.
203. Кондрад Н.И. Запад и Восток. М.: Наука, 1966. 258 с.
204. Кондрад Н.И. Избранные труды. М.: Наука, 1974. 364 с.
205. Корниенко Н. Москва во времени (Имя Петербурга и Москвы в русской литературе 10-30-х гг. XX в.) // Москва в русской и мировой литературе :сб.ст. М., 2000.
206. Кошеленко Г.А., Маринович Л.П. Древний город и античный полис // Город как социокультурное явление исторического процесса. / Российская академия наук, Отв. редактор Сайко Э. В. М.: Наука, 1995. 351 с.
207. Кросс Э. Петербург глазами британцев: на пути к новой книге об этом городе // Феномен Петербурга: тр. междунар. конф., С.Петербург, 3-5 нояб. 1999г. СПб., 2000. С.236-237.

208. Купцова И.А. Динамика русской провинциальной культуры в условиях исторических трансформаций российской цивилизации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора культурологи М. 2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.
209. Кутикова Н.А. Монастыри Москвы в истории русской культуры XX века.: дис. канд. культурол. наук: 24.00.01. М., 2004. 180 с.
210. Кюстин А. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л.: Лениздат, 1991. С. 112-154.
211. Лаппо Г.М. Города на пути в будущее. М.: Мысль, 1987. 236 с.
212. Лаппо Г.М. Москва и Петербург // Хрестоматия по географии России. Образ страны: русские столицы. Москва и Петербург. М., 1993. С.7-9.
213. Лебедев Г.С. Феномен Петербурга: архетип как прототип (имперское наследие генератор будущего «маргинальной столицы России») // Феномен Петербурга : междунар. конф., С.Петербург, 3-5 нояб. 1999 г. СПб., 2000.
214. Левинтов А.Е. Городская цивилизация: методология, теория, практика. М. 1991.
215. Лелипенко А.А. Городской миф о городе (в эволюции художественного сознания и городского бытия). М.: «Наука», 1996. С. 38-48.
216. Леонтьев К.Н. Восток. Россия и славянство. М.: «Республика», 2000. 768 с.
217. Леонтьев К.Н. Поздняя осень России. М.: «Аграф». 2000. 335 с.
218. Ли В. Актуализация пропорционального содержания слова (к проблеме онтологии словесной культуры) [Электронный ресурс] URL: <http://gisap.eu/node/28828>.
219. Линч К. Образ города. Пер. с англ. В.Л. Глазычева. [Электронный ресурс] URL: <http://www.glazysnev.ru>.
220. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. М.: Стройиздат, 1986. 264 с.

221. Липчанская И.В. Образ Лондона в творчестве Питера Акройда. Автореф. канд. филол. наук. Иваново, 2014.
222. Лихачев Д.М. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. 416 с.
223. Лихачев Д.С. Заметки о русском языке. М.: Сов. Россия, 1981. 71 с.
224. Лихачев Д.С. Краеведение как наука и деятельность / Русская культура. М., 2000.
225. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л.: Наука, 1967. 303 с.
226. Лихачев Д.С. Провинция и великие «малые» города / Русская культура. М., 2000. [Электронный ресурс] URL:<http://www.alleng.ru/d/cult/cult079.htm>.
227. Лихачев Д.С. Русское народное поэтическое творчество: в 2-х т. М-Л.: АН СССР, 1956. 1060 с.
228. Лобанов Ю.В. столичность и провинциальность как культурологические категории / Ю.В.Лобанова // Культурологические исследования'03 : сб.науч.тр. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 2003. С.79-89.
229. Лотман Ю. М. От редакции / Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18.
230. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII- начало XX). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПб, 1998. 414 с.
231. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М.: Языки русской культуры, 1996.
232. Лотман Ю.М. Динамическая модель семиотической системы. Ученые записки Тартуского университета. Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту. Тарту, 1973. С. 239-274.
233. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т.1 Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс]URL:<http://www.cnat.ru/~yankos/ya.htm>.
234. Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1993. 188с.

235. Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т.2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. 479 с.
236. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
237. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 285с.
238. Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва Третий Рим» в идеологии Петра Первого (к проблеме средневековой традиции в культуре барокко). СПб.: Искусство-СПБ, 1988.
239. Лотман Ю.М. Символика Перербурга и проблема семиотики города // История и типология русской культуры. СПб. : Искусство- СПБ, 2002. 768с.
240. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи в трех томах. Таллин. «Александра», 1992. [Электронный ресурс] URL: <http://www.снат.ru/~уанкос/уа.нtm>.
241. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Об Искусстве. М.: «Искусство-СПБ», 1970. 285с.
242. Лотман Ю.М. Текст в тексте. // Теория образования и обучения, 2014. №1.
243. Лукомский Г.К. Старый Петербург: прогулки по старинным кварталам столицы. СПб: Коло, 2002. 95 с.
244. Ляхова С. С. Провинциальный город как социокультурный феномен: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. Архангельск, 2006. 124 с. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dsliv.net/soc-filosofia/provincialnyj-gorod-kak-sociokulturnyj-fenomen>.
245. Макогоненко Г.П. Николай Карамзин и его «Письма русского путешественника» // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Правда, 1988. 22 с.
246. Малер А.М. Духовная миссия третьего Рима. М.: Вече, 2005. 384 с.
247. Маликова М.Е. II Образ Петербурга в мировой культуре // Материалы междунар. конф. (30 июня -3 июля 2003 г.). СПб., 2003. С.3-14.
248. Малиновский А.Ф. Обзорение Москвы. М.: Моск. рабочий, 1992. 262 с.

249. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. СПб., 1997.
250. Мамардашвили М. Психологическая топология пути. М. Пруст «В поисках утраченного времени» // СПб.: Нева, РХГИ, 1997.
251. Манфорд Л. История урбанизации. Появление города // Наш дом–Земля. М.: «Мысль», 1982. С. 162-185.
252. Марушкина Н.В. Концепт еда в контексте диалога. Автореферат на соискание уч. ст кандидата культурологии: 24.00.01 Ивановский государственный университет].- Иваново, 2014. 166 с. [Электронный ресурс] URL: <http://cheloveknauka.com/kontsept-eda-v-kontekste-dialoga-kultur#ixzz4fWkaNYrH>.
253. Мачтет Г. Избранное. М.: Гослитиздат, 1958.
254. Меднис Н.Е. Петербургский текст русской литературы. Новосибирск, 2003. 185 с.
255. Межевич М.Н. Социальное развитие и город: философские и социологические аспекты. Д., 1979.
256. Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. Идея религиозно-философского краеведения как культурный образовательный проект // V-ая международная научно-практическая конференция «Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований», 23-26.05.2011, Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого.
257. Мелешко Е.Д., Назаров В.Н. Региональная культура: поиски самоидентификации // Культура, художественное наследие и туризм как факторы динамичного развития региональной экономики // Антропология региональных сообществ в глобальной социокультурной динамике: духовно-нравственные конфигурации: монография. Серия «Белгородская академическая библиотека» / Под ред. С.Н. Борисова, Е.Д. Мелешко, В.П. Римского, М.В. Новак. Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. 153 с.
258. Миллер В. Очерки русской народной словесности. М., 1897-1910. 480 с.
259. Миллер В. Экскурсы в область русского народного эпоса. М., 1892. 317 с.

260. Миронов Б.Н. русский город в 1740-1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. Отд-ние. Л.: Наука, Ленингр.отд-ние, 1990. 271 с.
261. Михайлов И. А. Феномен // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М., Мысль, 2010. т. IV.
262. Михайлов С.В. Феномен столичных мегаполисов // Политая . 2002. №3(26).
263. Михельсон М.О. Городская культура и методология ее исследования. // Парадигма. Очерки философии и теории культуры. Вып. 4. СПб, 2006. С.12-17.
264. Моисеев Н.Н. Человек и город. М.: «Наука», 1985. 195 с.
265. Монас С. Воображаемый город // Нева, 1992. №5-6. С.356-357.
266. Москва и московский текст русской культуры : сб.ст. / Рус.гос. гуманит.ун-т; отв.ред. Кнабе Г.С. М.: Издат.центр РГГУ, 1998. 226 с.
267. Мотылев Л. Акройд Питер. Биография Лондона // Иностранная литература. 2002. № 10. С. 230-289.
268. Мумфорд Л. Истоки урбанизации. Появление города // Наш дом планета Земля. – М., 1982.
269. Мустафаева А.А., Актаулова Б.Ж. Термин «социальный портрет»: понятие, значимость и его особенность в проведении исследования. [Электронный ресурс] URL: http://www.rusnauka.com/35_FPN_2014/Psinologia/13_178538.doc.htm.
270. Набилкина Л.Н. Образ Нью-Йорка: гуманистический и отчужденный [Текст] / Набилкина Л.Н. // Мир науки, культуры, образования. №3(28), 2011. – С.71-74.
271. Набилкина Л.Н. Город как культурологический феномен [Текст] / Набилкина Л.Н. // Мир науки, культуры, образования. №4(29), 2011. – С. 353-355.

272. Набилкина Л.Н. Культурологический образ Дублина и его жителей в романе Джеймса Джойса «Улисс» [Текст] / Набилкина Л.Н. // Обсерватория культуры. №2 2012. – С. 106-111.
273. Набилкина Л.Н. Травелог – лингвокультурологическая основа образа города и государства [Текст] / Набилкина Л.Н. // Приволжский научный вестник. №8(24) 2013.
274. Набилкина Л.Н. Париж в изображении Э.Хемингуэя и Ф.С. Фицджеральда [Текст] / Набилкина Л.Н. // European Social Science Journal. №12 (15) 2012. – С. 178-183.
275. Набилкина Л.Н. Нью-Йорк : утраченные иллюзии. Город в восприятии Ф.С. Фицджеральда и Г. Миллера [Текст] / Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. // Мир науки, культуры, образования. №2 (33), 2012. (0,6 п.л. ; авт. вкл. – 0,4 п.л.).
276. 6. Набилкина Л.Н. Париж в зеркале французской литературы [Текст] / Набилкина Л.Н. // Мир науки, культуры, образования. №1 (32), 2012. – С. 249-252.
277. Набилкина Л.Н. Москва и Петербург Петра Великого [Текст] / Набилкина Л.Н. // European Social Studies Journal . №10 (26), 2012. – С. 188-196.(0,8 п.л.)
278. Набилкина Л.Н. Культурологический образ русских городов [Текст] / Набилкина Л.Н. // Преподаватель 21 века. Вестник МПГУ. №4, 2012. – С. 371-376.
279. Набилкина Л.Н. Культурологический образ Москвы: дегуманизированный и гуманистический [Текст] / Набилкина Л.Н. // Преподаватель 21 века. Вестник МПГУ. №2, 2013. – С. 387- 395.
280. Набилкина Л.Н. Город Мастера [Текст] / Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. // European Social Science Journal. №5 2013. – С. 197-203.
281. Набилкина Л.Н. Культурологический образ города в отечественной и зарубежной критике [Текст] / Набилкина Л.Н. // Теория и практика общественного развития . №10 2013.

282. Набилкина Л.Н. Образ города в мировой литературе [Текст] / Набилкина Л.Н. // Теория и практика общественного развития . №3 2014.
283. Набилкина Л.Н. Европа в травелогах русских писателей [Текст] / Набилкина Л.Н. // Теория и практика общественного развития. №1 2014
284. Набилкина Л.Н. Образ Парижа в романе Э.М. Ремарка «Триумфальная арка» [Текст] / Набилкина Л.Н.// European Social Science Journal. №1 2014.
285. Набилкина Л.Н. Культурно-исторические представления о городе В.Л. Глазычева [Текст] / Набилкина Л.Н. // Теория и практика общественного развития. № 9 2014.
286. Набилкина Л.Н. Культурологический портрет города в сборнике Э.Тополя и А. Стефановича «Русский Париж» [Текст]/ Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. // Международный научно-исследовательский журнал.№3 2016.
287. Набилкина Л.Н. Имагология и диалог культур [Текст] / Капустянская К.В., Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. // Обсерватория культуры. №1. Т.1 2016.
288. Набилкина Л.Н. Идеи фронта и их роль в формировании американской культуры [Текст]/ Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. // Вопросы культурологии №5 2016.
289. Набилкина Л.Н. Поэтика города как культурологическое явление [Текст]/ Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. // Успехи современной науки. №8, 2016.
290. Набилкина Л.Н. Религиозные истоки университетского образования в Англии и США [Текст] / Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н.// Alma mater (Вестник высшей школы). №9, 2016.
291. Набилкина Л.Н. Друзья и враги Русского мира: культурологический аспект [Текст] / Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. // Вопросы культурологии. №7, 2017.
292. Набилкина Л.Н. К проблеме взаимоотношений России и Европы: культурологический аспект. [Текст]/ Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. // Успехи современной науки. №3, Т.6, 2017.

293. Набилкина Л.Н. Америка Джона О'Хары. [Текст] / Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. - Арзамас: АГПИ, 2004. 200 с.
294. Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. Зарубежная литература и литература стран изучаемого языка. Фрагментарный герой – расколотый мир: основные тенденции литературного развития Запада XX века. [Текст] / Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. - Арзамас: АГПИ, 2008. – 110с.
295. Набилкина Л.Н. 20 век глазами писателей реалистов и модернистов. [Текст] / Кубанев Н.А., Набилкина Л.Н. . – Ламверт Publishing, 2014.- 110 с.
296. Набилкина Л.Н. Город как культурологический феномен в русской, американской и западноевропейской литературах. [Текст] / Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А. – Шуя, 2014. – 281с.
297. Набилкина Л.Н. Феномен города в образах и символах словесной культуры [Текст] / Набилкина Л.Н., Мелешко Е.Д. – Арзамас: Арзамасский филиал ННГУ, 2017. – 310 с.
298. Набоков В.В. Петербург // «Город под морем или блистательный Санкт-Петербург : воспоминания, рассказы, очерки, стихи / сост. С.А.Прохватилова. СПб., 1996. С.390 -393.
299. Назаров В.Н. История этических учений. М.: Гардарики.
300. Насонов А.Н. «Русская земля» и образование древнерусского государства. М.: АН СССР, 1951. 282 с.
301. Некрасов В. Записки зеваки. М.: Худ.лит-ра, 1991. 604 с.
302. Некрасов В. По обе стороны океана. М.: Художественная лит-ра, 1991. 398 с.
303. Неофициальная история России. М.: Олма, 2006.
304. Неретина С. С., Абушенко В. Л., Кацук Н. Л. Концепт. Гуманитарная энциклопедия [Электронный ресурс] URL: <http://gtmarket.ru/concepts>.
305. Неретина С.С. Концепт. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. М.: Мысль. Под редакцией Стёпина В. С. [Электронный ресурс]URL: <http://dic.academic.ru>.

306. Нестерова В.Н. Лондон и проблема памяти города // Великобритания в европейской культурном контексте. Н. Новгород, 2000. С. 135-138.
307. Никифорова Л.В. Дворец в истории русской художественной культуры. Автореф. на соискание уч. ст. доктора культурологии // [Электронный ресурс] URL: <http://www.dissert.ru>.
308. Николюкин А.Н. Америка глазами наших соотечественников. Взгляд в историю – взгляд в будущее. М.: Прогресс, 1987. 712 с.
309. Нилус С. А. На берегу Божьей реки: записки православного / Полное издание: В 3 т. СПб.: «Лествица» - «Диоптра», 1999. Т.3.
310. О'Хара Д. Дело Локвудов. СПб.: Яна-Принт, 1993. 512 с.
311. Океанский В.П., Океанская Ж.Л. Основания культурологии: уч. пособие. Шуя, 2008.
312. Орлова Э.А. Вопросы освоения городской культуры // Культура города: проблемы качества городской среды. М.: «Наука», 1986. С. 38-49.
313. Павленков Ф. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1907.
314. Павловская А.В. Россия и Америка. Проблемы общения культур. М.: МГУ, 1998. 306 с.
315. Паламарчук М.Л. Город как социокультурный феномен. Дисс... канд. философ.наук. Архангельск, 2009.
316. Пелипенко А.А. Культура как система. М.: Языки рус.культуры, 1998. 372 с.
317. Петербург как феномен культуры.: сб.ст. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 1994. С.40-67.
318. Петербургский текст повседневной культуры: Пушкин, чтения-2003: материалы Всерос. науч. конф., 6 июня 2003 г.: 300-летию С.Петербургапосвящ. СПб.: Ленингр.гос. обл. ун-т, 2003. 82 с.
319. Пивоваров Ю. Л. Проблемы современной урбанизации. М.: Статистика, 1972.
320. Питер Акرويد [Электронный ресурс] URL: <http://liveliv.ru>.

321. Повесть временных лет. Арзамас: АГПИ, 1994.
322. Политология. Словарь: [Электронный ресурс]URL: <http://dic.academic.ru>.
<http://stylistics.academic.ru>.
323. Понятие. Новая философская энциклопедия в 4 тт. Интернет-версия издания: Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Пред.научно-редакционного совета Степин В.С., 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. URL: <http://ipnliv.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc2643a368caa9ea5d95c>.
324. Попова Л.Д. Сакральные основания культуры русского города (на материалах Архангельска конца XVI – начала XX века).: дис. док.культурол. наук: 24.00.01. СПб., 2007.
325. Порозов Р.Ю. Культурно-образовательный потенциал городского пространства: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Челябинск, 2009. 25 с.
326. Посет К.Н. Письмо с кругосветного путешествия // Отечественные записки. 1855. 85с.
327. Потапенко Н. Проклятый город // Петербург как феномен культуры : сб.ст. / РГПУ им.А.И.Герцена. СПб., 1994. С.120-122.
328. Потницева Т.Н. Биография как жанр английской литературы XVIII-XIX вв.: дисс. ... докт. филол. наук. Днепропетровск, 1993. 401 с.
329. Православная энциклопедия / под общей редакцией Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2000.
330. Приложение к «Великой Дивеевской тайне» (Из семейного архива Флоренских) // Литературная учеба. 1991. Книга первая.
331. Проблема «Москва Петербург» в русской культуре.: исслед. публицистика, мемуары конца XVIII нач. XX в. / сост. И.Л.Беленький // Россия и современный мир. 1997. № 3-4.

332. Провинциальная культура и церковь (из истории Шуи в XIX – начале XX веков). – Шуя : Изд-во ШГПИ, 1994.
333. Провинциальный анекдот: чтения по региональной казуальной истории (Шуя, 24-25 октября 2005 г.). Вып.V / науч. ред. В. А. Евсеев, Ю. А. Иванов. Шуя: б. и., 2005. 244 с.
334. Прохорова Л.С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века.: дис. канд. филол. наук: 10.01.01. Томск, 2005. 194 л.
335. Пушкин А.С. Медный всадник / Собрание сочинений: в 7-и т. М.: Прогресс, 1988. Т. 1.
336. Пыпин А.Н. Истории русской этнографии. СПб., 1918. 488 с.
337. Пыпин А.Н., Спасович, В.Д. История славянских литератур. СПб., 1879. 536 с.
338. Рабинович М.Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического исследования) // «Советская этнография». 1983. № 3. С. 19-24.
339. Религиозный начетчик в русской провинции XIX века // К типологии духовной интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее. Иваново: Изд-во ИвГУ, 1998.
340. Розанова Т.М. К вопросу о взаимных влияниях в архитектуре Петербурга и Москвы // Петербургские чтения-96
341. Розин В.М. Городская культура, человек, окружающая среда // Вопросы философии. 1980. № 1. С. 43-54.
342. Роль православной церкви в истории и культуре Владимирской земли: материалы областной краеведческой конференции. Владимир, 2001.
343. Романенко А.П. Образ ратора в советской словесной культуре. Учеб.пособие. М.: Флинта, 2012. [Электронный ресурс] URL: [нттр://7top.org/viewtopic.php?t=2940457](http://7top.org/viewtopic.php?t=2940457).
344. Россия между Западом и Востоком. М.: Московский философский фонд, 1993. 350 с.

345. Ротиков К.К. Другой Петербург. 2-е изд. СПб.: Лига Плюс, 2000. 637 с.
346. Русская идея. М.: Республика, 1992. 269 с.
347. Сайко А. Социокультурный портрет российской провинции Серебряного века [Электронный ресурс] URL: http://ec-dejavu.ru/p/Provinces_Saiko.
348. Сайко Э.В. Становление города как производственного центра. Душанбе, 1973.
349. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 12-и т. М.: Правда, 1951.
350. Санный Турома Семиотика городского пространства Ю.М. Лотмана: опыт переосмысления. НЛО. 2009.
351. Сванидзе А.А. Город в цивилизации // Город как социокультурное явление исторического процесса : [сб.ст.] / РАН, науч. совет по комплекс.проблем. М.:Наука, 1996. С.58-65.
352. Сванидзе А.А. Город в цивилизации: к вопросу определения // Город как социокультурное явление. М.: «Наука», 1995. С. 29-33.
353. Сванидзе А.А. Город и цивилизация. М., 1999.
354. Сент-Бёв Ш.-О. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Художественная литература, 1970. 607 с.
355. Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе / А.С.Сенявский: РАН, Ин-т рос.истории. М.: Наука, 2003. 285 с.
356. Скрипачева И.А. Современный город как культурная система. Киров, 2010.
357. Словарь иностранных слов русского языка. [Электронный ресурс] URL:<http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>
358. Смирнов С.Б. Взаимодействие Москвы и Петербурга как феномен развития культуры России в 18-20 вв.: дис. док.культурол. наук. М., 2008.
359. Смирнова Т. Ю. Метафизика города как текст // Молодой ученый, 2009. №11.
360. Соколов Э.В. Город глазами культуролога // Город и культура: сборник научных трудов. СПб., 1992. С. 5-14.

361. Соловьева Н.А. Вызов романтизму в постмодернистском английском романе // Вестник МГУ. Серия 9: Филология. М., 2000. № 1. С. 53-67.
362. Солоневич И.Л. Москва Первопрестольная: далекая и близкая: Москва и москвичи в лит.рус.эмиграции: в 2 т. Сост., авт. вступ. ст. и коммент. М.Д.Филин. М., 2003. Т.1.
363. Сохань И.В. Женщина и гастрономический код культуры // Женщина в российском обществе. 2010. Т. 57. № 4. С. 50-60. [Электронный ресурс] URL:<http://womaninrussiansociety.ru/>
364. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2004.
365. Стерн Л. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. М.: Гослитиздат, 1976.
366. Стеценко Е.А. История, написанная в пути. М.: ИМЛИ РАН, 1999. 214 с.
367. Столович Л.Н. Петербург Москва: философский диалог // В диапазоне гуманитарного знания. К 80-летию профессора М.С.Кагана : [сб.ст.] / СПбГУ, С.-Петерб. философ.о-во. СПб., 2001. С.120-131.
368. Страда В. Петербург как европейская столица // Образ Петербурга в мировой культуре : материалы междунар. конф. (30 июня 3 июля 2003 г.). СПб., 2003. С.15-26.
369. Струков В.В. Художественное своеобразие романов Питера Акройда (к проблеме британского постмодернизма). Воронеж: Полиграф, 2000. 182 с.
370. Суханова В.А. Романы Ю.В. Трифонова как художественное единство. М., 2001.
371. Толстой А.Н. Петр Первый. М.: Худ.лит-ра, 1981. 703 с.
372. Тополь Э, Стефанович, А. Я хочу твою девушку. М.: АСТ, 2000. 256 с.
373. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс Культура, 1995. 621 с.

374. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. Новое прочтение. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 612 с.
375. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб.: Наука, 2003. 616 с.
376. Трифонов Ю.В. Другая жизнь. М.: Известия, 1979.
377. Трифонова И.О. Город как сакральное пространство // Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая» [Электронный ресурс]URL:<http://medievalrus.narod.ru>.
378. Трифонова И.О. Город как сакральное пространство. [Электронный ресурс] «Исторический Интернет-альманах «Русь средневековая» URL:<http://medievalrus.narod.ru>.
379. Трушина Л.Е. Культурология города как самостоятельная дисциплина // Формирование дисциплинарного пространства культурологии: материалы научно-методической конференции, 16 января 2001 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 209-210.
380. Трушина Л.Е. Образ города и городской среды. // Виртуальное пространство культуры: материалы научной конференции, 11-13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 97-99.
381. Трущенко О.Е. Городская среда и образ жизни / Критика американских социологических концепций: Автореферат на соискание ученой степени к.и.н.: 09.00.03. М., 1983.
382. Трыков В.П. Имагология и имагопоэтика // Знание. Понимание. Умение №3, 2015. С.52-63.
383. Уваров М.В. Метафизика Петербурга. ФНИЦ «Эйдос», 1993. 259 с.
384. Уездная Россия: местные власти, церковь и общество во второй половине XIX - начале XX веков. Иваново: Изд-во ИвГУ, 2003. 268 с.
385. Уорсли Л. Английский дом. Интимная история. М.: Синбад, 2016.

386. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. [Электронный ресурс] URL: <http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.
387. Файзуллин Р.С. Социология города. М., 1997. [Электронный ресурс] URL: http://www.glazusnev.ru/navigations&cities/1986_роетика.htm.
388. Фонвизин Д.И. Сочинения. М.: Правда, 1981. 354 с.
389. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993.
390. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. Пер. с нем. А. Г. Чернякова. Спб.: Высшая религиозно-философская школа, 2001. 446 с.
391. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. Под редакцией А. Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991.
392. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Авенариус, 1997.
393. Хасиев С.А. Архитектура городской среды: Учеб. для вузов. М.; Стройиздат, 2001.
394. Хемингуэй Э. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Терра, 2000.
395. Хорн А. Тайны Парижа. Ключ к истории города. М., 2010. 308 с.
396. Хоружий С.С. Вместо послесловия /Джойс Д. Улисс / Пер. с англ. В. Хинкиса и С. Хоружего; коммент. С. Хоружего. М.: Республика, 1993. 671 с.
397. Хренов Н.А. Образы города в истории: психологические аспекты смены парадигмы // «Общественные науки и современность». 1995. С. 150-161.
398. Хэмингуэй Э. Праздник, который всегда с тобой. Пер. с англ. В.П. Голышева. М. АСТ, 2014. 286 с.
399. Чаадаев П.Я. Сочинения. М.: Республика, 1989.
400. Черва В.Е. Культурологический подход к определению понятия «культурный ландшафт» //Методология культурологического исследования: культурологические исследования-06 .СПб., 2006.
401. Чердынцев В.В. Человек и история в городских повестях Ю.В. Трифонова. М., 2001.

402. Чудинов А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910.
403. Шелохаев В. История современной России. М.: ТЕРРА, 1996.
404. Ширибон Е.В. Информационное пространство города (на примере Улан-Удэ) [Электронный ресурс]URL: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-vuryatskogo-gosudarstvennogo-universiteta>.
405. Ширибон Е.В. Реклама в информационной культуре города // Материалы конференции «Феноменология социальных трансформаций [Электронный ресурс]URL:http://fst.mu1.ru/load/materialy_konferencij/reklama_v_informacionnoj_kulture_goroda/1-1-0-31.
406. Шмелев Н.А. Лето Господне. Избранное. М.: Правда, 1989.
407. Шпенглер О. Закат Европы. Очерк морфологии мировой истории. М.: «Мысль», 1993. 663 с.
408. Штомпель Л. А. Смыслы времени. Ростов-на-Дону, 2001. 201 с.
409. Штомпель, Л. А. Время: культурно-исторический. смысл. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. доктора филос. н. Ростов-на-Дону, 1998. [Электронный ресурс]URL: <http://www.dissertat.ru>.
410. Шубина А.В. Образ ребенка и организация пространства постмодернистского текста Питера Акройда // Вестник Поморского ун-та, 2009. Серия «Гуманитарные и социальные науки», № 5. С. 103-106.
411. Щегольков Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас: Типография Н. Доброхотова, 1911. 274 с.
412. Элли Р. Последнее танго в Париже. М.: Весто, 2001. 224 с.
413. Энциклопедия культурологии. [Электронный ресурс]URL: <http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.
414. Энциклопедия эпистемологии и философии науки [Электронный ресурс] URL:<http://dic.academic.ru/http://insai.ru/slovar/kontsept-1>.

415. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. 1248 с.
416. Эренбург И. Сочинения: в 5-и т. М.: Гослитиздат, 1954.
417. Юнг. К.Г. Человек и его символы. СПб.: Б.С.К., 1996.
418. Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.). СПб., 2003. С. 15-35.
419. Яковенко И.Г. Художественное сознание и городская среда (в их взаимодействии и созидании) // Город и искусство: субъекты социокультурного диалога / отв. ред. докт. ист. наук Э.В. Сайко. М.: Наука, 1996. С. 20-25.
420. Ямпольский Б. Арбат, режимная улица. М.: Вагриус, 1997. 432 с.